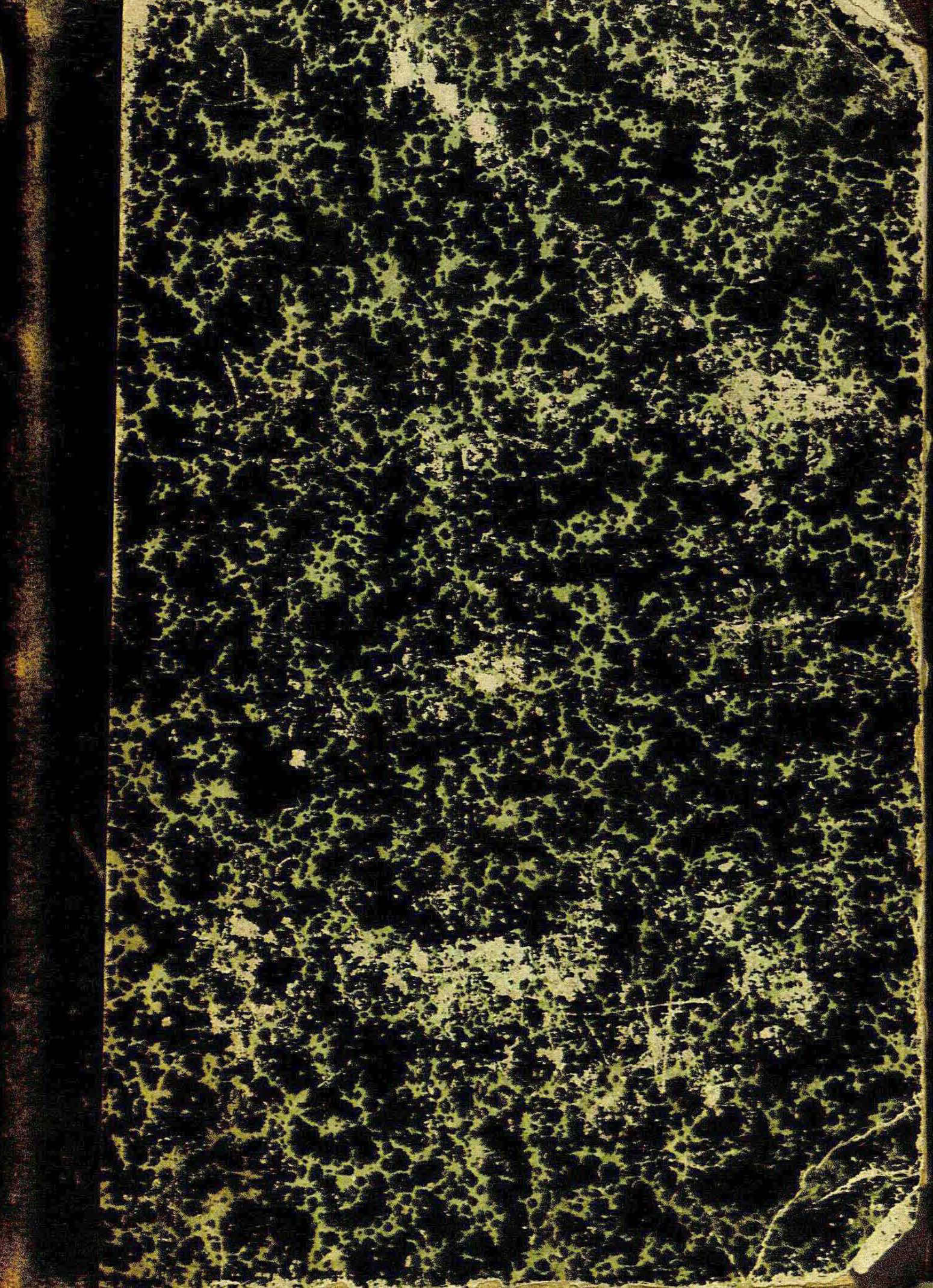
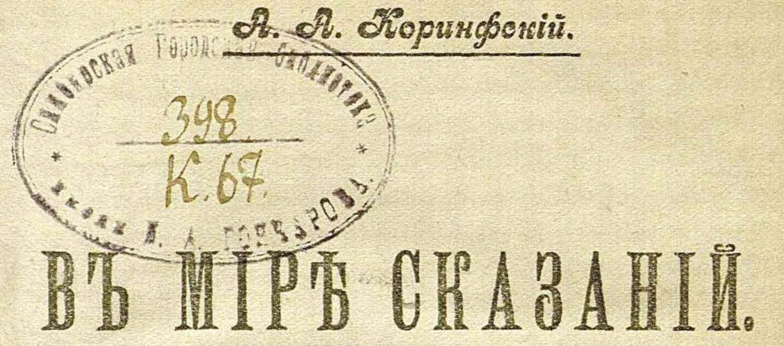


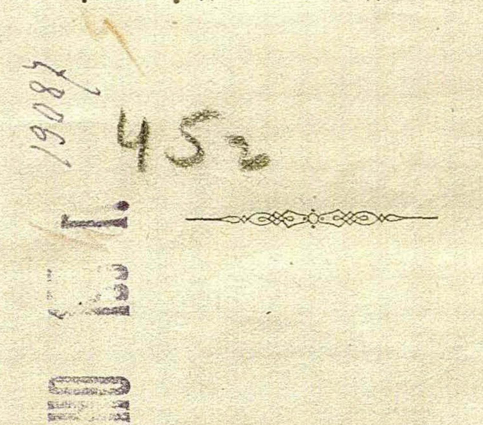
KP



А. А. Коринфскій.

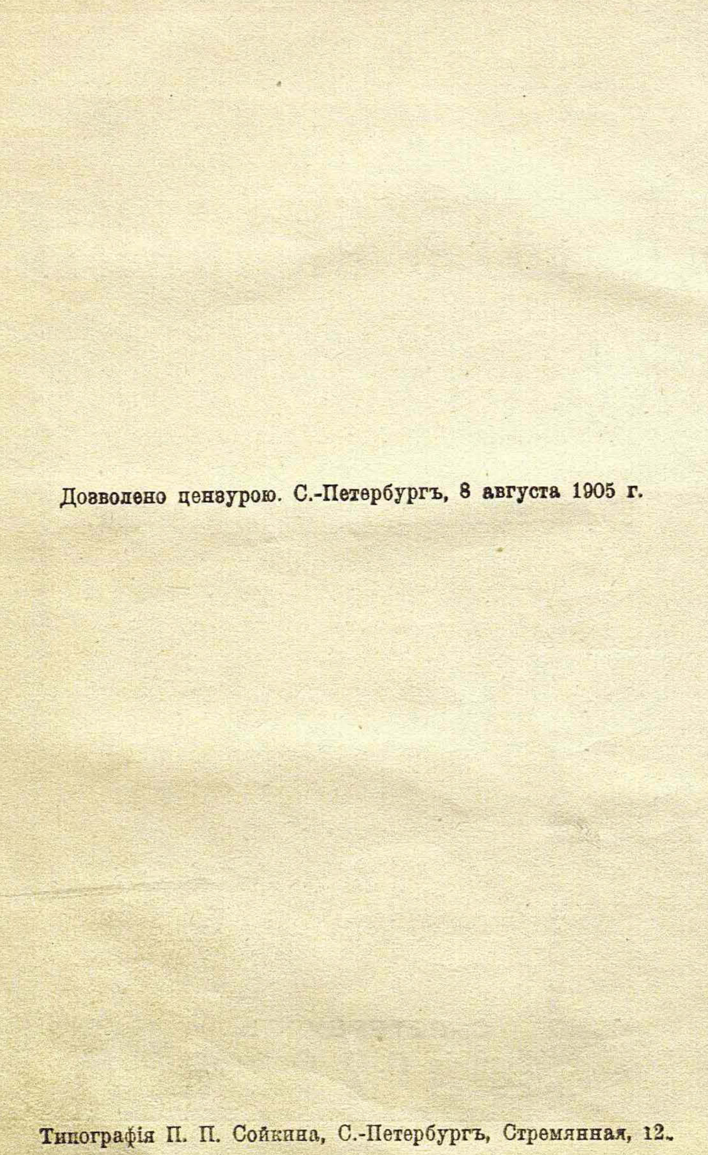
ВЪ МІРѢ СКАЗАНІЙ.

Очерки народныхъ взглядовъ и повѣрій.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ — Стремянная, № 12, собств. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ — Невскій пр., 96, уг. Надеждинск.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 августа 1905 г.

Типографія П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

I. Живая и мертвая вода.

Русскій народъ-сказатель, по воспринятому отъ стародавнихъ пращуровъ преданію, считаетъ воду „кровью Матери-Сырой-Земли“ и придаетъ ей не только прямое—въ смыслѣ утоленія жажды и поддержанія растительности—значеніе, но и очистительное, вѣщее, цѣлебное. Послѣднее значеніе развилось въ суевѣрномъ воображеніи простодушнаго сына деревни и полей въ цѣлую вязь сказаній о „живой“ и „мертвой“ водѣ. Особенно много мѣста удѣляется имъ въ нашихъ старинныхъ сказкахъ и былинахъ, хотя народное слово охотно возвращается къ этимъ таинственнымъ цѣлебнымъ силамъ и въ позднѣйшія времена творческой жизни.

Въ связи съ понятіемъ объ очищеніи ото всего нечистаго вода является въ глазахъ простонароднаго суевѣрія цѣлебною противъ болѣзней, какъ „напущеннаго темной силою (нѐчистью) лиха“. Это относится и къ рѣчной-проточной, и къ дождевой-снѣговой (небесной) водѣ. „Матушка-вода!—обращается къ очистительно-цѣлебной стихіи вѣрящая въ силу заговоровъ и наговоровъ народная Русь, — обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣлъ-горючъ камень своей быстриной и золотой струей. Обмой-ка ты съ раба Божія (имя) всѣ хитки, всѣ притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу ху-

*

добу! Понеси-ка ихъ, матушка быстра рѣка, своей быстриной — золотой струей во чистое поле, на синее море, за топучія грязи, за зыбучія болота, за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ!“ Многое-множество другихъ, подобныхъ этому, заговоровъ до сихъ поръ ходитъ среди посельскаго люда, поддерживая въ народѣ память о сѣдой старинѣ, обожествлявшей всѣ стихiи природы. Сказанія же о живой и мертвой водѣ стоятъ совсѣмъ наособицу. Имъ придается смыслъ чисто символическій, хотя зачастую также связанный съ тѣмъ или другимъ житейскимъ вопросомъ и дающій даже возможность предполагать, что нашимъ отдаленнѣйшимъ предкамъ были до нѣкоторой степени извѣстны свойства минеральныхъ водъ, представлявшіяся непосредственному впечатлѣнію славянина-язычника чудесными въ полномъ смыслѣ слова.

Бокъ-ò-бокъ съ этимъ представленіемъ живо въ народной памяти и теперь еще кое-гдѣ по деревенскому захолустью распѣваемое каликами-перехожими сказаніе о райскихъ рѣкахъ, изъ которыхъ будто-бы растекаются-разбѣгаются подземными путями-дорогами по всему свѣту бѣлому ручьи цѣлебной воды. „Во пресвѣтлыемъ раи, во Божіемъ саду, во саду Божіемъ-Господніемъ, тамъ текутъ-плывутъ рѣки медвяныя, медвяныя рѣки благословенныя—семь великихъ рѣкъ, семь глыбокіихъ“... — заводится-запѣвается этотъ записанный на среднемъ Поволжьѣ народный стихъ-сказъ. „Семь глыбокіихъ рѣкъ, семь широкіихъ, — продолжается пѣсенное повѣствованіе.—Никому-то тѣхъ рѣкъ не видѣти, никому да по тыимъ рѣкамъ не плавывати: видѣлъ райскія рѣки Адамій-святъ да со своею дружиной Евгою; плавывалъ по тыимъ рѣкамъ одинъ Господь, Саваоѳъ по святой водѣ, яко по суху, похаживалъ, ко Адамію взывалъ гласомъ велiимъ, призывалъ перваго человѣка отвѣтъ держать, держати отвѣтъ—слово молвити все тому-ли грозному Судіи Правед-

ному, самому Творцу Небесному, всей земной и подземной твари Промыслителю"... Затѣмъ сказаніе, воспроизведя картину грѣхопаденія прародителей человѣчества и изгнанія ихъ изъ рая, снова возвращается къ описанію райскихъ рѣкъ, окружившихъ, по представленію народа, семью огненными кольцами „пресвѣтлые сады райскіе", чтобы изгнанники не могли проникнуть въ свою прежнюю обитель:

«Текутъ-бѣгутъ рѣки райскія,
Семь глубокіихъ рѣкъ, семь широкіихъ—
Текутъ-бѣгутъ огнемъ-полымемъ
Округъ Божія рая Господняго,
Аки змѣи огнепалимыя;
Не угасати рѣкамъ съ вѣка до вѣку,
До того-ли до второго пришествія...
Текутъ-бѣгутъ рѣки райскія—
По землѣ текутъ огнемъ-полымемъ,
Подъ землей рѣки водой разбѣгаются,
Поятъ всеё глыбь поддонную,
По всему подселенному міру расплываючись—
На усладу всему свѣту бѣлому,
На утѣху всему люду крещоному,
Крещоному міру православному...
Отъ тыихъ-ли семи райскихъ рѣкъ—
Семи райскихъ рѣкъ пресвѣтлыихъ—
Седьмижды семь ручьевъ пошли,
Проторили подъ землей пути незримые,
Незримые пути незнамые;
Отъ тыихъ-ли седьмижды семи ручьевъ
Проточились протоки подземные,—
Никому-то ихъ вживѣ не исчислити,
Ни одной душѣ не измѣрити...
Текутъ-бѣгутъ рѣки райскія,
Разбѣгаются ручьями да протоками,
Точутъ воды глыбь поддонную,
Ко Божьему красну солнышку выбиваючи:
Гдѣ проглянетъ ко водамъ солнышко—
Протечетъ ручей водой живой,
Той живой водой да цѣлебною:
Гдѣ повиснетъ надъ ними туча грозная—
Потечи ручью мертвой водой»...

Первый ручей живой воды по словамъ сказанія, пробился „ко Божьему красну солнышку", въ пустынѣ Ханаанской—отъ удара жезла Моисеева; второй—забилъ со дна „Ердань-рѣки" во время крещенія Господня; третій разлился „во святомъ градѣ, во Русалимовѣ", образовавъ собою евангельскую „Овчую купель". Мертвая-же вода впервые показалась на землѣ „на той на горѣ Голгоѳстіи, съ-подъ того-ли животворящаго Креста Господняго, изъ честныя главы Адамовой"—въ то самое мгновеніе, когда Распятый Сынъ Божій возгласилъ: „Отче! Въ руки Твои предаю духъ Мой!" и померкло солнце, и завѣса во храмѣ Іерусалимскомъ раздралась нà-двое, сверху дó-низу, и земля потряслась, и камни разсѣлись, и гробы отверзлись, и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли... Связывая появленіе на землѣ мертвой воды съ крестной смертью Спасителя міра, народъ-сказатель придаетъ этой водѣ особо важное значеніе, нѣсколько даже противорѣчащее ея наименованію. Народное воображеніе надѣляетъ „мертвую воду" силою приращиванія отдѣльныхъ кусковъ человѣческаго тѣла одинъ къ другому. Стоитъ-де только спрыснуть мертвой водою разрубленнаго на части человѣка, какъ въ тотъ-же мигъ сростется все тѣло бездыханное; стоитъ-де послѣ этого окропить его живой водою—и оживетъ убитый, какъ-будто никакого лиха съ нимъ не было. Потому-то во многихъ сказаніяхъ русскаго народа и выбиваютъ изъ-подъ земли оба ручья-протока (и мертвой, и живой воды) рядомъ—чтобы облегчить поиски ихъ могучимъ богатырямъ, возлюбленнымъ дѣтищамъ народнаго творческаго воображенія, или старцамъ—каликамъ-перехожимъ, заслужившимъ своими подвигами не только спасеніе души, но и благоволеніе Божіе, выразившееся въ надѣленіи ихъ даромъ исцѣленія всѣхъ недуговъ.

На вопросъ, откуда-же взялась въ райскихъ рѣкахъ одновременно и живая, и мертвая вода?—отвѣ-

чаетъ русскій народъ словами другого, очевидно родственнаго съ только-что приведеннымъ, сказанія, дошедшаго до нашихъ дней, также въ стиховной передачѣ все тѣхъ-же пѣвцовъ бродячей Руси. Это сказаніе значительно поясняетъ первое. „Жилъ-былъ во раи святъ-великъ мужъ,—поютъ убогіе выразители-носители народныхъ думъ:—во пресвѣтлыемъ обиталъ Адамій, жилъ-былъ Адамій, грѣха не знаючи, ни того-ли великаго прегрѣшенія, ниже словомъ, ниже дѣломъ, ниже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ... Навелъ Адамія на грѣхъ діаволъ-змій, улестилъ лукавый прегрѣшити мати-Евву: преступиша заповѣди Господніи, вкусиша отъ познанія древа“... За этими стихами въ сказаніи, очевидно, пропущено мѣсто, утратившееся въ народной памяти, а потомъ идутъ поющіяся непосредственно за сохранившимися слѣдующія слова: „Изыдите, вы, сотворшая злая; изыдите, падшая во грѣсѣхъ; изыдите, діавольскіе послушницы! Не жити, не быти вамъ во пресвѣтлыемъ раи, не гуляти во Божіихъ садахъ— не прохлаждатися, той-ли райскою живой водой не омыватися, не исцѣляти вамъ во райскихъ рѣкахъ печалей-болѣзней: къ вамъ жива вода вмертвѣ дотечетъ— не для вѣчнаго исцѣленія, а для ради временной жажды утомленія (утоленія?)“. Услышалъ, — гласитъ народный сказъ,—эти слова Бога-Саваоѳа Сынъ Божій и сжалился надъ соблазненными діаволомъ изгнанниками обителей райскихъ. „Да будетъ имъ, Отче, утѣшеніе!—вознесъ Онъ къ Судіи Праведному слезную мольбу:—да снидетъ на нихъ Твое, Господи, благоволеніе—за труждающихся-обремененныхъ упованіе, за то-ли многогрѣшное покаяніе! Дай имъ, Отче, великъ урокъ; дай имъ, Отче, святой завѣтъ; кто на семъ свѣтѣ праведенъ человѣкъ—тому воды райскія открываются; кто на семъ свѣтѣ праведенъ-многомилостивъ— тому живой воды омовеніе, прародительскихъ прегрѣшеній оставленіе; кто-кто на семъ свѣтѣ во грѣсѣхъ

живетъ, во своихъ-ли грѣхахъ нераскаянныхъ — кто-кто на семъ свѣтѣ жестокъ-немилостливъ—тому мертвой воды омовеніе, прародительскими грѣхами потопленіе!“ И вотъ, по словамъ сказанія, съ той поры:

«Съ-подъ бѣла камня-алатыря вода бѣжитъ,
Съ-подъ горючаго волна течетъ,
Гдѣ бѣжитъ-течетъ—незнаемо,
Міру грѣшному невѣдомо:
Что жива-ль вода студеная,
Студенà вода цѣлебная!..
Съ-подъ бѣла-горюча камушка,
Изъ-подъ спуда свѣта бѣлаго,—
Гдѣ жива вода, гдѣ мертвая,
Знаютъ только старцы Божіи,
По Господню слову вѣдаютъ:
Отъ живой воды роса идетъ
По всему-ли свѣту бѣлому,
Отъ мертвóй воды—зла пóмаха,
Та-ли ржавчина ѣдучая»...

Несмотря на сбивчивость и запутанность вырисовывающагося изъ этихъ двухъ сказаній народнаго представленія о живой и мертвой водѣ, всетаки можно вывести о немъ нѣкоторое опредѣленное заключеніе. Но оно еще болѣе выясняется такими простонародными поговорками-присловьями, каковы напримѣръ: „У зла человѣка и живà вода мертвой вскинется!“, „Благословясь да добрымъ дѣломъ оградясь—и мертвой водой оживишь!“, „Живà вода къ добру течетъ, мертвà вода—къ худу зоветъ!“, „Черной души ни живой, ни мертвой водой не отмыть!“ и т. п. Въ этихъ своихъ изреченіяхъ народъ какъ-бы связываетъ съ понятіемъ о живой и мертвой водѣ понятіе о добродѣтельной и порочной-грѣховной жизни, ставя ихъ въ непосредственную зависимость между собою. Таковъ уже обычный извѣстный пріемъ всѣхъ русскихъ народныхъ сказаній, о чемъ бы въ нихъ ни велась рѣчь, какими бы вопросами жизни они ни были вызваны на свѣтъ Божій.

Существуетъ въ пѣсенномъ обиходѣ убогихъ пѣвцовъ — каликъ-перехожихъ и совершенно иначе объясняющій происхожденіе живой воды стихъ-сказъ, сложившійся-запѣвшійся, вѣроятно, въ болѣе позднія времена, чѣмъ пересказанные выше. Въ немъ народъ-сказатель ни словомъ не упоминаетъ о „пресвѣтлыемъ раи“, какъ о мѣстѣ первоисточниковъ этой таинственной силы природы, а прямо переноситъ дѣйствіе въ сказочную обстановку — на островъ Буянъ („посередь моря-Кіяна“). „Съ-подъ камешка, съ-подъ бѣлъ-камня алатыря протекли по землѣ всѣ рѣки быстрыя“,— выпѣваетъ-выводитъ онъ свое слово стиховное: — протекала съ-подъ бѣлаго латыря и жива рѣка, разбѣгалась рѣка жива родниками-ключами гремячими подо всю вселенную—всему міру на исцѣленіе, всему міру на утомленіе...“ Далѣе, какъ и въ знаменитомъ стихѣ о „Голубиной Книгѣ“, поясняется, что на этомъ-самомъ „латырѣ на камени“ происходило дѣло великое,—на немъ:

«... бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ да Царь Небесный
Съ двунадесяти со апостоламъ,
Съ двунадесяти со учителямъ, —
Утвердилъ Онъ вѣру на камени...»

Слово Божіе разлилось живой волною по всему свѣту бѣлому, а одновременно съ этимъ — по народному сказанію—забилъ изъ-подъ камня-алатыря („бѣлъ-алатырь камень—всѣмъ каменямъ мати“) первый ключъ цѣлебной („живой“) воды. Чудодѣйная сила этой послѣдней получается такимъ образомъ какъ-бы отъ прославленнаго русскимъ сказочнымъ словомъ камня, величаемаго то „матерью“, то „отцомъ“, то „царемъ“ всѣхъ камней. „Идутъ по морю много корабельщиковъ, — продолжается сказаніе, — идутъ-плывутъ по морю синему, у того камня-латыря останавливаются; они берутъ съ него, съ камня бѣлъ-горючаго, берутъ

снадобья цѣлебныя, развозятъ по всему-ли свѣту по бѣлому, по всему-ли міру крещоному, крещоному-ли міру христіанскому...“ По другому разносказу — „на томъ бѣло-латырѣ-камнѣ стоитъ свято-Божья церковь, золотая церковь Господняя; во той золотой церкви стоитъ святъ-золотъ престолъ; на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ; съ-подъ того злата престола жива вода бѣжитъ, что жива-ль вода цѣлебная—всему міру живоносная... Кто попьетъ тоя воды—вѣкъ не старится, лютыхъ болѣстей избавляется, бѣдъ-напастей огородится. Выпилъ старъ-человѣкъ — младъ-младехонекъ; выпилъ младъ-человѣкъ—образумился, ко Царю-Кресту (Христу) преклоняется, вѣры-истины поучается. Слаще нѣтъ тоя воды, нѣтъ цѣлебнѣе — чудотворнѣе, міру Божьему живоноснѣе... Отъ тоя воды по землѣ слава идетъ, по всей земли подселенныя; а про ту воду споконъ вѣковъ добрымъ людямъ на землѣ вѣдомо: кто найдетъ ее—той спасенъ будетъ, кто спасенъ будетъ — той праведникъ, Богу-Господу святъ-угодничекъ, за весь міръ-народъ челобитчичекъ, за грѣхи мірскіе печальничекъ“... „Были такіе люди праведные, что добывали живой воды, — прибавляютъ иные сказатели къ своему сказу,—были, да по вешней водѣ сплыли; и есть на свѣтѣ жива вода, да принести-то ее некому: всѣ ровно мертвой водой захлебнулись!..“ Грѣховность, слѣдовательно, является помѣхой добыванію живой воды, омывающей-исцѣляющей не только тѣлесные недуги, но и духовные. Это сознаніе ясно выразилось въ пѣснѣ раскольниковъ-морельщиковъ, записанной еще въ началѣ минувшаго столѣтія въ Архангельской губерніи:

«Тонетъ тёменъ міръ во грѣсѣхъ,
Во грѣсѣхъ незамоленыихъ,
Угрязли во грѣсѣхъ души смрадныя,
Не услышати грѣшникомъ прощенія,
Не извѣдати Божія благоволенія...

Сбились люди грѣшніи съ пути истинна
Ко тому-ли источнику живоносному,
Ко источнику живой воды»... и т. д.

Какъ тамъ, такъ и здѣсь — одна и та-же основная мысль, одно и то-же руководящее настроеніе, не видящее исхода изъ охватившей грѣшника тьмы кромѣшной, заставляющее забывать стародавнее преданіе о томъ, что «безъ живой воды рѣкамъ изсякнути, безъ семи праведниковъ землѣ не стоять"...

Міровоззрѣніе народа-сказателя, какъ слагателя „духовныхъ стиховъ", въ этомъ случаѣ далеко не совпадаетъ со взглядами его, какъ творца сказокъ и былинъ. Въ послѣднихъ онъ является и болѣе практическимъ, и болѣе жизнерадостнымъ. Въ нихъ не слышится ни безнадежности, не замѣчается ни стремленія объяснить непостижимое отвлеченными понятіями. Вмѣсто туманныхъ разсужденій выступаютъ яркія картины; вмѣсто сбивчивыхъ представленій о происхожденіи вещей ведется вполнѣ опредѣленная, хотя и не подкрѣпляемая никакими устоями мысли, рѣчь. То-и-дѣло случается встрѣчаться съ самыми, повидимому, невѣроятными сопоставленіями, но ни разу и не приходитъ въ голову заниматься провѣркой ихъ правоспособности: сказка—складка (выдумка), пѣсня—быль. И не въ томъ дѣло, что выдумано, а въ томъ, что хорошо („складно") выдумано; не въ томъ суть, точно-ли именно такъ было, а въ томъ, что было, — хотя и быльемъ поросло въ памяти народной. Недаромъ и самъ народъ говоритъ: „Добро, когда сказка ладно складывается, а жизнь и того складнѣй!", „Безъ хлѣба сытъ не будешь; про то — чего не было — пѣсню не споешь!" Въ этомъ высказался весь его личный взглядъ на сказку и былевую пѣсню, которыми такъ богато его творческое прошлое, завѣщанное въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ пахарей и оберегаемое пытливыми изслѣдователями народнаго быта, вотъ уже болѣе

столѣтія зоркимъ взглядомъ присматривающимися къ звенящимъ изъ далекой дали вѣковъ гулкимъ отголоскамъ пережитой богатыремъ-народомъ, неизгладимой изъ его исторіи, живучей старины.

Живая вода русскихъ сказокъ и былинъ неизмѣнно является надѣленною цѣлебными силами. Такъ, например, она исцѣляетъ слѣпоту, молодитъ старость, даетъ силу разслабленнымъ и немощнымъ, способствуетъ плодородію и даже, если вѣрить на-слово народу-сказателю, воскрешаетъ изъ мертвыхъ. Народное вѣщее слово то находитъ ее чуть-ли не въ каждомъ „гремячемъ", выбивающемъ изъ камня, ключѣ-родникѣ, то отсылаетъ на поиски за нею въ тридевятое царство, въ тридесятое государство. Иногда добываютъ ее очень просто—по указанію знающихъ людей; иногда же могутъ довезти до нея только крылатые кони; а по нѣкоторымъ сказочнымъ указаніямъ—приносятъ ее на бѣлый свѣтъ только вѣщіе вороны, да и то однимъ могучимъ богатырямъ.

Въ иныхъ сказаніяхъ за „живую" воду, обладающую всѣми присущими ей свойствами, сходитъ каждый плодотворный весенній дождь (осенній, въ свою очередь, слыветъ за „мертвую"); другіе сказатели ищутъ живой воды въ вечерней росѣ — на Юрьевъ и Ивановъ день. Послѣднее совершенно тождественно съ распространеннымъ во многихъ мѣстностяхъ повѣрьемъ, заставлющимъ собирать эту росу въ качествѣ цѣлебнаго снадобья. Весенній дождь, по народному преданію, возвращаетъ зрѣніе даже самому солнышку красному, ослѣпляемому зимой-Мораною. Если,—говорятъ старые свѣдущіе люди, — омочить влагою перваго вешняго ливня глаза слѣпому, они прозрѣютъ,—въ томъ случаѣ, когда за плечами слѣпца нѣтъ особенно тяжкой ноши незамоленыхъ грѣховъ.

Въ извѣстномъ, впервые записанномъ Рыбниковымъ, сказаніи: „Сорокъ каликъ со каликою" могучій

богатырь Михайло-Потыкъ (Потокъ) Ивановичъ является исцѣленнымъ живой водою вешней цѣлебной росы. Оклеветанный на пиру великокняжескомъ въ покражѣ драгоцѣнной чаши, онъ былъ пойманъ на дорогѣ и осужденъ на ослѣпленіе: „Ясны очушки у него повыкололи,—гласитъ былинное слово,—и бросили богатыря на раздольице-чисто поле...“ Ощупью добрался ослѣпленный Михайло-Потыкъ Ивановичъ до „сырого дуба“; а въ то-же время „прилетала птица райская, садилась на тотъ на сырой дубъ, пѣла она пѣсни царскія:

«Кто въ эту пору-времячко
Помоется росою съ шелковой травы,
Тотъ здравъ будетъ!»

Дошли пѣсни райской птицы до слуха обездоленнаго богатыря Земля Русской: „тутъ онъ Михайло-Потыкъ Ивановичъ вздогадался, росою съ шелковой травы умывался, стали его раны кровавыя заростати, стали его очушки проглядати...“ Живая вода возвратила ему и силы, и зрѣніе.

Славяно-русскія сказанія о языческихъ богахъ приписываютъ происхожденіе живой воды богу-громовнику — Перуну и заключаютъ ея источники въ тучи („горы толкучія“), изъ которыхъ она и проливается весною на землю, жаждущую оплодотворенія. Это преданіе совершенно совпадаетъ съ древне-индійскимъ представленіемъ о священныхъ источникахъ, питающихъ съ неба божественную рѣку Гангъ, исцѣляющую своей „живой водою“ всѣ болѣзни поклонниковъ Брамы и Шивы. Рѣки, ниспадающія съ горныхъ вершинъ, у многихъ первобытныхъ народовъ считались берущими начало въ небесныхъ горахъ (тучахъ),—почему и воды ихъ признавались цѣлебными. Многіе горные родники, благодаря минеральному составу воды, дѣйствительно оказывали явную помощь въ тѣхъ или иныхъ болѣзняхъ,—что давало еще болѣе изобильную пищу тем-

ному народному суевѣрію, видѣвшему вездѣ и всюду своихъ боговъ—то грозныхъ, то милостивыхъ. Слава о цѣлебныхъ водахъ разбѣгалась вдаль и почти всегда принимала столь необычайную окраску, что народное воображеніе только и могло допустить существованіе чудодѣйственныхъ источниковъ среди моря-океана на островѣ Буянѣ, гдѣ-нибудь за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, во владѣніяхъ сказочной Царь-Дѣвицы, охраняемыхъ змѣями-драконами или Кощеями Безсмертными. И это было не только въ предѣлахъ народной Руси, но и у всѣхъ другихъ родственныхъ и даже не родственныхъ ей порубежныхъ-сосѣднихъ народовъ—какъ славянскаго, такъ и германскаго происхожденія. Цѣлебная вода превращалась народнымъ воображеніемъ въ молодящую и даже безсмертную.

Въ замѣчательномъ изслѣдованіи Аѳанасьева о поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу говорится, что еще Александръ Македонскій ходилъ добывать эту „безсмертную“ воду, сокрытую между двумя отворяющимися и затворяющимися горами въ странѣ ночного мрака. Славянскія сказки ведутъ рѣчь о матери, посылающей сына къ двумъ „великанскимъ горамъ“, изъ которыхъ одна (правая) отворяется въ полдень и бьетъ ключомъ живой воды, а другая (лѣвая)—въ полночь и точитъ изъ своихъ нѣдръ мертвую воду. Новогреческія, украинскія и русскія сказки—всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о такихъ-же горахъ. Поѣхалъ,—повѣствуютъ наши сказочники,—младъ царевичъ въ тридесятое царство за живой водою: пріѣхалъ въ чуждыя земли незнаемыя, видитъ — стоятъ горы бокъ-о-бокъ, прижались другъ къ другу. Только одинъ разъ въ сутки расходятся врозь эти горы; пройдетъ двѣ-три минуты — опять вплотную одна къ другой прилегли. Кипитъ-гремитъ между этими горами ключъ живой воды... Подъѣхалъ къ горамъ царевичъ, стоитъ—под-

жидаетъ: когда-то онѣ разойдутся-раздвинутся... Вотъ зашумѣлъ вѣтеръ, поднялась, взметнулась пыльными вихрями буря, ударилъ громъ, засверкали молніи и—показался передъ царевичемъ желанный источникъ. Взвился на дыбы конь царевичевъ, что изъ лука стрѣла, пролетѣлъ межигорьемъ, — зачерпнулъ царевичъ два пузырька воды—живой и мертвой—и помчался на борзомъ скакунѣ обратно на дорогу прямоѣзжую... Успѣлъ унести буйную голову младъ-богатырь, да коню ноги помяло-раздробило. Призадумался-было царевичъ, да не нàдолго: опрыснулъ онъ добраго товарища мертвой и живой водою—сталъ невредимъ вѣрный конь и вынесъ богатыря изъ тридесятаго царства домой — на Святую Русь. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ источники цѣлебной („цѣлющей“) воды оберегаютъ „вóроны—нóсы желѣзные“, въ которыхъ иные изслѣдователи простонароднаго творчества видятъ молніи, побивающія дерзкихъ похитителей живой (небесной) воды.

Живая вода (весенніе дожди) пробуждаетъ отоспавщуюся зà-зиму землю къ новой жизнедѣятельности, къ новому плодородію; мертвая (дожди осенніе) погружаетъ ее въ тяжкій зимній сонъ. Это преданіе тождественно чуть-ли не у всѣхъ народовъ. Еще не такъ давно, на среднемъ Поволжьѣ можно было услышать по веснѣ обращенныя къ ясному небу „оклички“ въ-родѣ:

«Солнцево нёбушко,
Ясное вёдрышко,
Нà-поле, на ниву
«Пролей воду живу,
Лей-поливай—
Твой урожай!»

Въ засушливыя вёсны, грозящія деревеньщинѣ-посельщинѣ если не голодомъ, то недородомъ хлѣбовъ, еще и теперь кое-гдѣ по родному захолустью раздаются на поляхъ скорбные-молебные причеты, взывающіе къ тому-же небу:

«Вы раздайтесь-ка, горы толкучія,
Разступитеся, крѣпи небесныя,

Пропустите-ка нà-земь источники водные,
Тѣ-ли водные источники живоносные!
Ты пади-пролейся, тепелъ дождичекъ!..»

Все это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что въ представленіи народа-пахаря понятіе о живой водѣ связано съ животворно-плодоносною силою дождя (воды небесной), безъ котораго, по народному слову, «вси источницы пріусохнутъ, вси кладези пріускудѣютъ, станетъ земля—яко вдова“...

Живая вода въ нѣкоторыхъ памятникахъ русской народной словесности зовется „богатырскою“ и „сильною“. Стоитъ кому-нибудь испить живой воды,—гласитъ народное слово, — какъ мгновенно прибудетъ у него силы вдвое, а тамъ—еще и еще вдвое—до тѣхъ поръ, пока сдержитъ эту силушку Мать-Сыра-Земля. Подкрѣпившись такимъ придающимъ силы напиткомъ, богатыри поднимаютъ мечъ-кладенецъ и поражаютъ имъ Змѣя-Горыныча (по сравненію Аѳанасьева—богъ-громовникъ только тогда побѣждаетъ демона-тучу, когда упьется дождемъ). Исцѣленіе слѣпоты, приписываемое живой водѣ, объясняется изслѣдователемъ поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу сопоставленіемъ весенняго дождя, проясняющаго небо и выводящаго изъ-за темныхъ облаковъ и тумановъ „всеміpный глазъ—солнце“. Въ старинной норвежской сказкѣ, — быть можетъ, даже заимствованной у сосѣдей-славянъ, — разсказывается, какъ нѣкій юный королевичъ задумалъ великій подвигъ — избавить отъ двѣнадцати-главаго дракона похищенныхъ тѣмъ красавицъ. Убить чудовище можно было только ржавымъ мечомъ, висѣвшимъ въ его замкѣ. Попалъ королевичъ въ замокъ, видитъ и мечъ, да никакъ ему не снять его со стѣны. „Выпей (живой воды) изъ фляги, что виситъ подлѣ, — сказала королевичу одна изъ красавицъ-полонянокъ: такъ всегда дѣлаетъ драконъ, когда задумаетъ поднять мечъ!“ Сдѣлалъ одинъ глотокъ ко-

ролевичъ — снялъ тяжелый мечъ со стѣны; сдѣлалъ другой—приподнялъ его, послѣ третьяго глотка—принялся мечомъ размахивать... Пошелъ онъ въ покои чудовища, убилъ его и вывелъ на вольный бѣлый свѣтъ всѣхъ похищенныхъ красавицъ.

Въ одномъ изъ разносказовъ „Голубиной Книги“ повѣствуется, между прочимъ, и о происхожденіи источниковъ живой воды. „У насъ Индра-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ,—говорится тамъ; была на семъ свѣтѣ засушейца, не было добрымъ людямъ воспитанійца, обмыванійца; іонъ (Индра) копалъ рогомъ сыру мать-землю, выкопалъ ключи все глыбокіи, доставалъ воды все кипучія, все кипучіи—*живучіи*; іонъ пускалъ по быстрымъ рякамъ и по маленькимъ ручьявиночкамъ, по глубокимъ большимъ озярамъ; іонъ давалъ людямъ воспитанійца, воспитанійца, обмыванійца“... Другой разносказъ еще болѣе поясняетъ этотъ вопросъ народнаго міропониманія. „Куда хочетъ Индра-звѣрь—идетъ по подземелью, аки солнце по поднебесью“,—гласитъ онъ:

«... Онъ происходитъ всѣ горы бѣлокаменныя,
Прочищаетъ ручьи и проточины,
Пропущаетъ рѣки, кладязи студеные,
Родники-ключи живой воды,
Тѣ-ли живоносные источники:
Куда звѣрь пройдетъ—туда ключъ кипитъ.
Когда Индра-звѣрь возыграется,
Словно облацы по поднебесью,
Вся вселенная вколыбается,
Вся вселенская Мать-Сыра-Земля,
Воскипятъ всѣ ключи подземельные...»

Упоминавшаяся уже выше былина о Потокѣ (Потыкѣ) богатырѣ передаетъ живую воду во власть Змѣя-Горыныча, что̀ совершенно совпадаетъ съ представленіемъ о томъ, что тридесятое царство съ источниками живой воды стерегутъ змѣи огненные, или одинъ свившійся кольцомъ громадный змѣй, голова и хвостъ у

котораго вмѣстѣ сошлись. Даже самая вода—живая-сильная-богатырская — иногда именуется „змѣиною". Такъ и здѣсь... Замурованный вмѣстѣ съ мертвой женою въ могилу богатырь мажетъ жену змѣиной кровью: „Какъ пришла пора полуночная, — гласитъ былинное слово,—собиралися къ нему всѣ гады змѣиные, а потомъ пришелъ большой змѣй (Горынычъ),—онъ жжетъ и палитъ племенемъ огненнымъ; а Потокъ-Михайло Ивановичъ на то-то не робокъ былъ: вынималъ саблю острую, убиваетъ змѣя лютаго и ссѣкаетъ ему голову, и тою головою змѣиною учалъ тѣло Авдотьино мазати; втѣ поры она, еретица, изъ мертвыхъ пробуждалася"... Рыбниковскій разносказъ былины гласитъ, что не убилъ богатырь Потокъ змѣя набольшаго, а ущемилъ его клещами крѣпкими, зачалъ бить прутьями желѣзными, а самъ приговариваетъ:

«Ай-же ты, змѣя подземельная!
Принеси мнѣ живой воды—
Оживить мнѣ молоду жену»...

Приказаніе богатыря исполняется „набольшимъ змѣемъ" въ точности,—Авдотья оживаетъ и вмѣстѣ съ Потокомъ выходитъ на бѣлый свѣтъ... Аѳанасьевъ поясняетъ это сказаніе слѣдующимъ образомъ. Богатырь Потокъ, по словамъ изслѣдователя, не кто иной, какъ самъ дожденосный громовникъ. Могила, въ которой зарываютъ его съ вѣщею женою,—поэтическое представленіе подземелья-тучи. Захваченная темными демонами Авдотья („вѣщая лебединая нимфа", тождественная по существу со скандинавскою богиней Утренней Зари) подпадаетъ злому очарованію, переходитъ въ мрачное царство Смерти и не прежде освобождается оттуда, не прежде воскресаетъ (просвѣтляется), какъ послѣ побѣды громовника надъ змѣемъ-тучею. Онъ—громовникъ, Потокъ-богатырь—поражаетъ змѣя мечомъ-молніей, добываетъ живую воду и выводитъ на небо ясное солнце.

Нѣкоторыя русскія народныя сказки помѣщаютъ источники живой и мертвой воды въ „солнцевомъ царствѣ“, гдѣ царитъ вѣчное лѣто, растутъ въ цвѣтущихъ садахъ молодильные яблоки, а у входа въ этотъ недоступный для простого смертнаго край лежатъ насторожѣ многоглавые огнедышащіе змѣи-драконы. По словамъ сказки про Ивана Голаго и Марка-Бѣгуна, посреди этого царства разливаются два озера: одно—мертвой, другое—живой воды. Кинуть зеленую вѣтку въ первое изъ нихъ—сгоритъ, бросить гнилушку во второе—пуститъ ростки и зазеленѣетъ листьями...

Среди народныхъ сказаній, посвященныхъ поставленному въ заголовкѣ настоящаго очерка вопросу, особенно распространена сказка „О молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ“, записанная по разносказамъ въ Тамбовской, Архангельской, Тверской и Новгородской губерніяхъ и извѣстная даже у сербовъ, хорватовъ, моравянъ, литовцевъ и нѣмцевъ. Чудесный садъ съ молодильными яблоками и ключомъ живой воды находится, по словамъ этой сказки, въ „дивьемъ (дѣвичьемъ) царствѣ“, гдѣ надо всѣмъ властвуетъ Царь-Дѣвица—красоты неописанной и силы непомѣрной—и тѣшится вмѣстѣ со своей дружиною изъ храбрыхъ дѣвъ богатырскими играми и подвигами. Существуютъ разносказы, по которымъ пузырекъ съ живою водой стоитъ подъ изголовьемъ у Царь-Дѣвицы и никогда не опоражнивается („Сколько ни бери!“). Попасть въ дивье царство можно только или на богатырскомъ конѣ, или на крыльяхъ сокола, или съ помощью вѣтра. Путь къ Царь-Дѣвицѣ и оберегаемой ею живой водѣ представляетъ рядъ непреодолимыхъ для обыкновеннаго человѣка затрудненій, изъ борьбы съ которыми выходятъ съ честью только богатыри.

Жилъ-былъ царь съ царицею, у него было три сына,—начинается одинъ изъ архангельскихъ разносказовъ упомянутой сказки. — Посылаетъ онъ своихъ

сыновей разыскать его молодость, привезти ему живой воды. Вотъ отправились царевичи въ путь-дорогу, пріѣжаютъ въ столбу, отъ котораго идутъ три дороги, и на томъ столбѣ написано: „вправо идти — молодецъ будетъ сытъ, а конь голоденъ; налѣво идти—молодецъ будетъ голоденъ, а конь сытъ; прямо идти—живому не быть!“ Старшій царевичъ поѣхалъ направо, средній—налѣво, а младшій—прямой дорогой... Попалась ему на пути-дорогѣ канава глубокая; перескочилъ онъ ее на добромъ конѣ; за канавою — возлѣ дремучаго лѣса—избушка на курьихъ ножкахъ. „Избушка, избушка! Оборотись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“ Оборотилась,—вошелъ въ нее царевичъ, видитъ бабу-ягу. „Фу-фу!—говоритъ она,—доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нонече русской духъ на-виду является, въ уста мечется! Что, добрый молодецъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?“ Накормила-напоила баба-яга царевича, обо всемъ повыспросила, дала ему своего крылатаго коня: „Поѣзжай, мой батюшка, къ моей середней сестрѣ!“ Пріѣхалъ — та дала ему на смѣну другого коня, послала къ старшей сестрѣ, а эта послѣдняя дала ему коня лучше прежнихъ двухъ и проводила: „Поѣзжай съ Богомъ! Недалеко это царство—ты въ ворота не ѣзди, у воротъ львы стерегутъ, а нахлыщи коня хорошенько да прямо черезъ тынъ перемахни, да смотри—за струны не зацѣпи; не то все царство взволнуется—тогда тебѣ живому не быть! А какъ перемахнешь черезъ тынъ, тотчасъ ступай во дворецъ, въ заднюю комнату, отвори потихоньку дверь и увидишь, гдѣ спитъ Царь-Дѣвица; у нея подъ подушкой пузырекъ съ живой водой спрятанъ. Ты возьми пузырекъ, самъ назадъ спѣши, на ея красоту не заглядывайся!“ Все исполнилъ царевичъ, кромѣ послѣдняго; а какъ сталъ послѣ этого обратно черезъ тынъ перемахивать—и задѣлъ струну. Пробудилось все царство, встала и Царь-

Дѣвица, полетѣла въ погоню за добрымъ молодцемъ. Не выдала царевича ни одна сестра-яга, да сама красавица завидѣла его, какъ онъ черезъ послѣднюю канаву у дремучаго лѣса перескакивалъ: „Жди, говоритъ, меня черезъ три года; на кораблѣ приплыву!“ Пріѣхалъ царевичъ на свою родную сторонку, встрѣтился по дорогѣ съ другими братьями, подъѣхали всѣ трое къ столбу на распутьи трехъ дорогъ... Стали старшіе меньшаго брата разспрашивать: „Нашелъ ты живую воду?“—Нашелъ!—„Какъ и гдѣ?“ Все разсказалъ имъ царевичъ, прилегъ на траву отдохнуть и заснулъ. А братья изрубили его на мелкіе куски и разбросали по чистому полю; взяли съ собой пузырекъ съ живой водою, поѣхали къ царю-отцу... Прилетѣла на поле чистое жаръ-птица, собрала разбросанные куски тѣла царевичева, потомъ принесла во рту мертвой воды, спрыснула—всѣ куски срослися; принесла живой воды, спрыснула—ожилъ царевичъ: „Какъ я долго спалъ!“—говоритъ.—„Вѣкъ бы тебѣ спать непробуднымъ сномъ, еслибъ не я!“ — отвѣчаетъ жаръ-птица... Вернулся царевичъ домой; не принялъ его помолодѣвшій отецъ, сослалъ съ глазъ долой... Черезъ три года приплываетъ на кораблѣ Царь-Дѣвица, посылаетъ царю письмо, требуетъ выдачи „виноватаго“, грозя иначе выжечь и вырубить все царство. Послалъ къ ней царь старшаго сына. Увидали его двое мальчиковъ, двое сыновей Царь-Дѣвицы: „Не этотъ-ли нашъ батюшка?“—„Нѣтъ, это вашъ дядюшка!.. Возьмите по плеткѣ да проводите назадъ!“ Вернулся старшій царевичъ домой, а она—съ новыми угрозами. Послалъ царь средняго сына,—тотъ съ тѣмъ-же къ отцу пришелъ. Разыскали царевы гонцы младшаго царевича, сталъ отецъ посылать его къ Царь-Дѣвицѣ. „Тогда пойду, когда до самаго корабля будетъ выстроенъ хрустальный мостъ, а на мосту будетъ много разныхъ яствъ и винъ наставлено!“ Когда это желаніе было

исполнено, созвалъ царевичъ своихъ товарищей: „Идите со мной въ провожатыхъ, ѣшьте и пейте, ничего не жалѣйте!“. Вотъ идетъ онъ по мосту, а мальчики кричатъ: „Матушка! Кто это?“—„Это вашъ батюшка!“—„Какъ-же намъ его встрѣтить?“—„Возьмите подъ ручки и ведите ко мнѣ!“ Тутъ они цѣловались, обнимались; а послѣ поѣхали къ царю и повѣдали ему все, какъ было. Царь старшихъ сыновей со двора согналъ, а съ меньшимъ началъ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать...

Другой, тоже архангельскій, разносказъ этой сказки кончается нѣсколько иначе. Пришелъ царевичъ,—гласитъ онъ,—на корабль, съ Царь-Дѣвицею обнялся, въ уста поцѣловался; она корабль отъ берегу отвалила и пошла въ дивье царство, вышла тамъ за него замужъ... „И стали они жить да быть; и теперь живутъ да хлѣбъ жуютъ...“ Большинство другихъ разносказовъ сходится съ приведеннымъ и по началу, и по концу; разница только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ царь-отецъ, вдобавокъ, къ старости ослѣпъ, и живая вода не только молодитъ его, но и возвращаетъ ему утраченное зрѣніе. Въ нѣкоторыхъ-же къ этой водѣ присоединяются молодильныя яблоки, съ помощью которыхъ удается не только снова помолодѣть старому царю, но и стать прежнимъ добрымъ молодцемъ красоты неописанной—„ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать...“ Въ основѣ этой сказки лежитъ стремленіе къ вѣчной молодости, неувядающей красотѣ и неослабной силѣ-крѣпости богатырской, которыми краснό-цвѣтисто народное слово-сказаніе, не умирая обновляющееся живой водою преемственности, изъ поколѣнія въ поколѣніе...

II. Символическія числа.

Въ представленіи народной Руси числа съ незапамятныхъ поръ являлись не только воплощеніемъ извѣстнаго количества, но давали собою болѣе или

менѣе опредѣленное понятіе о томъ или другомъ свойствѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были, какъ и посейчасъ остаются, олицетвореніемъ различныхъ символовъ, окружая, по волѣ суевѣрнаго воображенія народа-сказателя, не для всѣхъ доступный міръ таинственнаго-загадочнаго, вызванный къ бытію преданіями памятливой старины стародавней.

Наука о числахъ встарину казалась мысленному взору русскаго простолюдина предѣломъ человѣческихъ знаній. Наши древніе числовѣды слыли чуть-ли не за великихъ ученыхъ. Изображеніе численныхъ знаковъ, производимыя надъ ними дѣйствія и выводы, получаемые отсюда посредствомъ вычисленій, и теперь еще способны привести въ изумленіе темнаго-неграмотнаго пахаря—съ испещренной зарубками палкой-„биркою“ въ рукѣ да съ изощренной хозяйственнымъ опытомъ памятью въ головѣ порою затыкающаго за-поясъ завзятыхъ счетчиковъ. „Цыфирь-книга“ представлялась встарину чѣмъ-то въ-родѣ науки о бѣлой и черной магіи. Бывали въ непросвѣщенную пору стародавнюю и такіе случаи на Руси, что пытливыхъ людей, занимавшихся изученіемъ числовѣдѣнія, принимали за чародѣевъ, волхвовавшихъ надъ „черной книгою“—на пагубу христіанскому роду, и поступали съ ними, какъ съ заклятыми злодѣями, вмѣняя имъ въ преступленіе ихъ любознательность. Испещренныя непонятными для огромнаго большинства грамотѣевъ до-петровской старины арабскими численными знаками страницы казались какою-то кудеснической „абракадаброю“ и даже присоединялись иногда къ такимъ вещественнымъ уликамъ пойманныхъ съ поличнымъ „преступниковъ“, какъ человѣческіе черепа, сушеныя травы и „лютые коренья“. Все это съ теченіемъ времени отошло въ область позабытыхъ преданій былого-минувшаго, сдѣлавшись достояніемъ пытливой памяти знатоковъ родной старины; но еще до сихъ поръ не

утратилось въ народѣ представленіе о наукѣ числовѣдѣнія — какъ о наиболѣе трудной. „Грамота помаленьку дается, а цыфирь въ голову мужику не скоро пойдетъ!“—говорится среди отцовъ-дѣдовъ современныхъ грамотниковъ, вносящихъ изъ школы все болѣе и болѣе яркій свѣтъ знанія въ темную деревенскую жизнь. „Цыфирное ученье—ребячье мученье!“—приговариваетъ недовѣрчиво относящаяся къ новымъ пріемамъ преподаванія, отживающая свой вѣкъ сѣдая старина. „Умудрилъ Господь—не только грамоту понялъ, а и цифирь разбираетъ!“—изумляются деревенскіе темные люди, глядючи на иного шустраго школьника. „Пора и кончать ученье, коли считать научился!“—оговариваетъ посельщина-деревеньщина не въ мѣру, по ея понятіямъ, заучивающихся ребятъ. Но, по народному же слову, „Хозяйство счетъ любитъ!“, „Счетъ да мѣра—то и вѣра!“, „Вся правда въ счетѣ!“, „Никому не вѣрь—только счету вѣрь!“, „Счетъ знаешь—все сбережешь!“ и т. д.

По народному слову, ни на пядь не расходящемуся съ дѣйствительностью, „одиночныхъ цифръ десять, а сложнымъ—нѣсть числа“. Старинные краснословы, не чуждые книжнаго начѳтчества, въ такихъ изреченіяхъ давали опредѣленіе первымъ двѣнадцати числамъ: „Единъ Богъ, два тавля (двѣ табели, скрижали) Моисеевыхъ, три патріарха на землѣ, четыре листа Евангельска, пять ранъ Господь претерпѣлъ, шесть крылъ херувимскихъ, семь чиновъ ангельскихъ, восемь круговъ солнечныхъ, девять въ году радостей, десять Божьихъ заповѣдей, единдесять праотецъ, дванадесять апостолъ“. Знаніемъ этого доказывалась встарину чуть-ли не высшая степень учености маленькихъ грамотѣевъ, постигавшихъ всю науку подъ руководствомъ дьячка-учителя.

Въ одномъ изъ разносказовъ новгородской былины о своевольномъ богатырѣ Василіи Буслаевичѣ есть

мѣсто, говорящее о старинномъ обученіи въ таковыхъ словахъ:

«Будетъ Васенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера-вдова Мамелфа Тимоѳеевна,
Учить' его во грамотѣ,—
А и грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Васильюшкѣ въ наукъ пошло;
Не отдала матера-вдова Васильюшку
Учить Буслаича да цифирь-числу,
Счету праведному христіанскому,—
И повадился вѣдь Васька, Буслаевъ сынъ,
Со пьяницы, съ безумницы...»

Этимъ обученіе наукѣ числовѣдѣнія словно связуется съ правильностью („праведностью") жизни,—причемъ послѣдней противопоставляется веселая гульба безпутная, въ которой не знаетъ человѣкъ ни счета разбрасываемымъ во всѣ стороны деньгамъ, ни мѣры-числа своему озорству, смущающему скромныхъ трудящихся людей, не водящихся „со пьяницы, съ безумницы"... Такой взглядъ народа-труженика весьма знаменателенъ—въ качествѣ опредѣленія его воззрѣній на просвѣтительное вліяніе школы.

Съ числомъ *одинъ* у нашего народа - семьянина прежде всего связано понятіе объ одиночествѣ. „Одинъ, какъ перстъ!"—говорится о бобылѣ: — „Одинъ—что верста въ полѣ!", „У одного и хозяйство развалится!", „Одинъ въ полѣ не воинъ!", „Одинъ-одинешенекъ—горя намыкается!", „Одному и у каши не споро, не то что въ полѣ!", „И въ раю жить тошно одному!" и т. д. Но тутъ-же оговариваетъ самого-себя привычный ко всякимъ невзгодамъ-незадачамъ пахарь-краснословъ, что-де „Одна голова—не бѣдна, а и бѣдна—такъ одна!", „Одному-одинокому—вездѣ домъ!", „Одинокому гдѣ хлѣбъ — тамъ и свой уголъ!", „Тотъ и

господинъ, что все можетъ сдѣлать одинъ!“, „Одна голова и смѣется, и плачетъ, а все одна!“ и т. д. Но не только понятіе объ одиночествѣ связываетъ народная Русь съ этимъ, ложащимся въ основу всѣхъ другихъ, числомъ: „Одинъ Богъ, одна правда!“ — говоритъ она:—„Одинъ разъ человѣкъ родится, одинъ—умираетъ!“, „Одинъ Бѣлый Царь за весь православный народъ—передъ Богомъ отвѣтчикъ!“, „Одна голова на плечахъ, одна душа—въ груди!“, „Одно солнышко красное на небѣ, одна правая вѣра на землѣ!“. Не страшится обтерпѣвшійся, закаленный въ цѣломъ рядѣ трудовыхъ поколѣній, народъ-пахарь никакой невзгоды. „Одинъ Господь и счастьемъ жизнь краситъ, и горемъ темнитъ!“ — говорятъ на Руси:—„Не одно горе по вольному свѣту ходитъ, живетъ на міру и счастьице!“, „Отъ одного счастья человѣкъ зазнается,—пусть и съ горемъ спознается!“, „Въ одной радости—не вся жизнь!“. По словамъ тороватой на мѣткое словцо деревни: „Бѣда никогда не приходитъ одна!“, „Одна бѣда—не бѣда!“, но и „Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!“. Русскій народъ—артельный народъ; въ немъ всегда жило сознаніе того, что „стоять одному за всѣхъ, всѣмъ за одного“—значитъ выполнять главную задачу общественной жизни. „Всѣ за одного, одинъ за одинъ!“—говоритъ онъ:—„Одному и жить страшно, всѣмъ—и умирать весело!“. Сплошь-да-рядомъ можно, и не искавъ, встрѣтить въ посельскомъ-деревенскомъ быту людей, всегда готовыхъ принять на себя общую („мірскую“) вину. „Пропадать, такъ ужъ одному, а не всѣмъ!“ — добродушно соглашаются такіе незамѣтные герои на просьбу „послужить міру“: „Одному за всѣхъ—легче!“ И это простое въ своемъ величіи слово не мимо молвится простодушными дѣтьми земли-кормилицы. „Одинъ въ одного не приходится!“, „Одинъ—краше, одинъ—хуже, а все—одного поля ягоды, одной матки дѣтки!“—отговаривается деревенскій людъ на укоръ-оговоръ

захожаго-заѣзжаго человѣка, которому не приглянулся, не пришелся по нраву кто-либо изъ новыхъ знакомцевъ: „Одинъ—одному не указъ!“, „Родной, да матери не одной!“ и т. д. „Хорошо вретъ, да не въ одно слово!“—отзывается мужикъ-простота о сбивающихся съ толку лгунахъ. „Ложью какъ хошь верти, а къ правдѣ—путь одинъ!“ „На одно солнце глядимъ, одной правдѣ вѣримъ!“—добавляютъ иные. „Одному Богу молимся, а разной правды ищемъ!“—съ укоризной киваетъ отягченной заботами головою посельщина-деревеньщина въ сторону вносящихъ рознь-разладъ въ ея трудовое житье-бытье. „Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ!“, „Съ одного взмаху двухъ деревъ не срубишь!“—останавливаетъ народное слово людей, слишкомъ жадныхъ на поживу: — „Съ одного мѣшка—не два помола!“, „Не по двѣ дани съ дыму!“. Послѣдняя поговорка отзывается еще той глубокою стариной стародавнею, когда платились-собирались на Руси подымныя дани.

Число *два* неразрывно связано у русскаго народа-сказателя съ предыдущимъ. „Одному началу не два конца!“—говоритъ онъ, принимаясь за дѣло и въ то-же самое время обдумывая его со всѣхъ сторонъ. „Умъ хорошо, а два лучше!“—приглашаетъ хозяйственный деревенскій человѣкъ другого въ товарищи по обсужденію задуманнаго. „Изъ одного два сдѣлаешь, оба окоротаешь!“—оговариваютъ въ народѣ любителей дешевизны и скорости. „Коли два, такъ не одинъ!“—стоятъ тѣ на своемъ. „Недва мѣсяца свѣтятъ, не два солнышка грѣютъ!“—гласитъ вѣковѣчная мудрость народа, вѣрующаго въ одного Бога, признающаго одну правду, почитающаго одного царя. Не любитъ народная Русь тѣхъ, кого можно назвать „слугою двоихъ господъ“. Потому-то и вылетѣли изъ устъ деревенскихъ краснослововъ такія изреченія, какъ: „На двоихъ господъ недолго наслужишься!“, „Двоимъ на руль

сѣсть—нельзя и гресть!", „На одного шито—на двоихъ не надѣнешь!", „Въ двоихъ сапогахъ сразу не разбѣжишься!" и т. п. По народному слову: „И одному не страшно, а двоимъ—веселѣй!" Но оно-же, славное своею образной мѣткостью, гласитъ: „Худо молиться, когда въ глазахъ („на умѣ"—по иному разносказу) двоится!" Самоволы, захватывающіе все, что глазъ видитъ, не пользуются особымъ почетомъ у деревенскаго люда, въ потѣ лица, по завѣту Божію, добывающаго хлѣбъ свой насущный. „Ему дай волю, а онъ двѣ возьметъ!"—говорится о нихъ:—„Своевольникъ—тотъ-же воръ, коль не два вора!", „У него двѣ руки, а онъ думаетъ—двѣ силы!" и т. д. Зоркій глазъ народа приглядѣлся къ житейскому обиходу: „Двѣ собаки дерутся, третья—не приставай!"—смотритъ онъ изъ старинной поговорки, сложившейся про любителей вмѣшиваться въ чужіе ссоры-раздоры.

Три является въ понятіи народной Руси числомъ, напоминающимъ всякому православному человѣку о Божественной Троицѣ. „Богъ троицу любитъ!"—говорится въ просторѣчьи:—„Безъ троицы домъ не строится (безъ четырехъ угловъ не становится)!" и т. п. „Помни три дѣла",—даетъ русскій народъ великій завѣтъ нерушимый своимъ дѣтямъ-внукамъ-правнукамъ: „Молись, терпи, работай!" Неизмѣнно вѣренъ этому завѣту пращуровъ трудовой деревенскій людъ: молящійся—какъ умѣетъ, терпящій—свыше всякихъ силъ, работающій—не только до поту, а порой и до упаду. Третій человѣкъ всегда считался способнымъ разсудить двоихъ спорящихъ, но только, если на это было ихъ доброе согласіе. Третьему на-руки отдавался встарину и закладъ при спорѣ-состязаніи. Третью часть брали изъ прибытка за свою работу такъ называемые „третники". Трое свидѣтелей съ незапамятныхъ поръ считались у насъ въ народѣ за неопровержимое доказательство виновности или правоты обвиняемаго.

„Обѣщаннаго три года ждутъ!“—говорится о медлящихъ исполненіемъ обѣщанія. „Три-года“ является въ русскомъ сказочномъ словѣ самымъ обычнымъ срокомъ. То-и-дѣло встрѣчается этотъ срокъ и въ заклятьяхъ-заговорахъ. Три красныхъ зари, три весеннихъ росы являются цѣлебными съ точки зрѣнія деревенскаго люда, отовсюду окруженнаго повѣрьями предковъ. Перекрестокъ трехъ дорогъ—мѣсто заклинаній, наособицу излюбленное вѣщей нежитью-нечистью и всѣми ея приверженцами. Въ богатырскіе годы стародавніе попадались, по былинному слову, и такіе перекрестки, на которыхъ стояли заставлявшіе задумываться богатырей камни—съ тремя надписями, въ-родѣ тѣхъ, о которыхъ обмолвился народъ-сказатель въ одной изъ былинъ про стараго казака Илью Муромца: „Три пути пришло, три дорожки широкія: во дороженьку ѣхать—убиту быть, во другую ѣхать—женату быть, во третью ѣхать—богату быть!“ Не малое значеніе имѣло число три въ судьбѣ этого носителя древней славы святорусской. Прежде всего, взять хотя-бы то, что и сиднемъ-то онъ сидѣлъ „тридцать лѣтъ и три года“, что и подняли-то его съ мѣста трое каликъ-перехожихъ. Запретили они ему выходить на троихъ богатырей—на Святогора („его-де и земля на себѣ черезъ силу носитъ...“), на Микулу („его любитъ матушка Сыра-Земля...“) да на Вольгу Святославича („...онъ не силою возьметъ, такъ хитростью-мудростью!..“). Заставляютъ Илью калики купить жеребчика, велятъ поставить его на три мѣсяца, „по три ночи въ саду поваживать“, „въ три росы жеребчика выкатывать“... Выковалъ себѣ Илья три стрѣлы (у другихъ кіевскихъ богатырей—тоже въ колчанахъ по три стрѣлы)—изъ трехъ полосъ булатныхъ, вѣсомъ—каждая по три пуда; три дня закаливалъ онъ ихъ „въ утробѣ Мать-Сырой-Земли...“

Въ одномъ разносказѣ былины о Дюкѣ Степановичѣ посланные Владиміромъ, княземъ стольнокіевскимъ,

богатыри оцѣниваютъ сбрую коней Дюковыхъ „ровно три года“: „по три года оцѣнивали и по три дни,— не могли оцѣнить этой сбруи лошадиныя...“ Садко, богатый гость новогородскій, получаетъ отъ вышедшаго на его игру гусельную морского царя, обитавшаго въ Ильмень-озерѣ, „три рыбины—золоты перья“. Спорятъ, ударяются съ нимъ объ закладъ три купца, закладываютъ три лавки товара краснаго. Богатыри былинные бьются съ „поганой силою“ ни долго ни коротко—„три часа и три минуточки“. И во многомъ другомъ запечатлѣвается въ представленіи русскаго сказателя это символическое-загадочное число. Видятъ вѣщіе сновидцы по три сна; выкликаютъ свои заклятія вѣдуны-знахари по три раза; по три раза загадываютъ о своей судьбѣ красны дѣвицы. Въ грозной семьѣ сказочныхъ чудовищъ, созданныхъ суевѣрнымъ воображеніемъ народной Руси, не послѣднее мѣсто занимаютъ трехглавыя змѣи (семихвостыя). Въ западно-славянской, онѣмеченной, землѣ—у поморянъ, въ Штетинѣ—стоялъ въ стародавніе языческіе годы идолъ Триглава. Этому трехголовому божеству отдавалась полная власть надъ небомъ, землею и преисподнею. Отголоски почитанія его слышатся и въ чешскомъ языческомъ богословіи. Сербы-язычники чествовали подобнаго Триглаву Трояна, воплощая въ немъ, однако, только Ночь, обнимающую Землю—супругу Неба. На самарскомъ Поволжьѣ записана Д. Н. Садовниковымъ старинная сказка про „Трехъ-сына“, потеряннаго въ лѣсу собиравшими грибы мужемъ съ женой, найденнаго и выросщеннаго тремя старцами-трудниками (отшельниками), а потомъ выѣхавшаго на встрѣчномъ конѣ на Святую Русь, на дѣла-подвиги чудодѣйные—всему міру на удивленіе.

Четыре стороны свѣта бѣлаго—сѣверъ (полуночь), югъ (полдень), востокъ (восходъ), западъ (закатъ)— каждая отмѣчены повѣрьями русскаго народа наособицу; большинство этихъ повѣрій имѣетъ прямое от-

ношеніе къ примѣтамъ, связаннымъ съ земледѣльческимъ трудомъ пахаря-хлѣбороба. Русскіе сказочники „четыремъ вѣтрамъ кланяются", имъ—вторятъ заклинатели. По дошедшему изъ глубины вѣковъ до нашихъ дней преданію—„четыре страны свѣта на четырехъ моряхъ положены". „Безъ четырехъ угловъ изба не рубится!"—говорятъ на Руси:—„четыре угла дома на построеніе, четыре времени года на совершеніе". Снисходительность къ ошибкамъ ближняго выражена народомъ въ словахъ: „Конь о четырехъ ногахъ—и тотъ спотыкается!" Хлѣбосольство—исконное свойство народа русскаго—подсказало ему поговорки: „При троихъ четвертый всегда сытъ!", „Трое ѣдимъ, четвертаго милости просимъ!" и т. п. И. П. Сахаровымъ записана не лишенная своеобразной красоты пѣсня о четырехъ бродахъ: „Разлилися воды на четыре броды: у першему броди соловейко щебетавъ, зелены сады развивавъ; у другому броди зозулька ковала, лѣтечко казала; у третему броди коничокъ заржавъ, винъ дороженьку почавъ..."—поется она. Четвертый бродъ оказывается самымъ главнымъ въ этой пѣснѣ:

«...А въ четвертомъ броди
Да дѣвчина плаче,
За нелюбого идучи,
Себѣ лихо чуючи...»

Пять — число, пересѣкающее пополамъ основной десятокъ чиселъ, немногимъ отмѣчено въ памяти народа-сказателя, сидящаго на землѣ и всѣмъ своимъ существомъ связаннаго съ ея щедротами. „На рукѣ пять пальцевъ, который ни укуси — больно!" — говоритъ словоохотливый деревенскій людъ, добавляючи къ этому: „У матери пятеро дѣтокъ,—котораго ни отними—жалко!" Лишняго, никому не нужнаго, ни къ чему доброму-путному не пригоднаго, коротающаго вѣкъ — себѣ на муку, другимъ въ тягость, человѣка

окрестило народное слово „пятымъ колесомъ" жизненной телѣги. „Челомъ (бью) четыремъ, а пятому помогай Богъ!" — добродушно-насмѣшливо привѣтствуетъ мужикъ-простота такую семейку, хотя повторяетъ иногда это привѣтствіе и безо всякой задней мысли, а такъ—для краснаго словца. „Живутъ церкви о пяти главахъ!"—говорится въ народѣ: — „Безъ пяти просвиръ попъ обѣдни не служитъ!", „Безъ пятка — не будетъ и десятка!" и т. д. „Хвать — анъ мягкихъ пять!"—подсмѣивается иной краснословъ надъ своимъ пустымъ карманомъ. „Потерялъ пять, а нашелъ шесть!"— можно услышать на симбирскомъ Поволжьѣ въ разговорѣ о ворахъ, чужому добру хозяевахъ.

„Пять съ однимъ, семь безъ одного, полдюжины!"— опредѣляютъ простонародные числовѣды - счетоводы свое понятіе о числѣ *шесть*,—такъ-же, какъ и предшествующее ему, подсказывающемъ народной Руси не особенно много пословицъ, поговорокъ, повѣрій и сказаній. „Двѣ тройки — шестерикъ, шестеро ребятъ въ избѣ—не мужикъ!"—говорится о многодѣтной семьѣ, гдѣ много ѣдоковъ, да работникъ-то всего одинъ. „Три коровушки есть, отелятся—будетъ шесть!"—утѣшаютъ себя люди, у которыхъ куда ни кинь—вездѣ клинъ, во всемъ — недостатокъ. „Ты, шестой, у воротъ постой!" — отстраняютъ ненужнаго, только мѣшающаго своей „помо́гою", неумѣлаго работника. По старинному повѣрью, и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранившемуся,—„покойникъ шесть недѣль умывается, шесть недѣль утирается". Надъ неосмотрительными простаками изрекаетъ свой приговоръ смѣшливый народъ-пахарь въ таковыхъ словахъ: „Лапти растерялъ— по чужимъ повѣтямъ искалъ, было шесть, а у сосѣда семеро есть!" На томъ и весь сказъ объ этомъ числѣ кончается, переходя къ семи—наособицу излюбленному какъ народными краснословами, такъ и суевѣрной памятью о вѣщей старинѣ.

Съ числомъ *семь* связано въ представленіи народной Руси столько всевозможныхъ повѣрій, какъ ни съ какимъ другимъ. Съ полной справедливостью можно назвать его наиболѣе символическимъ. Съ понятіемъ о немъ соединяется мысль обо всемъ, выходящемъ изъ міра естественнаго-возможнаго. Въ какую бы область таинственнаго-загадочнаго ни уронить свой взглядъ несвободному отъ суевѣрія человѣку — всюду неминуемо встрѣтится онъ съ этимъ числомъ. Произнося его, впечатлительный пахарь-сказатель уже освѣщаетъ свое воображеніе мерцающими лучами нездѣшнягонесказаннаго, вводитъ себя въ кругъ пережившаго цѣлый рядъ вѣковъ суевѣрія, смотрящаго въ глубь жизни подъ завѣщаннымъ прадѣдами-пращурами особымъ угломъ зрѣнія. Живые призраки стародавнихъ временъ глядятъ на современную народную Русь изъ глубины этого заколдованнаго живучими преданьями круга. Вѣщими птицами взмываютъ они надъ пологими берегами современности, словно принося на своихъ крыльяхъ повитую туманомъ забвенія широкошумную вѣсть, затерянную въ далекой дали былого—на горныхъ высотахъ старины стародавней. И столько истинно-русскаго слышится въ этой вѣсти слуху чуткихъ къ голосамъ прошлаго коренныхъ русскихъ людей! Сколько родного звучитъ въ ней для нихъ, остающихся до сихъ поръ, несмотря на кровную связь съ современностью, все тѣми-же правнуками своихъ пращуровъ, вѣрившихъ во всѣ чудеса и кудесы, что и семь вѣковъ тому назадъ. Семипядными, если не семиверстными, шагами идетъ по неоглядной путинѣ саморазвитія русская народная мысль, все яснѣе и яснѣе видящая предъ собою безпредѣльный просторъ полей новой жизни, озаренной немеркнущимъ свѣтомъ знанія. Но то-и-дѣло приходится ей сталкиваться лицомъ къ лицу съ призраками той темной-темени, которою такъ богата неизгладимая безпощадной ко всему

иному рукою времени, изжитая народомъ-пахаремъ, выношенная въ богатырской груди крестьянствующихъ потомковъ любимаго сына Матери-Сырой-Земли, вѣками слагавшаяся быль. Быльемъ поросла она, но все еще далекъ тотъ день, когда предъ навѣявшимся надъ нею курганомъ забвенія остановится въ полномъ недоумѣніи суевѣрный русскій человѣкъ.

Семь („шесть съ однимъ") считалось встарину даже священнымъ до извѣстной степени числомъ. Можетъ быть, это происходило оттого, что Церковь Православная принимаетъ семь таинствъ; можетъ быть, и потому, что седьмой день недѣли всегда признавался „днемъ Божіимъ"—въ память того дня, въ который Творецъ міра почилъ отъ трудовъ Своихъ, создавъ все видимое и невидимое необъятно-великой, непостижимой для человѣческаго ума-разума вселенной. „Семь дней въ недѣлѣ—что семь звѣздъ въ вѣнцѣ!"—говорится въ народѣ. „Какъ на недѣлѣ семь дней, такъ и семь планидъ на небѣ!"—продолжаетъ въ дополненіе къ этому народное слово:—„Какъ семь планидъ на небѣ—такъ и семь мудрецовъ на свѣтѣ!" Этими изреченіями какъ-бы объединяются мудрость земная съ тайнами тайнъ небесныхъ.

Семь признавалось въ стародавніе годы настолько многознаменательнымъ въ строѣ мірозданія числомъ, что—на основаніи того, что міръ созданъ Богомъ въ семидневный срокъ,—всѣ древніе города закладывались-рубились въ теченіе этого-же урочнаго времени. Главнѣйшіе изъ нихъ даже и воздвигались на семи холмахъ, въ чѣмъ видѣли какъ-бы залогъ будущаго процвѣтанія ихъ. Особенно счастливою считалась въ древней Руси та мѣстность, по близости которой выбивали изъ земныхъ нѣдръ семь ключей-родниковъ. Въ этомъ брезжилось предзнаменованіе покровительства Перуна-громовника, объединявшагося съ богиней-Землею въ плодотворныхъ заботахъ объ ея обитателяхъ. Тотъ естественный водоемъ, куда сливалась-сбѣгалась вода

этихъ семи ключей, считался священной купелью живой воды, являвшейся для суевѣрнаго люда мѣстомъ исцѣленій ото всякихъ напущенныхъ темной силою-нечистью бóлѣстей-недуговъ. Каждый омутъ, забѣгавшій изъ рѣки подъ нависшій крутоярь, въ глазахъ русскаго простодушнаго суевѣрія былъ встарину пріютомъ-жилищемъ семи сестеръ-русалокъ. Подманивали онѣ къ себѣ прохожихъ-проѣзжихъ молодцовъ, падкихъ на всякія чары, на всякіе голоса нездѣшніе, открывающіе болѣзненно-чуткому сердцу хоть какой-нибудь доступъ въ таинственный міръ, стоящій за туманными гранями возможнаго, міръ, обвѣянный стихійной близостью безпредѣльнаго.

Библейское преданіе о семи патріархахъ слилось въ народномъ представленіи съ памятью о семи древнихъ мудрецахъ и о семи волхвахъ, принесшихъ Новорожденному Сыну Божію свои дары: злато, ливанъ и смирну. Этому преданію соотвѣтствовалъ неписанный укладъ древне-русскаго язычества, по которому было въ обычаѣ состоять семи жрецамъ-волхитамъ при каждомъ окруженномъ стѣнами лѣсовъ, пріосѣненномъ небеснымъ куполомъ, построенномъ матерью-природою капищѣ. Семь жертвоприношеній, возложенныхъ къ деревяннымъ стопамъ златоусаго Бѣлъ-божича, возвышавшагося въ до-христіанскую пору надъ волнами Днѣпра-Словутича, считались для принесшаго ихъ огражденіемъ ото всякой наносной бѣды-напасти. Самыя грозныя бури поднимаются, по народному слову, „со семи сторонъ, со семи вѣтровъ“. Семь вѣтровъ приносятъ въ народную Русь и семь моровыхъ повѣтрій, напоминающихъ по своему существу древнія казни египетскія. Семилѣтній срокъ въ стародавніе годы считался на Руси земской давностью и только впослѣдствіи уступилъ свое мѣсто десятилѣтнему.

Былинное слово-сказаніе пріурочиваетъ къ этому символическому числу самыя разнообразныя явленія

*

богатырской жизни. Такъ, напримѣръ, богатырскіе кони зачастую дѣлаютъ ускоки по семи верстъ. Попадающіеся богатырямъ навстрѣчу мудрецы былинъ—калики-перехожіе идутъ обязательно въ „лапоткахъ семи шелковъ“, несутъ подорожныя шелепуги по семи пудовъ (иногда, впрочемъ, послѣднія тяжелѣютъ даже до тридцати пудовъ, смотря по силѣ воображенія сказателя). Въ былинѣ: „Отчего перевелись богатыри на Святой Руси“, записанной въ сороковыхъ годахъ Л. А. Меемъ отъ стараго сибирскаго казака, предстаютъ предъ слушателями-читателями „семь удалыхъ русскихъ витязей, семь могучихъ братьевъ названныхъ“. Изо всей богатырской семьи-дружины только этимъ семи выпало на долю пережить древнюю славу святорусскую. „Выѣзжали на Сафатъ-рѣку, на закатъ красна солнышка“,—начинается былинный сказъ:—„выѣзжалъ Годенко Блудовичъ да Василій Казиміровичъ, да Василій Буслаевичъ, выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ, выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ, выѣзжалъ Добрыня молодецъ, выѣзжалъ и матерой казакъ, матерой казакъ Илья Муромецъ“... Раскинулось передъ семерыми богатырями-побратимами поле чистое; посреди поля увидѣли они старый дубъ; отъ того дуба побѣжали три дороги—третья, прямоѣзжая, вела „ко синю морю далекому“, да залегла эту дороженьку тридцать лѣтъ и три года сила басурманская. Держатъ совѣтъ богатыри, раскинули бѣлъ-полотнянъ шатеръ, пустили коней на луга, на опочивъ залегли. Поутру завидѣлъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой зла-татарченка-басурманченка,—не стерпѣло сердце богатырское: сѣлъ на коня, поѣхалъ Никитичъ за рѣку, сталъ вызывать ворога на честный бой. Завязался бой—не на счастье Добрыни, одолѣлъ татаринъ Никитича. Увидалъ Алеша Поповичъ прибѣжавшаго безъ хозяина коня побратимова, догадался—сѣлъ на борзаго, понесся-полетѣлъ къ шатру басурманскому. Невеселая картина представилась ему здѣсь:

„у того-ли шатра спитъ Добрыня молодецъ, очи ясныя закатилися, руки сильныя опустилися, на бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь“... Новый вызовъ на бой, и одолѣлъ Алеша татарина—„свалилъ его на сыру-землю, скакалъ ему на бѣлы груди вынимать сердце съ печенью“. И сдѣлалъ-бы онъ это, да помѣшалъ отколь ни взявшійся черный воронъ, провѣщавшій голосомъ человѣческимъ, обѣщавшій за сохраненіе жизни басурманина принести Поповичу изъ-за синя-моря мертвой и живой воды: „Воспрыснешь (говоритъ) Добрыню мертвой водой—сростется его тѣло бѣлое; воспрыснешь Добрыню живой водой—тутъ и очнется добрый молодецъ“. Все вышло какъ по писанному,—только послушался богатырь черна ворона. Отпустили богатыри татарченка-басурманченка... А въ ту пору завидѣлъ матерой казакъ Илья Муромецъ, что переправляется черезъ Сафатъ-рѣку сила басурманская: „и той силы доброму молодцу не объѣхати, сѣрому волку не обрыскати, черному ворону не облетѣти“... Кликнулъ онъ кличъ къ богатырямъ, братьямъ названнымъ,—сбѣжались они, сѣли на добрыхъ коней, принялись рубить-колоть силу бусурманскую: „бились три часа и три минуточки, изрубили силу поганую“. И вдругъ одолѣла витязей могучихъ похвальба, вылетѣло на просторъ неразумное слово: „Подавай намъ силу нездѣшнюю — мы и съ тою силою справимся!“ Только-что успѣлъ промолвить это слово Алеша Поповичъ, словно изъ-подъ земли выросли передъ семью богатырями „двое воителей“,—вызываютъ на бой: „А давайте съ нами, витязи, бой держать—не глядите, что насъ двое, васъ семеро!“ Налетѣлъ Алеша на воителей, разрубилъ обоихъ пополамъ,—смотрятъ всѣ, а тѣхъ стало четверо; разрубилъ четверыхъ Добрыня—стало восьмеро и т. д. „Сила (нездѣшняя) все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ“. Бьются три дня, три часа, три минуточки, а „сила все растетъ“. Кончается

былинный сказъ повѣствованіемъ о томъ, какъ „испугались могучіе витязи, побѣжали въ каменныя горы, темныя пещеры; какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ. Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на Святой Руси“... Похвальба одного погубила послѣднихъ семерыхъ богатырей Земли Русской.

Въ сказкахъ русскаго народа неоднократно можно встрѣтиться съ умудренными превыше всякой мѣры „семилѣтками“. Этотъ (а не какой-либо иной) возрастъ почему-то особенно излюбленъ сказочниками. То-и-дѣло упоминаютъ они о томъ, какъ растущій не по днямъ, а по часамъ, будущій богатырь — добрый молодецъ „сверстался до семи годовъ“ и постигъ всю премудрость ученія настолько, что и учить его стало нечему. Мало того—и ростомъ, и статью молодецкою онъ къ этому времени такъ „вышелъ“, что только и остается ему садиться на добра коня да ѣхать „въ поѣздочку молодецкую“—тѣшиться волей-удалью.

Есть въ народной Руси свой сказъ и о „Семикѣ“ (четвергѣ на седьмой седмицѣ по Пасхѣ), веселомъ русальемъ праздникѣ, окруженномъ причудливымъ частоколомъ старинныхъ повѣрій-обычаевъ, переживающихъ самихъ-себя подъ неотразимымъ вліяніемъ современности. „Седьмиглавыя змѣи, всѣмъ змѣямъ большія и старшія“, являются обычными спутницами памятливыхъ сказочниковъ; не диво встрѣтиться съ ними и въ стихахъ духовныхъ, сложившихся въ мірѣ каликъ-перехожихъ. Иногда упоминаетъ о нихъ и пѣсенное народное слово. Такъ, въ одной записанной П. И. Якушкинымъ пѣснѣ съ этимъ чудищемъ сравнивается сваха „лукавая-вилявая“. „Не кладу я судьбы-жалобы на родителя-батюшку, на сударыню-матушку“,—запѣвается эта пѣсня:

«Я кладу судьбу-жалобу,
Что на сватью на большую,

На лукавую, вилявую,
На змѣю семиглавую,
Семиглавую, семихвостую»... и т. д.

Не мало связано съ числомъ семь поговорокъ-присловій, пóходя повторяемыхъ посельщиной-деревеньщиною. „Не великъ городокъ, да семь воеводъ!“—говорится о разноголосицѣ, порождаемой нѣсколькими хозяевами одного дѣла, или нѣсколькими вершителями какой-нибудь одной управы-расправы. „У семи нянекъ и дитя безъ глазу!“—подговариваются къ этому другія поговорки:—„У семи пастуховъ—не стадо!“ О неустойчивомъ, то-и-дѣло мѣняющемъ свои сужденія, человѣкѣ говорятъ, что у него „семь пятницъ на недѣлѣ“, или — „Живетъ и такой годъ, что на день — семь погодъ!“ Про записного умницу сплошь-да-рядомъ скажутъ, что-де онъ „семи пяденей во лбу“, про бывалаго всезная—„изъ семи печей хлѣбы ѣдалъ“, про недающаго себя въ обиду — „отъ семи собакъ отгрызется“ и т. д. Памятуетъ народъ-сказатель, что, по слову Божію, безъ семи праведниковъ не могъ-бы существовать міръ; но не прочь онъ обмолвиться при подходящемъ случаѣ и такимъ словцомъ, какъ: „И праведникъ седмижды въ день согрѣшаетъ!“ Встрѣтитъ примѣтливый да зоркій краснословъ деревенскій пустого краснобая,—того-и-гляди обмолвится въ его сторону: „Семеро воротъ, да всѣ—въ одинъ огородъ!“ или—„Семь рѣкъ осушила, а холста не смочила!“ По старинной пословицѣ—„Семеро одного не ждутъ!“ Руководясь ею, и оставляетъ русскій народъ медлителей, отстающихъ и въ работѣ, и въ сметкѣ-сообразительности плакаться только на самихъ-себя. Не совѣтуетъ мужикъ-скопидомъ, дорожащій своимъ трудовымъ временемъ, „за семь верстъ (ходить)—киселя хлебать“, но и онъ порою скажетъ, что „для милаго дружка семь верстъ—не околица“.

Восемь если и упоминается въ народномъ словѣ, то какъ переходъ отъ семи къ девяти. „При семи

дворахъ восемь улицъ!"—посмѣивается обстоятельный хозяйственный человѣкъ, бережливо относящійся ко всему добытому потовымъ трудомъ, глядючи на расточительныхъ, лѣзущихъ, что называется, вонъ изъ кожи, сосѣдей. „Семь денъ намъ подай, а восемь не просимъ!"—настойчиво требуетъ иной работникъ слѣдуемый ему отъ прижимистаго хозяина разсчетъ. Врагъ рода человѣческаго, діаволъ, по словамъ старыхъ начетчиковъ, „восьмую тысячу лѣтъ живетъ, а все ему нѣтъ почета". Они-же, обращаясь къ молодежи, поучаютъ: „Шесть дней дѣлай, седьмой молись, на восьмой — снова начинай!" О родственникахъ, изъ которыхъ каждый льстится быть старшимъ-набольшимъ, принято говорить: „Семеро въ семьѣ, въ нихъ восьмеро большихъ!"

„Восемь съ однимъ, десять безъ одного—*девять*!"—считаютъ деревенскіе числовѣды. Девять мѣсяцевъ младенецъ живетъ въ утробѣ матери, — потому-то и сложилась въ народѣ поговорка: „Девятый мѣсяцъ хоть кого на свѣтъ („на чистую воду" — по иному разносказу) выведетъ!" Девятый день считается у многихъ людей счастливымъ, — хотя въ то-же время совсѣмъ наоборотъ — девятый валъ издавна слыветъ роковымъ для мореходовъ. „Девять денъ девять верстъ, какъ соколъ, летѣлъ!"—говорится въ насмѣшку надъ любящими дѣлать все съ прохладцей да съ развальцемъ, думающихъ, что и впрямь „тише ѣдешь, дальше будешь!".. Про непрестанно жалующихся на судьбу сложился среди краснослововъ смѣшливыхъ да смѣтливыхъ такой прибаутокъ: „Богъ мой, Богъ! Болитъ мой бокъ — девятый годъ, — не знай, которо мѣсто!" Встрѣчается въ народной рѣчи и такая скороговорка: „Девять вѣниковъ, по деньгѣ вѣникъ,— много-ли денегъ?" О плохихъ работникахъ, не заслуживающихъ довѣрія, зачастую можно услышать слова: „И въ девяти нѣтъ пути!"

Десять, какъ и одинъ, является числомъ, безъ котораго, по народному слову, „и счета нѣтъ". Въ стародавніе годы „десятиною" называлась десятая часть какого-либо имущества (или дохода), составлявшая подать или опредѣленную жертву на храмъ Божій. Съ этимъ числомъ у благочестиваго, при всемъ своемъ суевѣріи, деревенскаго люда православнаго связывается представленіе о десяти заповѣдяхъ Божіихъ—предпочтительно предо всѣми другими понятіями. „Десять разъ примѣрь, да одинъ отрѣжь!" — любятъ говорить разсчетливые люди въ поученіе не знающимся съ бережливостью. „Ты ему слово, а онъ тебѣ — десять!"—оговариваетъ народная Русь тѣхъ, кого ничѣмъ не удивишь, никакъ не заставишь сознаться въ чемъ-либо. „Никто бѣды не перебудетъ: одна сбудетъ, десять будетъ!"—машутъ рукой на всѣ утѣшенія люди, привыкшіе считать свой возрастъ не по годамъ, а по новымъ бѣдамъ. „Муракъ въ воду камень закинетъ, десятеро умныхъ не вытащатъ!" — отзываются иногда о недалекихъ людяхъ, портящихъ всякое дѣло, за какое ни возьмутся. „На рукахъ, на ногахъ по десяти перстовъ насчитываетъ!"—подсмѣивается деревенскій людъ надъ бахвалящимися своей ученостью хвастунами.

Изо всѣхъ остальныхъ чиселъ говорятъ, кромѣ счета, русскому пахарю-сказателю (если не останавливаться на шестистахъ шестидесяти шести — „числѣ звѣриномъ", о которомъ будетъ ниже своя рѣчь на-особицу) только: двѣнадцать, тринадцать, сорокъ, семьдесятъ, сто да тысяча. Дальше на заходитъ его воображеніе, претворяющее понятіе въ символъ, а на промежуточныхъ числахъ, если и останавливается, то развѣ только случайно, мимоходомъ. *Двѣнадцать* — дюжина. „Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ, двѣнадцать праздниковъ, двѣнадцать апостоловъ у Христа Господня, двѣнадцать колѣнъ было у Израиля!" — говорятъ убѣленные сѣдинами сельскіе грамотники, видя

въ этомъ нѣчто болѣе знаменательное, чѣмъ простое перечисленіе извѣстнаго имъ. „Позабыли французы Двѣнадцатый годъ!“ — подсмѣивается надъ черезчуръ податливыми къ „худому миру“ односельчанами служивый людъ, отбывавшій солдатчину, службу царскую, пріучившійся пуще всего беречь свою честь. Двѣнадцатый гость считается счастливымъ. Но всякій суевѣрный человѣкъ боится придтись тринадцатымъ гдѣ бы и въ чемъ бы то ни было. *Тринадцать*—самое несчастливое изо всѣхъ чиселъ; „чертовой дюжиною“ зовется оно недаромъ. Ждутъ отъ него всякаго лиха многіе—и не слывущіе посельщиной-деревеньщиною—люди. Для иныхъ словно заклятіе лежитъ на этомъ числѣ: ничего не принимаются они дѣлать въ тринадцатый день. Если окажется за столомъ тринадцать сидящихъ — это не къ добру, по ихъ словамъ: кто пришелся тринадцатымъ — у того если не смерть, то всякая бѣда, не за горами, а за плечами. *Сорокъ*—число, не надѣленное въ народной Руси подобной зловѣщностью. Когда-то оно было даже однимъ изъ любимыхъ при счетѣ: въ Бѣлокаменной встарину все считали „сороками“—и людей, и храмы Божіи. И теперь еще говорится, что въ Москвѣ „сорокъ сороковъ церквей“. Пословицы-поговорки не обходятъ молчаніемъ это число. „Продли Богъ вѣку на сорокъ сороковъ!“ — говорится иногда въ видѣ благопожеланія доброму человѣку. „Дороги твои сорокъ соболей, а на правду-матку и цѣны нѣтъ!“—сохранилось въ памяти старыхъ людей изреченіе, помнящее до-петровскія времена. „Ужъ сорокъ лѣтъ, какъ правды нѣтъ!“—говорятъ извѣрившіеся въ справедливости ближнихъ люди. „И одинъ глазъ, да зорокъ—не надо и сорокъ!“—можно услышать отъ надѣющихся на свою дальнозоркость краснослововъ. „Сорокъ лѣтъ“ слывутъ „бабьимъ вѣкомъ“. Сороковой день зовется „сорочинами“,—на него „поминокъ покойники просятъ“. Сороковой мед-

вѣдь, по словамъ охотниковъ, еще болѣе роковой, чѣмъ девятый валъ для мореходовъ. *Сто*—число, не только вершащее десять десятковъ, но и подводящее счетъ снопамъ въ возу (въ копнѣ—по инымъ мѣстамъ) у пахаря-хлѣбороба. „Сто лѣтъ здравствовать!"—привѣтствуютъ другъ-друга иные благодушные прiятели. „Воздастъ тебѣ Господь сторицею!"—можно услышать въ просторѣчьи чуть-ли не на каждомъ шагу. „Не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей!"—говорится на стоящей другъ за друга, а „всѣ—за одного", держащейся дѣдовскихъ завѣтовъ посельской-попольной Руси. *Тысяча*—предѣлъ счета для большинства деревенскихъ числовѣдовъ. Дальше пойдутъ въ простодушномъ представленiи непритязательнаго пахаря—„большiя тысячи". „Нечего гнаться за большими тысячами",—говорятъ благочестивые старики,—„Господь и однимъ хлѣбомъ тысячи народу напиталъ!" Не любятъ этого изреченiя отбивающiеся отъ потовой страды, становящiеся за чужой горбъ мужики, превращающiеся въ „тысячниковъ". Но искать ихъ въ народной Руси—не такъ-то легко: тянетъ ихъ поближе къ денежной нивѣ, въ торговые города. Отстаютъ они отъ Матери-Сырой-Земли; забываетъ и она—кормилица пахаря—о нихъ въ своихъ заботахъ. „Гдѣ пахнетъ тысячами—тамъ до правды далече!", „Лучше нищiй правдивый, чѣмъ тысячникъ лживый!"—гласитъ слагавшаяся вѣками простодушная мудрость народная.

III. «Число звѣрино».

Хоть звѣздъ и безчисленное множество („нѣсть числа") горитъ-мерцаетъ въ высотахъ небесныхъ надъ земными нивами, гдѣ труждается во славу Божiю народъ-пахарь; но и среди нихъ наиболѣе яркiя умудряется подвести подъ свой счетъ народная Русь, примѣтливая-зоркая на всякое явленiе природы. „Счетъ

(число) города держитъ",—сложилась еще въ старые-княженецкіе годы поговорка въ русскомъ народѣ, также, впрочемъ, охотно замѣняющемъ первое слово этого историческаго—говорящаго о необходимости переписей для упорядоченія сборовъ-податей—изреченія на „ряду", болѣе подходящую къ современному житейскому обиходу крестьянина. „Ты зубы-то не заговаривай, а съ числа говори!"—молвится объ иную пору въ отвѣтъ на виляющія изъ стороны въ сторону, досужія рѣчи краснобаевъ, охочихъ до всякаго „прилыга". „Говорить не съ числа"—такъ и обозначаетъ уклоняться отъ правды, прилыгать. Но число, приближающее по народному представленію всякое слово къ истинѣ, въ прямомъ смыслѣ—подводящее всему точный счетъ, въ устахъ народа-сказателя нерѣдко олицетворяетъ и нѣчто иное, выводящее слушателя изъ узкихъ границъ міра счетоводства, „берегущаго хозяйство" деревенскаго скопидома-труженика. „Число—числу рознь",—гласитъ отходящая отъ взглядовъ этого послѣдняго простодушная и въ то-же самое время замысловатая мудрость народная.

Суевѣрная „наука о числахъ", подсказанная-нашептанная смиренномудрому простецу-сказателю живучими преданіями старины стародавней, развертываетъ передъ глазами вдумчиваго русскаго суевѣрія картину за картиною, но нѣтъ грознѣй-страховитѣе той, которую ведетъ за собою число, съ незапамятныхъ поръ слывущее на Руси за „звѣриное". Это число—*шестьсотъ шестьдесятъ шесть*. Изо всей тьмы темъ чиселъ выдѣляется оно на особое мѣсто, не подходя ни подъ какой складъ, знаменуя собою великую тайну, открытую, по народнымъ сказаніямъ, крещеному міру защитникомъ нищей-убогой, кормящейся именемъ Христовымъ, братіи—апостоломъ и евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ. Коли мѣсто ему особое, такъ и рѣчь о немъ совсѣмъ наособицу.

Въ одномъ изъ симбирскихъ разнопѣвовъ-разносказовъ извѣстнаго всей народной Руси стиха каликъ-перехожихъ о „Книгѣ Голубиной“ обращается къ царю Давыду Евсѣевичу Володуміръ Владуміровичъ—Красно-Солнышко, князь стольнокіевскій — съ вопросомъ, требующимъ „перемудраго“ разрѣшенія: „А и какое число всѣмъ числамъ число?“. Призадумался вопрошаемый, но была его дума ненадолго:

«А и скажу я тебѣ, Володуміръ-князь,
Володуміръ-князь Владуміровичъ,
А и всѣмъ числамъ число набольше
Набольшо число великое—
Что великое—*звѣриное*:
А и шесть въ немъ сотъ, шесть десятоковъ,
Шесть десятоковъ надъ шестьми лежитъ,—
А лежать-то имъ съ вѣка до-вѣку,
До того-ли Второго Происшествія».

Отвѣтъ „перемудраго“ царя вполнѣ ясенъ для стихійной народной души: шестьсотъ шестьдесятъ шесть— „число звѣрино“, а „звѣрь“—въ устахъ пахаря-сказателя, хранителя слившихся съ христіанскими преданіями пережитковъ древнеязыческой старины, не кто иной, какъ антихристъ, нарожденіе котораго ожидается предъ вторымъ пришествіемъ въ міръ,—но уже не въ образѣ Распинаемой Истины, а грознымъ Судіею,— Христа-Спаса, Сына Божія.

Совершенно согласно съ „Откровеніемъ Іоанна Богослова“ („Апокалипсисомъ“), и по народному слову-сказанію, навѣянному первымъ, народится „звѣрь-антихристъ“ отъ дѣвы-блудницы. Принявъ на себя самозванно обликъ Христа, этотъ злой духъ начнетъ совращать всѣхъ шествующихъ въ мірѣ грѣха и соблазна по стезямъ ученія „Истиннаго Спаса“, совращая—каждому поддавшемуся его льстивымъ словамъ, исходящимъ отъ отца лжи, діавола, свою „звѣриную“ печать накладывать на душу. А на этой клеймящей

на вѣки вѣчные человѣческій образъ, созданный по подобію Божію, печати стоитъ неизмѣнно цифра шестьсотъ шестьдесятъ шесть—„число звѣрино". Раскольники-старовѣры, уклонившіеся отъ Православія, въ угоду упрямой-темной старинѣ, наособицу часто склонны видѣть эту печать. Такъ, напримѣръ, она представлялась имъ еще во времена Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича на страницахъ „исправленныхъ" богослужебныхъ книгъ,—равно какъ видѣлся имъ даже звѣриный обликъ антихриста въ патріархѣ Никонѣ, о которомъ еще при его жизни распѣвались „морельщиками-самосожигателями" стихи-пѣсни въ-родѣ записаннаго много лѣтъ спустя Кирѣевскимъ: „Пришло времячко гонимо: народился злой антихристъ; въ сію землю онъ вселился, на весь міръ вооружился"... и т. д. Въ чемъ, въ чемъ только не видѣлась раскольникамъ печать антихристова съ числомъ звѣринымъ? И въ каждомъ новомъ налогѣ, и въ попыткахъ народной переписи, и въ клейменіи вѣсовъ-мѣръ, и въ новыхъ способахъ лѣченія повальныхъ болѣзней, и въ каждой новой (гражданской печати) книгѣ... Немудрено послѣ этого, что всѣ упомянутыя и подобныя имъ „новшества", поражавшія своей неожиданностью неподготовленный къ ихъ воспріятію-уразумѣнію натруженный умъ-разумъ простолюдина, не только трудно-медленно прививались въ раскольничьей, придерживавшейся „древляго благочестія" средѣ, но даже вызывали упрямое противодѣйствіе. И до сихъ поръ еще не совсѣмъ улеглись-затихли волны темнаго моря народнаго, взбаломученныя воевавшими противъ „никоніанства" начетчиками-пустосвятами. Но и при всемъ этомъ нельзя сказать, чтобы народная Русь, въ ея совокупности, откликнулась сочувственными голосами на проповѣдническіе призывы старообрядческихъ вожаковъ.

Зерно ихъ проповѣди хотя и падаетъ на ниву народныхъ думъ, но по большей части не всходитъ на

ней, а свѣвается съ нея благотворнымъ дыханіемъ памяти, не находящей въ прадѣдовской старинѣ никакихъ устоевъ для подобнаго міровоззрѣнія. Если и встрѣчаются еще и до сихъ поръ немногочисленные послѣдователи отживающаго свой недолгій вѣкъ изувѣрства, то уже нѣтъ для мало-мальски пытливо присматривающихся къ народной жизни наблюдателей никакого сомнѣнія въ томъ, что сердце народное,—это дѣтски-чистое, жаждущее свѣта откровеній сердце,—даже и въ лицѣ заблуждающихся готово уже выйти просвѣтленнымъ изъ темноты своей. „Печать антихристова“ уже не представляется его проникновенному взору на каждомъ шагу въ окружающихъ его бытъ новшествахъ. „Сіе дѣло—велико!“—покачивая убѣленными сѣдиною головами, задумываются надъ этимъ вопросомъ старые люди и переносятся мыслью въ загробный міръ, откуда—на ихъ взглядъ—только и можетъ придти въ міръ новый предтеча Истиннаго Христа, ратоборецъ зла, ополчающагося на правду Божію. „Придетъ антихристъ-звѣрь—тогда и міру скончаніе приблизится!“—говорятъ они:—„а когда придти ему—все въ волѣ Господней!“ Вѣра во Второе Пришествіе въ міръ Сына Божія соединяется въ народномъ представленіи неразрывно и нераздѣльно съ ожиданіемъ „звѣря великаго“. Ожиданіе это не прекращается чуть-ли не съ той самой поры, когда сокрушены были на Руси послѣдніе идолы древнеязыческихъ боговъ (позднѣе всѣхъ — въ Ростовѣ Великомъ). Но понятіе о немъ—что ни вѣкъ, что ни десятилѣтіе—все болѣе и болѣе сливается со сказаніями о Страшномъ Судѣ Божіемъ

Знатоки-памятователи старинныхъ повѣрій,—сами, впрочемъ, не давая себѣ отчета, почему,—завѣряютъ подчасъ легковѣрныхъ слушателей, охотно внимающихъ всякому вѣщему, идущему „отъ Писанія-преданія“ слову, — что придетъ-де антихристъ черезъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть лѣтъ (мѣсяцевъ, не-

дѣль, дней—смотря по духовному глазомѣру сказателей). Но послѣ чего совершится это пришествіе, они никакъ не могутъ установить такого срока,—переходя отъ одного событія къ другому—по произволу собственнаго, измѣнчиваго на этотъ счетъ, воображенія. Семь неурожайныхъ подъ-рядъ годовъ—по слову-сказу народному — являются наиболѣе достовѣрнымъ свидѣтельствомъ антихристова приближенія. Если же къ нимъ присоединятся еще семь лѣтъ мора людей, а за ними—падежа скотскаго, то чуть не на порогѣ уже будетъ стоять, по суевѣрному представленію народной Руси, „время послѣднее", когда проступитъ въ торжествѣ своемъ надо всѣми грѣшниками нераскаянными страшная печать „числа звѣрина". Вотъ какъ повѣствуется, между прочимъ, объ этомъ времени въ одномъ изъ „Стиховъ Богородицѣ", разносимыхъ изъ конца въ конецъ Великой Руси убогими пѣвцами—каликами-перехожими: „...А въ послѣднее время будетъ антихристово пришествіе, и съ нимъ будутъ злые его мучители, ангели, бѣси темные, и будетъ его царства на три годы, и велитъ сатана-антихристъ сотворити по волѣ своей. Тогда наполнится земля беззаконія всякаго, и снидутъ пророци Божіи и учнутъ христіанамъ глаголати, чтобъ не вѣровали антихристову ученію, и обличати его злое ученіе и ухищреніе, и познаютъ всѣ, яко антихристъ сынъ пагубный, и тогда приступятъ бѣси темные и побіютъ пророковъ Божіихъ, и, послѣ убіенія пророческаго, по велѣнію Божію—загорится вся земля и выгоритъ въ глубину на шестьдесятъ локтей за наше великое беззаконіе"... Не безъ книжной примѣси этотъ стиховный сказъ, но въ то-же самое время глубоко проникнутъ онъ народнымъ духомъ, живущимъ въ памятникахъ изустнаго творчества.

Всегда былъ и кратокъ, и мѣтокъ въ своихъ запечатлѣнныхъ въ красномъ-крылатомъ словѣ опредѣ-

леніяхъ народъ русскій. Такъ и на этотъ разъ... „Безъ раны звѣря не убьешь!“—говоритъ онъ:—„по звѣрю—и рана!“, „На всякаго звѣря по снасти!“ Поразспросить его—такъ добавитъ онъ къ тремъ приведеннымъ поговоркамъ и еще новую—четвертую: „Звѣря бьютъ—поры ждутъ!“ Если въ такихъ словахъ проявляетъ народная Русь свою предусмотрительность и по отношенію ко всякому вообще, простому, звѣрю,—то не могла отнестись она съ меньшими предосторожностями къ такому „звѣрю великому“, какимъ представляется вѣщему народному преданію антихристъ. Еще и до прихода своего въ міръ онъ, по взглядамъ простодушнаго суевѣрія, строитъ лютыя козни роду христіанскому. Такъ, напримѣръ, онъ, по розсказнямъ свѣдущихъ во всякомъ вѣдовствѣ-знахарствѣ деревенскихъ старожиловъ, насылаетъ на землю лихихъ поборниковъ своего злодѣйства: поселяютъ они въ людяхъ всякій раздоръ, отъ раздоровъ къ тяжкому недугу ведутъ, отъ недомоганія — къ смерти духа, оживляющаго дремлющую въ сѣтяхъ пороковъ грѣшную душу человѣческую. Мало-ли бѣдъ приключается отъ подобной напасти?!.. Всего и не перечесть, если не останавливать вниманія только на самомъ главномъ...

Когда въ чьей-либо согласной до того времени семьѣ начинаетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего все идти и вкось, и вкривь, и въ рознь,—можно сплошь-да-рядомъ услышать, что это „супротивный бѣдокуритъ“. Въ этомъ супротивномъ легко узнать все того-же антихриста, о чемъ говоритъ и самое значеніе этого, заимствованнаго съ греческаго языка, вошедшаго въ нашъ народный обиходъ, слова.

Изъ недуговъ-болѣстей охотнѣе всего насылаются антихристомъ, по слову-сказу народному, оспа и антоновъ огонь. Первая такъ и слыветъ въ обиходѣ посельщины-деревеньщины за „печать („клеймо“ — по

иному разносказу) антихристову“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири величаютъ такъ не оспу, а сибирскую язву. „Кому о́тъ-Бога дано, — говорятъ при этомъ, — тотъ какъ взглянетъ, такъ и различитъ: съ вѣтру-ли (т. е. попросту) эта болѣсть приключилась, или о́тъ супротивника!“ Зоркій, „на семь пядей подъ землею видящій“ (по народному-же слову) глазъ (умъ-разумъ) знающаго всю подноготную человѣка непремѣнно увидитъ въ послѣднемъ случаѣ ясно обозначившееся на язвинахъ число звѣрино: шестьсотъ шестьдесятъ шесть. Простому человѣку, конечно, не запримѣтить ничего подобнаго: не про его простоту-сѣрость это число писано... А,—говорятъ, — бывали и видѣвшіе. Такого болящаго только и можно-де вылѣчить, что если взять позвать священника помолебствовать въ хатѣ о здравіи да потомъ обмыть свячоной водою всѣ язвины. Поможетъ это, однако, только тому, кто чтилъ— по завѣту дѣдовъ-прадѣдовъ—„матушку-пятницу“, а ильинскую пятницу (предъ 20-мъ іюля) наособицу передъ всѣми другими пятыми днями недѣли въ кругломъ году. Если-же есть на свѣтѣ такой „правильный“-праведный человѣкъ, что по шестьсотъ шестьдесятъ шесть добрыхъ дѣлъ въ году совершаетъ,— то, по словамъ народной Руси, не страшны ему никакіе насылаемые „звѣремъ великимъ“ недуги: ото всѣхъ его святая жизнь спасаетъ. По увѣренію раскольниковъ-старовѣровъ, „табакъ-трава“ посѣяна на землѣ антихристомъ съ тою нарочитой цѣлью, чтобы, окуриваясь ею, народъ заслонялъ тучами ѣдкаго дыма всѣ свои добродѣтели передъ очами Господа, святыхъ угодниковъ Его и ангеловъ-хранителей, стерегущихъ жизнь человѣческую. На „табачникахъ“ болѣе всего, по словамъ начетчиковъ, умудренныхъ „древлимъ благочестіемъ“, и свирѣпствуютъ-лютуютъ насылаемыя противникомъ Христа болѣзни. Въ старые годы къ табаку присоединяли они еще и картофель („чертово яблоко“,

„антихристовъ хлѣбъ"); но это послѣднее суевѣріе давно уже успѣло исчезнуть изъ житейскаго обихода, не находя въ немъ никакой поддержки.

Въ нѣкоторыхъ захолустныхъ уголкахъ симбирско-самарскаго края приходилось наталкиваться на повѣрья о томъ, что есть и такіе люди,—изъ мельниковъ по преимуществу,—которые, съ помощью молитвы антихристу, вѣдомой только имъ-однимъ, а для всѣхъ другихъ, не продавшихъ свою душу этому злому духу, остающейся навѣки тайною,—могутъ причинять всякое лихо своимъ сосѣдямъ, почему-либо не пришедшимся имъ по-сердцу. „Числу звѣрину" принадлежитъ въ этой молитвѣ главное мѣсто,—идетъ оно и въ первую, и въ послѣднюю голову. Молитва антихристу переписывается (безъ креста-тѣльника на шеѣ) на закопченой бумагѣ и подбрасывается на повѣть того двора, на хозяина котораго хочетъ лихая душа накликать бѣду-напасть. Лѣтъ двадцать съ небольшимъ тому назадъ на Поволжьѣ ходили списки этой молитвы; по всему вѣроятію, гдѣ-нибудь еще могутъ найтись хранители этой дани темному суевѣрію и въ настоящее время. „Всякое лихо долго помнится; лихота переживетъ доброту; злому слову нѣтъ вѣка"... Этими тремя изреченіями народа-сказателя обезпечивается долговѣчность всякаго „чернокнижія", изъ несомнѣннаго общенія съ обрывками котораго выросли на почвѣ суевѣрія и всѣ вообще повѣрья-сказанія о звѣрѣ-антихристѣ и объ его таинственномъ числѣ звѣриномъ.

Праведная-угодная Богу жизнь—надежная защита отъ злыхъ козней антихриста. Но суевѣрная память,—если и дремлющая когда-нибудь, то чуткою-тревожной дремою, — указываетъ легковѣрному сыну деревни, кромѣ того, и на иное средство противъ врага Христова, сѣющаго — по примѣру отца своего діавола—сѣмя грѣховъ по пажитямъ міра Божія. Страшится супротивный—по слову народной Руси — не только

одного этого. Есть среди травъ, произростающихъ на землѣ, одна, которой онъ, пуще чѣмъ вода — огня, боится: звѣробой-трава, прозываемая также „кровцой“, „свѣтоянскимъ зельемъ“, „здоровецъ-травою“, „царскою свѣчою“, „медвѣжьимъ ухомъ“, „уразницей“ и разными другими именами, — которыхъ, по увѣренію знающихъ людей—до шестисотъ шестидесяти шести, что прямо-таки указываетъ на связь этой травы съ тѣмъ „звѣремъ великимъ“, котораго она устрашаетъ, несмотря на все его могущество грозное, поддерживаемое всею нежитью-нечистью. Звѣробой — звѣробою рознь: бываетъ онъ и желтоголовымъ, и бѣлымъ цвѣтомъ—что молокомъ—по веснѣ заливается, и синимъ-лазоревымъ. Горный звѣробой передъ луговымъ отличается, луговой—передъ лѣснымъ. И не всѣ въ одинаковой мѣрѣ, на одну стать, устрашаютъ антихриста,—вгоняетъ „звѣря“ въ ужасъ всѣхъ больше-вѣрнѣе тотъ, что „крестовымъ“ звѣробоемъ уродился, съ крестомъ посреди лепестковъ цвѣтетъ. Да и то, если собирать его на Всесвятской, что вслѣдъ за Зелеными Святками—Троицынымъ да Духовымъ днемъ—недѣлѣ. Пучки такого звѣробоя, „вó-время“ повѣшенные въ клѣти, въ сѣняхъ и въ хатѣ, могутъ, по народному повѣрью, служить надежной обороною отъ ухищреній этого врага рода христіанскаго. Говорятъ освѣдомленные въ подобныхъ дѣлахъ хранители старинныхъ преданій-повѣрій, что даже и застигнутому насланною антихристомъ бѣдой-напастью можно помочь: стоитъ-де только, благословясь, спрыснуть его водой, настоенною на шестистахъ шестидесяти шести цвѣткахъ крестоваго звѣробоя. По объясненію повторяющихъ это повѣрье, такая сила далась послѣдней травѣ не-спроста. Еще съ той поры, когда Святое Семейство—Дѣва Марія съ Сыномъ Своимъ и праведнымъ Іосифомъ, укрываясь отъ ярости Иродовой, бѣжали въ страны Египетскія,—благословилъ Господь это травяное быліе

устрашать звѣря великаго. Послалъ его въ погоню за Христомъ-Младенцемъ распалившій сердце Ирода діаволъ, повелъ за собою воиновъ царя іудейскаго супротивникъ Сына Божія... Вотъ-вотъ настигнетъ погоня... Но вдругъ совершилось диво-дивное: начали заростать всѣ пути-дороги крестоцвѣтомъ-звѣробоемъ.. Куда ни кинется ведомое сыномъ діавола воинство,—всюду волна-волною звѣробой колышется: ни пути впередъ, ни слѣда. Такъ и вернулась къ царю Ироду погоня... А трава, укрывшая слѣдъ Христовъ, получила за это—не въ примѣръ всему царству травъ—свою силу великую, грозную силу тайную. Про эту траву сложился даже и особый сказъ въ словѣ пѣсенномъ. Вотъ отрывокъ изъ стариннаго сказанія, записаннаго въ окрестностяхъ с. Новаго-Никулина, Симбирскаго уѣзда, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія:

«... Есть плакунъ-трава, есть прострѣлъ-трава,
Звѣробой-трава есть зеленая,
Зелена-трава стоитъ кустъ-кустомъ,
Со цвѣточками да со желтыми,
Что ни цвѣтикъ—то Господній крестъ...
Убоялся креста-травы самъ великой звѣрь,
Тотъ-ли звѣрь супротивенъ-немилостливъ,
Тотъ антихристъ, анаѳема проклятый
Со своимъ-ли со могучимъ апостоламъ—
Со шестью-ли со стамъ со шестидесятью,
Со шестью—порожденьемъ звѣринымъ...»

Вездѣ въ народной Руси видятъ въ числѣ звѣриномъ не иную какую цифру, какъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть. Исключеніе составляютъ только сибирскіе староверы-„двоедане“. Для нихъ это число—девятьсотъ девяносто девять. Объясняютъ одни изъ двоеданъ это тѣмъ, что смотритъ-де съ яснаго неба на землю Господь сверху, и представляется ему вмѣсто меньшаго числа большее. По словамъ-же другихъ, въ прежніе годы, дѣйствительно, стояло на печати анти-

христовой число шестьсотъ шестьдесятъ шесть, да перевернулась однажды эта печать, и вышло девятьсотъ девяносто девять. Съ той-де самой поры такъ и пошла эта роковая цифра за „число звѣрино“.

IV. Царскіе дни.

„Всѣ дни у Бога равны: день да ночь—сутки прочь!“—можно иногда услышать въ народѣ угрюмое слово забитыхъ невзгодами, ко всему равнодушныхъ людей, сторонящихся ото всякаго проявленія радости-веселья. Скажетъ русскій мужикъ—что ножомъ отрѣжетъ: недаромъ онъ говоритъ, что его слово „насквозь всю сыру-землю прошло“. Но слово слову рознь; есть и такое, на которое найдется и у самого сказавшаго его не мало возраженій. Такъ и въ этомъ случаѣ: приравняла народная Русь всѣ дни одинъ къ одному, да сама-же эту свою случайную обмолвку цѣлымъ роемъ другихъ крылатыхъ словъ оговариваетъ. „Всѣ звѣзды свѣтятъ землѣ съ неба, да не у всѣхъ свѣтъ одинъ; всѣ дни—съ восходу до закату, да не всѣ одинаковы: будень-день по буднямъ живетъ, отдыхаетъ міръ-народъ въ святъ-праздничекъ!“—гласитъ старинное народное изреченіе. „И дни не на одну колодку сшиты-скроены: есть будни, есть праздники, есть дни царскіе!“—распространяетъ это понятіе народъ-краснословъ. „Будень на работу будитъ, Христовъ праздникъ къ обѣднѣ звонитъ, царскій день про царя-батюшку вѣсть подаетъ...“, „Праздникъ—празднуй, будни—работай, царскій день—царю отдай!“, „Наработались будни на празднички, доработаются и до царь-дней!“ и т. д. Въ каждой изъ этихъ поговорокъ, передающихся изъ устъ въ уста, отъ села къ селу перелетающихъ, съ достаточной ясностью высказывается взглядъ народной Руси, противоположный приведенному въ первыхъ словахъ настоящаго очерка.

Съ каждымъ большимъ праздникомъ, посвященнымъ Богу-Христу, Богоматери и святымъ угодникамъ Божіимъ, связано у народа свое особое представленіе-понятіе, окруженное цѣлымъ частоколомъ повѣрій, сказаній и обычаевъ, нерѣдко ведущихъ свое начало „съ языческаго кореню“—отъ незапамятной поры старины стародавней. Къ большинству этихъ дней, наособицу выдѣленныхъ народной памятью и отмѣченныхъ простодушнымъ благочестіемъ, еще до сихъ поръ зачастую идущимъ объ-руку съ пережитками суевѣрія, пріуроченъ рядъ живучихъ примѣтъ, впитанныхъ въ народную плоть и кровь многовѣковымъ общеніемъ съ природою, отовсюду обступающею безхитростный бытъ селянина-пахаря. Не обошло молчаніемъ крылатое слово народа-сказателя и царскихъ дней. Взглядъ народной Руси на эти дни, въ основѣ своей, какъ-бы отождествляется съ представленіемъ о царѣ-государѣ, высказавшемся хотя-бы, напримѣръ, въ отвѣтѣ „премудраго“ царя „Книги Голубиной“ на вопросъ каликъ-перехожихъ—этихъ выразителей народной души, носителей простонародной мудрости:

«Ты скажи еще, сударь, повѣдай намъ,—
Который царь надъ царями царь?»

Отвѣтъ народа-сказателя, вложенный въ уста царя Давыда Евсѣевича, точенъ и ясенъ. Вотъ онъ во всей своей неприкосновенности:

«У насъ бѣлый царь—надъ царями царь,
Онъ и вѣруетъ вѣру крещоную,
Крещоную, богомольную,
Онъ во Матерь Божію Богородицу
И во Троицу нераздѣльную:
Онъ стоитъ за домъ Богородицы,
Ему орды всѣ преклонилися,
Всѣ языцы ему покорилися!»

Такъ развѣ можетъ народъ-пахарь, при наличности такого взгляда на „государя-батюшку“, „надежу бѣ-

лаго царя“, относиться съ равнодушнымъ безмолвіемъ къ тѣмъ немногимъ днямъ, объединеннымъ дорогимъ русскому сердцу именемъ, съ которымъ еще въ позабытые пращурами годы связывался въ его понятіи присловъ-эпитетъ —„красное солнышко“?

Общій выводъ изо всѣхъ сказаній и повѣрій, обусловливающихъ взглядъ народа-сказателя на озаряющаго Русь лучами своей любви „ласковаго“ вѣнценосца, склоняется къ непоколебимому представленію о царѣ-государѣ, какъ о наиболѣе яркомъ воплощеніи необычной силы, необычайнаго ума и необыкновенной красоты—духовной и тѣлесной. „Никто противъ Бога не воленъ, никто противъ царя не силенъ!“—гласитъ простодушная мудрость народная, дополняя самое-себя изреченіемъ сѣдой старины: „Никто какъ Богъ да государь!“ Богъ, царь и народъ являются, по ея подсказанному многовѣковыми думами слову, понятіемъ поистинѣ тріединымъ, связаннымъ неразрывными узами вѣры, любви и надежды—вѣры въ святыню правды и добра, любви къ родинѣ и надежды на свѣтлое и славное будущее послѣдней. Объ этомъ именно и говоритъ народное слово, пережившее безконечный рядъ поколѣній и сохранившееся въ сокровенныхъ тайникахъ памяти народной Руси до нашихъ дней:

«Народъ вздохнетъ—
До царя дойдетъ,
Царь услышитъ—
Богъ увидитъ»...

Объ-руку съ этимъ представленіемъ идетъ въ народѣ отъ одного поколѣнія къ другому стародавнее преданіе о томъ, что слухъ царя-государя становится наиболѣе чутокъ къ голосамъ народныхъ нуждъ и чаяній именно въ „царскіе“ дни. Весьма вѣроятно, что преданіе это сложилось, выросло и окрѣпло на плодородной почвѣ тѣхъ милостей, какими всегда ознаменовывались важнѣйшіе изъ этихъ дней, ко мно-

гимъ изъ которыхъ были пріурочены указы, вносившіе льготы въ обиходъ трудовой жизни народа-пахаря. Въ этихъ случаяхъ „радость царская“ въ полномъ смыслѣ слова объединялась съ радостью Земли Русской и ея царелюбивыхъ работниковъ, съ глубокой убѣжденностью повторяющихъ и въ наши дни изреченія своихъ умудренныхъ жизнью дѣдовъ-прадѣдовъ: „Гдѣ царь—тамъ и правда!“, „Народъ—тѣло, царь—голова!“, „Жить—царю служить!“

На среднемъ—нижегородско-самарскомъ—Поволжьѣ неоднократно приходилось слышать (съ незначительными измѣненіями) одинъ и тотъ-же сказъ, связывающій царскіе дни съ представленіемъ народа о томъ, что самъ Царь Небесный охотнѣе исполняетъ въ эти дни просьбы-мольбы вѣрныхъ слугъ царевыхъ. Наиболѣе характернымъ мѣстомъ этого сказа являются слова Господа-Саваоѳа, произнесенныя въ отвѣтъ на заступничество св. Николая-чудотворца передъ Престоломъ Всевышняго за бѣднаго грѣшника, которому ничего не удавалось въ жизни и все только невольно вело его къ новымъ прегрѣшеніямъ противъ совѣсти, несмотря на всю борьбу его съ этими послѣдними. „За что-жъ Мнѣ его, раба, миловати? За что его Господу жаловати?“—раздалось съ высоты Престола престоловъ властное слово Вседержителя:—мать-отца онъ, рабъ, не почиталъ, въ середу-пятницу поста не держалъ, алчущаго не накормилъ, жаждущаго онъ, рабъ, не напоилъ, странника отъ темныя нощи не укрылъ, ко храму Моему Божьему онъ, лѣнивый рабъ, не прилежалъ!.. Не отступаетъ отъ Всемогущаго Царя царствующихъ „Микола Милостливый“, вѣковѣчный заступникъ русскаго простолюдина,—снова поднимаетъ онъ, по словамъ сказанія, свой голосъ: „Господи, Господи! Смилуйся надъ бѣднымъ рабомъ Твоимъ! Не ради его великаго прегрѣшенія, а ради грѣшной души спасенія, не ради его жалованія, а ради дѣтей про-

питанія!" И опять изрекъ Своему угоднику Судія Праведный:

«За что-жъ Мнѣ его, раба, миловати?
За что его Господу жаловати?».

„А за то Тебѣ его, раба, миловати, за то его Господу жаловати,—отвѣчаетъ заступникъ усердный:—во младости своей онъ, рабъ, Отечество спасалъ, за Христовую за вѣру кровь проливалъ, царю, благовѣрному государю, служилъ!" Задумался Господь, но въ тотъ-же мигъ просвѣтлѣло чело Вседержителя. „А и въ пору, во́-время ты, Микола, рѣчь держалъ, а и въ доброе благовременье ты, чудотворецъ Мой, слово молвилъ!"—произнесли Божественныя уста:

«Сей день есть—великаго благоволенія;
Сей день есть—царскаго радованія!
Радованіе царево—Мое милованіе,
Тѣхъ-ли государевыхъ вѣрныхъ слугъ жалованіе!»

Бѣдный грѣшникъ былъ помилованъ, безталанный неудачникъ-горемыка былъ, по заступничеству Николая-чудотворца, обласканъ первой удачею въ жизни и получилъ возможность вернуться съ пути грѣха на дорогу труда праведнаго. И все это свершилось,—какъ повѣствуетъ народъ-сказатель, — единственно потому, что былъ онъ когда-то „царю, благовѣрному государю" вѣрнымъ слугой и пришлось услышать о томъ Господу какъ-разъ въ пору „царскаго радованія", въ царскій день.

По всей вѣроятности, не по однимъ только поволжскимъ, богатымъ сказаніями-повѣрьями, мѣстамъ сохраняются въ народной Руси подобныя преданія, подкрѣпляемыя старинной поговоркою: „За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ!" При всей своей грубоватой простотѣ, эти сказы-преданія краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что народъ-сказатель одушевленъ неугасной любовью къ своему Державному Вождю—любовью поистинѣ стихійной, той лю-

бовью, которая нашептала ему и такія, льющіяся переливчатою серебристой волною слова, какъ:

«Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на всей земли, слава!
Чтобы нашему государю не старѣться, слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться, слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться, слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, слава!
Чтобы правда была на Руси, слава!
Краше солнца свѣтла, слава!»

Встарину эту „славу“ можно было слышать повсемѣстно на московской Руси, тамъ, гдѣ только пѣлись пѣсни, въ царскіе дни. Многіе годы пережила она, но поется и теперь съ той-же любовью, хотя уже не въ тѣ дни, въ которые впервые спѣлась-сложилася, а въ пору святочную, когда ближе, чѣмъ когда бы то ни было въ другое время, льнутъ къ чуткому сердцу истинно-русскаго человѣка неумирающія тѣни-преданья родной старины.

„Безъ царя народъ—сирота, земля—вдова!“—изрекла родная старина. Современная деревня, придерживающаяся дѣдовскихъ завѣтовъ, памятуя эти слова, развиваетъ ихъ въ повѣрья-сказанія, связанныя съ важнѣйшими царскими днями — восшествія на престолъ и коронованія. Такъ, по увѣренію сказателей, въ эти дни легче дышется самой Матери-Сырой-Землѣ подъ тяжкимъ грузомъ, позабытымъ на ея могучей груди минувшими вѣками. „Чуетъ и она, матушка, — говорятъ старые, освѣдомленные во всякихъ преданіяхъ, люди,—чуетъ, что не придется ей вдовою горемычной вѣка вѣковать. Знаетъ, кормилица, что не будетъ она сиротой, что и народу не придется горя мыкать на бѣломъ свѣтѣ!..“ Другіе, еще болѣе свѣдущіе, памятователи повѣрій ведутъ рѣчь даже о томъ, что будто-бы въ эти царскіе дни по всей землѣ разливается звонъ московскихъ сорока сороковъ: „приложишь ухо къ

землѣ—такъ и гудетъ...“ Если повѣрить имъ на слово, то выискивались въ народѣ и такіе люди, что, припадая къ землѣ, слыхивали не только благовѣстъ колокольный, а и пѣніе ангеловъ: „Слава въ вышнихъ Богу и *на земли миръ*, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“ Всѣ эти сказы-повѣрья вполнѣ соотвѣтствуютъ народному міровоззрѣнію.

Каждая радость Царствующаго Дома находитъ въ народныхъ сказаніяхъ свой откликъ. Такъ, въ пѣсняхъ-былинахъ говорится, что во дни этихъ радостей царило въ „каменной Москвѣ“ общее ликованіе:

«Тюрьмы съ покаянными—онѣ всѣ распущалися;
А и погребы царскіе—они всѣ растворялися...
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися,
А всё *народъ Божій* на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются...»

О пирахъ для „народа Божія“, устраивавшихся по случаю той или другой „царской радости“, можно видѣть явное свидѣтельство и во всѣхъ нашихъ былинахъ кіевскаго періода. Имя ласковаго князя Владиміра—Красна-Солнышка—можно произвольно замѣнить въ нихъ любымъ изъ княжескихъ-царскихъ именъ московскаго времени. Важно то обстоятельство, что всѣ былинные пиры по большой части устраивались въ царскіе дни. Обыкновенно описаніе этихъ пировъ начинается почти во всѣхъ былинахъ слѣдующимъ, получившимъ, такъ сказать, права гражданства въ мірѣ народнаго пѣснотворчества, вступленіемъ:

«Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова сударь-князя Владиміра,
А и пированье было, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
Много на пиру было князей и бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей...»

Подъ „русскими могучими богатырями“ здѣсь подразумѣваются не только настоящіе Ильи Муромцы съ

Добрынями да съ Потоками и съ другой ихъ богатырскою братіей, а и вообще простые русскіе люди—представители богатыря-народа. Въ позднѣйшемъ пѣсенномъ сказѣ („Мастрюкъ Темрюковичъ“), повѣствующемъ про то, какъ „холостъ былъ государь-царь Иванъ Васильевичъ, поизволилъ онъ женитися“,—когда заходитъ рѣчь о пирѣ свадебномъ, тоже упоминается не объ однихъ князьяхъ-боярахъ да богатыряхъ, а и о другихъ гостяхъ: „Онъ здравствуетъ, царь-государь, у себя въ каменной Москвѣ, въ палатахъ бѣлокаменныхъ, въ возлюбленной крестовой своей, — пиръ на-веселѣ, повелъ столы на радостяхъ. И всѣ-ли князи, бояре, могучіе богатыри и гости званые *пятьсотъ донскихъ казаковъ* пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются, зелено вино кушаютъ, лебедь бѣлую рушаютъ“... Несомнѣнно, народъ-сказатель видитъ и себя участникомъ „радостей“, знаменующихъ царскіе дни.

Еще опредѣленнѣе высказывается онъ объ этомъ въ пѣснѣ-былинѣ про то, какъ „подъ Ригою стоялъ царь-государь“. Стоялъ, по слову-сказанію, онъ („бывшій Алексѣй царь Михайловичъ“) подъ этимъ нѣмецкимъ городомъ „по три годы“, надоскучила ему чужбина, снаряжается онъ „въ каменну Москву“. И вотъ,—поется въ былинѣ,—„поутру было рано-ранешенько, какъ на свѣтлой зарѣ на утренней, на восходѣ было краснаго солнышка, какъ-бы гуси-лебеди воскликали, говорили солдаты новобраные: „А, свѣтъ-государь, благовѣрный царь, а и бывшій царь Алексѣй царь Михайловичъ! Ты изволишь наряжаться въ каменну Москву, не оставь ты насъ, бѣдныхъ, подъ Ригою,—ужъ и такъ намъ-де Рига наскучила, она скучила намъ Рига, напрокучила“... Не успѣли докончить своей жалобы-просьбы „солдаты новобраные“, какъ:

«Что злата труба надъ Ригою протрубила,
Прогласилъ государь благовѣрный царь:
— А и, *дѣтушки*, вы солдаты новобраные!

Не однимъ вамъ Рига-то наскучила,
Самому мнѣ, государю, напрокучила,
Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву,
Будетъ *день моего святого ангела*—
Алексѣя, человѣка Божія,
А забудемъ бѣдность нужду великую
На той-ли моей на царской радости,
А и выставлю вамъ погребы царскіе,
Что съ пивомъ, съ виномъ меды сладкіе
Да со тою-ли брагой сыченою,—
Справимъ *праздничекъ* мы по доброму,
По хорошему *мой-ли царской день*!»...

Народъ-пѣснотворецъ вспоминаетъ въ одной изъ своихъ былинъ (Кирша Даниловъ, XXX) о томъ, какъ „свѣтелъ-радошенъ" былъ день рожденія „Петра Алексѣевича, перваго императора по землѣ". Онъ сопровождался не только пирами да милостями:

«Всѣ-то русскіе какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ...»

Всѣ эти примѣры общенія царя-государя съ народомъ, сбереженные отъ забвенія въ былевыхъ пѣсняхъ, наглядно показываютъ, что царскіе радостные дни всегда были близки сердцу народному, какъ близокъ и самъ царь-государь всего его существу, несмотря на ходячее присловье: „До Бога высоко, до царя—далеко!". Изъ вѣщихъ устъ того-же народа-сказателя вылетѣли, пошли гулять-ходить по́-людямъ и такія заслоняющія приведенное присловье изреченія, какъ: „Царево око видитъ далеко!", или еще болѣе одухотворенное сознательнымъ отношеніемъ къ „государеву дѣлу": „Народъ думаетъ—царь вѣдаетъ!"

О „всевѣдѣніи" царя-государя существуетъ въ народной Руси не лишенное значенія повѣрье. Разсказы-

ваютъ старики, что, когда государь впервые вступаетъ на перешедшій къ нему отъ отцовъ-дѣдовъ престолъ, то позади него появляется „ангелъ невидимый“ и, склонясь къ нему, шепотомъ говоритъ обо всемъ, что было, есть и будетъ на Святой Руси. По иному разносказу — ангелъ этотъ ничего не сообщаетъ новому вѣнценосцу, а только однимъ „дуновеніемъ въ слухъ“ сразу посвящаетъ его во всѣ дѣла тайныя и явныя. Это повѣрье, несомнѣнно, выросло на почвѣ вѣры въ то, что всегда оберегаетъ Богъ помазанника Своего ото всякихъ несчастныхъ случайностей и „напрасныхъ бѣдъ“ на всѣхъ путяхъ его, а въ „царскіе дни“ — наособицу.

V. «Алексѣй—съ горъ вода».

Семнадцатымъ днемъ марта-мѣсяца, прозывавшагося встарину „березозоломъ-позимникомъ“, устанавливается на Руси прилетѣвшая за восемь сутокъ передъ тѣмъ, вмѣстѣ съ жаворонками („сорока птицами, сорока пичугами“), настоящая весна-красна, заставляющая таять не только снѣги бѣлые пушистые, а и ледяные мосты рѣкъ-озеръ. „Позимье вешнее къ пролѣтью идетъ“ — говоритъ народъ-пахарь, тороватый на словцо красное-крылатое, и добавляетъ какъ-бы въ поясненіе этихъ словъ своихъ: „Алексѣй—человѣкъ Божій—зиму-зимскую на нѣтъ сводитъ!“, „Придетъ Алексѣй — человѣкъ Божій, побѣжитъ съ горъ вода!“, „Алексѣй-солногрѣй, изъ каждаго сугроба кувшинъ патоки („воды“— по иному разносказу) пролей!“, „Напилась курочка-хохлатка Алексѣевой водицы—зимѣ на проталины не воротиться!“ и т. д. Такъ и слыветъ этотъ угодникъ Божій у русскаго примѣтовѣда за „Алексѣя—съ горъ вода“ да за „Алексѣя-солногрѣя“, радуя своимъ приходомъ на свѣтлорусскій просторъ пахаря-хлѣбороба, у котораго—по старинной поговоркѣ—„что ни шагъ—

то примѣта, что ни пять („пядь“) — то опять“. Какъ встарину велось, такъ и въ наши дни памятуетъ поссельщина-деревеньщина обо всемъ, завѣщанномъ дѣдами-прадѣдами по тѣмъ мѣстамъ захолустья широкаго, гдѣ еще не начала ослабѣвать народная память крѣпкая, подъ гнетущимъ наносомъ фабрично-заводскаго да городского-мѣщанскаго обихода.

Св. Алексѣй, человѣкъ Божій, пришелся какъ нельзя болѣе по́-сердцу нашему народу-сказателю своимъ дивнымъ подвигомъ смиренія, сдѣлавшимъ его, по народному изреченію, и „Богу угоднымъ“, и „всему міру доброхотнымъ“. Увѣковѣчило русское слово-сказаніе этотъ безпримѣрно-великій подвигъ въ цѣломъ рядѣ трогательно-умилительныхъ, распѣваемыхъ каликами-перехожими, сказовъ, нашедшихъ себѣ почетное мѣсто и въ лѣтописяхъ народовѣдѣнія.

День памяти „человѣка Божія“—далеко не послѣднимъ стоитъ и въ зоркихъ глазахъ деревенскаго примѣтовѣда, кормящагося щедротами Матери-Сырой-Земли. До сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ пріурочивается къ этому дню рѣшающее-роковое значеніе если не для всего трудового крестьянскаго года, то по меньшей мѣрѣ для начала этого послѣдняго — поры засѣвокъ весеннихъ и первоначальнаго роста хлѣбовъ. „Дожилъ до Алексѣя-солногрѣя—примѣчай повѣрнѣе!“—можно и теперь услышать крестьянскую поговорку на среднемъ, нижегородско-самарскомъ, богатомъ всякими примѣтами, Поволжьѣ; „Человѣкъ Божій—на приглядъ („до примѣтъ“—по иному) угожій!“, „На солногрѣя не примѣтишь—своимъ горбомъ отвѣтишь!“, „Алексѣй съ горъ вода—примѣчай: что куда!“ „Алексѣевой примѣтой ранній засѣвъ держится!“, „У человѣка Божія и глазокъ зорокъ, и слово—олово!“.. Въ послѣдней (самарской) поговоркѣ народъ-краснословъ переноситъ качества собирателя-хранителя примѣтъ, присущія ему-самому, на св. Алексѣя, словно

отождествляя себя съ нимъ и какъ-бы въ подтвержденіе заключительныхъ стиховъ сказанія о великомъ подвижникѣ, произносящихся по симбирско-самарскому волжскому побережью нѣсколько иначе, нежели въ другихъ охочихъ до пѣсеннаго сказа мѣстахъ: „Объявилъ Алексѣй святое свое слово (вмѣсто „святую свою славу“) во всю свято-русскую землю...“ Родственный по духу смиренія угодникъ Господень словно пріобщается этимъ произвольнымъ опредѣленіемъ къ завѣтнымъ взглядамъ народа-пахаря, а не только даетъ „слѣпымъ прозрѣніе, глухимъ прослышанье, безумнымъ разумъ, болящимъ-скорбящимъ исцѣленіе, всему міру поможеніе“, какъ поютъ-сказываютъ убогіе пѣвцы, переходящіе изъ села въ село со своимъ богатствомъ пѣсеннымъ, не боящимся вора-татя подорожнаго.

Плачетъ зимушка-зима, заливаясь слезами горючими, съ крышъ капѐль идетъ, бѣгутъ съ горъ ручьи-потоки, проступаютъ изъ-подо льда полыньи широкія, рыба съ зимней спячки-лежки съ рѣчного дна къ водянымъ прогалинамъ поднимается, — вывертываетъ и мужикъ изъ саней оглобли, телѣгу-колесуху обихаживаетъ, соху съ бороной обряжать къ недалекой работѣ принимается, а самъ—нѣтъ-нѣтъ—да и о старой старинкѣ вспомянетъ... Недаромъ крылатое народное слово на этотъ случай обмолвилось, что-де „какъ ни живи по новому, а и про старину не забывай!“ Старые-прежніе годы изъ своей отошедшей въ сумракъ дали представляются русскому крестьянствующему люду не иначе, какъ „годами добрыми, хлѣбородными“, въ которые „на гумнахъ копны застаивались, по сусѣкамъ зерно-жито залеживалось, всего было вдоволь на Святой Руси“. Памятуя о такой желанной старинѣ, и обращаетъ онъ свой пытливый взоръ къ живучему словесному наслѣдію прошлаго—примѣтамъ-повѣрьямъ, безъ которыхъ давній пахарь - оратай ни шагу по землѣ не дѣлывалъ, ни на небо не взглядывалъ, ни за

какое дѣло ни принимывался. „Живи—учись, научился—примѣчай!“—гласитъ народная мудрость:—„Кто пожилъ, да ничего не запримѣтилъ — и дѣтей-внучатъ ничему не научитъ!“, „Безъ своей примѣты дня на свѣтѣ нѣту!“, „Отъ примѣты бѣжишь, а она передомъ забѣгаетъ, на глаза попадаетъ, на разумъ наводитъ, крестьянскую думку въ наумку ведетъ („въ наукъ“—по симбирскому-буинскому разносказу), мужика наумитъ!“ Какъ-же не быть и примѣтливою русской посельщинѣ, слыша отъ отцовъ-дѣдовъ такую молвь крылатую! „Худому старики не научатъ!“ — приговариваетъ современная деревня, повторяя поговорку за поговоркою, пословицу за пословицей, сдабривая-расцвѣчая ихъ присловьями-прибаутками пестрыми.

Бросилъ мужикъ, по завѣту дѣдовской житейской мудрости, „сани на повѣть“ въ день св. Алексѣя—человѣка Божія,—на ручьи-потоки, бѣгущіе съ улицы во дворъ, со двора на улицу, поглядываетъ, а съ языка у него само-собою примѣтное слово срывается: „Каковы ручьи на Алексѣя — таковы и поймы!“ Не мимо слово молвится: дружные потоки въ семнадцатый мартовскій день,—будетъ „деревня съ сѣномъ, а скотинка-животинка—съ кормомъ“. Совсѣмъ не то, если „зима человѣку Божію дорогу перейдетъ“—лѣниво-робко на его святъ-день съ горъ вода побѣжитъ: не ждетъ примѣтознай о ту пору сѣновъ-кормовъ хорошихъ („Станетъ животина на Алексѣя, человѣка Божія, Богу жалобиться...“). „Свой глазъ—алмазъ: примѣтишь-глянешь—себя не обманешь, бѣду врасплохъ не застанешь!..“ Поемные луга хоть и не составляютъ для пахаря-хлѣбороба такой важности, какъ поле-нива, но недаромъ-же говорится въ народной Руси, что: „Лошадка безъ сѣна—хозяинъ безъ пашни!“, „Не дашь сѣнца—не засыплешь и овса!“, „Сѣно—житу работникъ!“

Примѣтовѣдъ—всегда и погодознай завзятый: „Погодой (по поговоркѣ) примѣта держится, примѣтой—

погода ставится“... Такъ и тутъ: если выдастся день св. Алексѣя—человѣка Божія—теплымъ-тепелъ, то и вся весна должна быть тепломъ богата, а холодный— „Весну-Красну морозитъ“. Мало хорошаго и для хозяина-скотовода, коли „на Алексѣя курица не напьется воды на улицѣ“: не наѣсться тогда „и овцѣ зеленой травки на Егорья“, а ужъ что тутъ добраго—если въ концѣ апрѣля скотину зимнимъ кормомъ прикармливать,—и кормà-то къ тому времени всѣ на деревнѣ въ конецъ подъѣдаютс і...

Запоздали съ горъ побѣжать потоки—опоздиятся въ этомъ году и что въ полѣ, и на огородѣ,—а тамъ и съ лѣтними-страдовыми работами во-время не справиться: одно съ другимъ нераздѣльно-неразрывно связано въ деревенскомъ трудовомъ обиходѣ, а—какъ всѣмъ извѣстно-вѣдомо—„Всякому дѣлу время, всякой работѣ свой часъ!“, „Во-время посѣялъ, въ пору и съѣлъ!“. Если Алексѣевъ вешній день хоть и тепломъ не обиженъ, да пасмуренъ,—ждетъ пахарь-мужикъ урожая яровыхъ хлѣбовъ лучшаго, чѣмъ въ озимомъ полѣ; наоборотъ—ясная теплынь на человѣка Божія подаетъ ему бóльшую надежду на богатый урожай ржи. „Холодъ на Алексѣя—и голоду не дивись!“—говоритъ онъ:— „А и теплынь теплыни рознь: солнышко воду пьетъ— рожь на гумна везетъ, заститъ туча солнышку—ростъ яровому зернышку!..“. Потому-то, вѣроятно, и можно увидѣть-услышать въ святъ-Алексѣевъ день на деревенскихъ прогалинахъ ребятишекъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ выкрикивающихъ свою любимую веснянку:

«Солнышко-ведрышко,
Выгляни въ окошечко,
Красное, покажись!
Ясное, нарядись!
Твои дѣтки плачутъ—
Пить-ѣсть просятъ,
Горьки слезы ронятъ,
Зимушку хоронятъ:

Отъ лихой зимы,
Отъ метелистой,
Позазябли мы,
Поназяблися,
Взголодалися!...
Солнышко-ведрышко,
Выгляни въ окошечко,
Красное, покажись!»... и т. д.

Пѣсенка эта, подслушанная-записанная, въ с. Ртищевой-Каменкѣ, Симбирскаго уѣзда, лѣтъ двадцать съ небольшимъ тому назадъ, повторяется—при желаніи звонкоголосыхъ пѣвуновъ-малышей—до безконечнаго числа разъ, въ особенности въ тѣхъ селахъ-деревняхъ, которыя не могутъ похвастаться передъ другими обиліемъ пѣсеннаго запаса у будущихъ пахарей.

Но и холодный Алексѣевъ день еще не совсѣмъ лишаетъ пахаря-примѣтовѣда надежды на урожай: будетъ перепадать въ этотъ день снѣжокъ—будетъ и хлѣбъ, по деревенскому повѣрью. Вѣтеръ, дующій на человѣка Божія съ сѣвера-полуночи, сулитъ ему только „одно горе съ поля", южный-полуденный—обѣщаетъ хозяйственному опыту добрый ужи́нъ, да умолотъ не особенно завидный; восточный вѣтеръ—вѣстникъ того, что зимній сѣвъ вѣрнѣе, хотя и не прибыльнѣе поздняго, которому способствуетъ западный. Безвѣтріе—примѣта того, что полевыя работы въ предстоящемъ трудовомъ году сойдутъ ровно и сподручно—во благовременіе, а каковъ хлѣбъ уродится—„одинъ Господь вѣдаетъ да своимъ праведнымъ повѣдаетъ". Дождикъ, моросящій въ день человѣка Божія, что изморозь осенняя,—плохой вѣщунъ для опытнаго-зоркаго глаза хозяина-земледѣльца; теплый дождь—хлѣбомъ засыплется пахарь по горло, если Богъ поможетъ ему успѣть во-время убраться въ полѣ; крупа—урожая гречи-дикуши, полбы и проса ждетъ крестьянское засилье; градъ—хороши будутъ горохи. Если случится, что „половина Алексѣевъ" вёдромъ посельщину порадуетъ, а другая половина захмурится-разненастится,—то „будетъ середка на половинѣ: ни сытъ хлѣборобъ, ни голоденъ"...

Всегда Великимъ постомъ Алексѣевъ день бываетъ, да не въ одну пору. На этомъ тоже свои примѣты основываются. Такъ, напримѣръ, когда придется память св. человѣка Божія на переломъ поста, это—доб-

рая примѣта, позднѣе—худая, раньше—ни добра, ни худа въ томъ нѣтъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ принято выводить въ этотъ день на улицу ребятишекъ и съ головы до ногъ обливать ихъ натаенной изъ снѣга водою — для предохраненія отъ всякихъ болѣзней. „Алексѣй — съ горъ вода!“ — говорятъ окачивающія малышей старухи: — „Съ горъ-горы вода, а съ тебя всякая бѣда!..“, „Постъ переломился—сынокъ (внучекъ и т. д.) перемѣнился — былъ больной-хворый, сталъ на дѣло скорый!“... Для малышей день св. Алексѣя—желанный праздникъ: шуми-гомони сколько хочешь. Ждетъ—не дождется дѣтвора деревенская этого дня послѣ „Сороковъ“ (9-го марта) съ ихъ „жаворонками“, выпеченными изъ тѣста, и жаворонками, поющими въ небѣ, надъ головой, свои первыя пѣсни весеннія—во славу Лады (богини весны), нашедшей своего Леля (бога языческой древней Руси, олицетворявшаго вешній пригрѣвъ солнечный). „Съ горъ потоки шумятъ—у весны идетъ на ладъ съ солнцевымъ хмѣлемъ, съ развеселымъ Лелемъ...“—еще совсѣмъ недавно приговаривали на симбирской Волгѣ прибауткомъ складнымъ старые люди, на дѣтвору да на молодежь въ этотъ день глядючи,—хотя у прибауточниковъ уже не сохранялось никакого понятія о Лелѣ, давно забытомъ въ народной Руси.

Въ той-же мѣстности въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, приходилось слышать повѣрье о томъ, что у кого въ семьѣ нелады — стоитъ только выдти въ этотъ день большаку-хозяину на утренней зорькѣ передъ самымъ восходомъ солнечнымъ на задворки да дождаться солнышка и троекратно выкрикнуть слово „Лада!“,—какъ все пойдетъ „ладкомъ да миркомъ“. Въ этомъ повѣрьѣ, несомнѣнно, слышатся также отголоски забытаго языческаго обожествленія природы и ея стихійныхъ силъ, не имѣющихъ ничего общаго съ памятуемымъ угодникомъ

Божіимъ. Очень можетъ быть, что 17-е марта совпадаетъ съ какимъ-нибудь древнимъ праздникомъ стародавнихъ предковъ современнаго русскаго хлѣбороба; если былъ въ дѣйствительности такой праздникъ, то можно съ увѣренностью сказать, что справлялся онъ въ честь воскресающаго весною солнца краснаго. „Кротостью да смиреніемъ ладъ въ дому держится",—говорятъ старые люди въ поученіе молодоженамъ. Оба эти качества являются неотъемлемыми свойствами Алексѣя—человѣка Божія, возвеличившаго ихъ своимъ подвигомъ. Быть можетъ, въ этомъ и коренится связь христіанскаго святого съ повторяемымъ именемъ древне-языческаго божества—связь чисто внѣшняя.

VI. Вербное воскресенье.

Шестая, ведущая Великій Постъ къ „Страстямъ Христовымъ", недѣля, именуемая въ православномъ мѣсяцесловѣ седмицею Вайй, слыветъ на Руси „Вербною". Завершающій ее праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ („Вербное воскресенье") запечатлѣнъ въ народной памяти не только евангельскими воспоминаніями, но и цвѣтистой вязью сказаній, повѣрій, примѣтъ, поговорокъ и пословицъ. И всѣ эти пестрые образцы крылатаго слова связаны народомъ-сказателемъ, съ нашею „ваіей"—вербою, первымъ распускающимся деревцомъ-кустомъ, радующимъ съ приходомъ весны взоръ крестьянина - земледѣльца, живущаго одной жизнью, дышащаго однимъ дыханіемъ съ матерью-природою, со всѣхъ сторонъ охватывающей его своими—то грозными, то ласковыми—объятіями. Не помнитъ стараго зла народная Русь; потому-то съ первымъ пригрѣвомъ весенняго солнышка и слабѣетъ у нея память о зимнихъ морозахъ-мятеляхъ. Не нарадуется она, на каждую снѣговую проталину, на выбѣгающую на волю травку-муравку зеленую, на каждый распускающійся

изъ красной набухшей почки листокъ глядючи. Еще со Срѣтенія Господня,—когда, по старинному повѣрью, впервые встрѣчается зима съ пробуждающеюся отъ спячки Весной-Красною,—просыпается въ груди пахаря-хлѣбороба теплое-любовное чувство весеннее, хотя еще даютъ себя ему знать и срѣтенскіе-февральскіе морозы, и мартовскіе заморозки. Отопрѣвать принимается къ апрѣлю, пролѣтнему мѣсяцу, скованная зимою морозною Мать-Сыра-Земля,—и мужикъ-простота готовъ уже распахнуть полушубокъ навстрѣчу ласковымъ лучамъ начинающаго ладить вешніе заигрыши солнышка. „Распушилась верба—зимѣ нѣтъ ходу до крестьянскаго двора!“—говоритъ посельщина-деревеньщина: „Верба распутицу ведетъ—долой съ рѣки послѣдній ледъ!“, „Увидалъ на вербѣ пушокъ —и зима подъ шестокъ („въ подпечекъ“—по иному разносказу)!“, „Съ вербой и зимѣ не сладить!“

Широкъ свѣтлорусскій просторъ: что ни округа на Святой Руси—то и погода своя, то и своя пора приходу временъ года. Но и на подступающихъ къ студеному сѣверу-полунощнику, и по близкимъ къ полудню-югу мѣстамъ,—всюду растетъ верба, вездѣ она является первою вѣстницей весны необлыжной, заставляющей крестьянствующее засилье богатырское обращать глаза къ полямъ-нивамъ, налаживать поотдохнувшую за зиму-зимскую соху-борону. Многое-множество породъ одной семьи древесной слыветъ въ народѣ вербою. Есть мѣста, гдѣ сходитъ за вербу то ива, то ветла, то лозина, то ракитникъ; и шелюга съ красноталомъ-хворостникомъ, и чернолозъ, кузовникъ, вязанникъ, и лохъ съ таловымъ сланцомъ,—все вербовники. По доламъ-мочежинамъ, рѣчнымъ побережьемъ, лѣсными полянами, по угорью песчаному, на полевыхъ межникахъ,—всюду мѣсто этому неприхотливому деревцу, вездѣ—ростъ этому кудрявому кустарнику. Недаромъ говорится-молвится поговорка дѣдовская-

прадѣдовская: „Верба, что нѣмецъ (или—„нѣмецъ, что верба“)—куда ни ткни, тутъ и укоренится-примется!“ Бываетъ сплошь-да-рядомъ въ деревенскомъ обиходѣ, что набьютъ въ плетень вербяныхъ-ветловыхъ кольевъ,—а они возьмутъ да и пустятъ въ землю ростки, пойдутъ молодые побѣги; пройдетъ немного времени, глядь-поглядь—вся изгородь ожила-зазеленѣла... Какъ-же не любить такого простоватаго, нà-диво сговорчиваго саженца русскому хлѣборобу домовитому-хозяйственному, своими закорузлыми отъ неустанной работы руками налаживающему вокругъ хаты-жилья каждый колышекъ! По безлѣснымъ полосамъ Земли Русской,—гдѣ, куда ни глянь, раскинулась степь-матушка,—верболозъ-тальникъ является чуть-ли не единственнымъ напоминаніемъ о древесной растительности. Тамъ, гдѣ надвигаются на воздѣлываемыя пахаремъ поля пески сыпучіе, отнимающіе у него землю-кормилицу, стелящійся-кустящійся вербовникъ прямо-таки помогаетъ крестьянину въ неравной борьбѣ съ мачихой-природою, грозящей голодовками-безкормицами. Пришелся по сердцу деревенскому люду и добрый совѣтъ ученыхъ людей насчетъ облѣсенія песчаныхъ наползней шелюгой-вербою. Забираетъ эта мелкая, годъ-отъ-году густѣющая, поросль силу и въ самой неродимой почвѣ. Останавливаетъ она своими цѣпкими корневищами овражные ополни, размываемые талой снѣговою водой и тоже отвоевывающіе у посельской тѣсноты кусокъ за кускомъ угодій пахотныхъ съ луговыми поймами. Не оттого-ли и величаетъ краснословъ-народъ это деревцо вѣтвистое-корневатое не только прямымъ, присвоеннымъ (по мѣстности и виду глядя) прозвищемъ, но и такими уменьшительными-ласкательными именами, какъ „вербочка“, „вербиночка“, „вербушка“, „лозинонька“, а въ пѣсняхъ своихъ такъ и кличетъ его „мелколистною-кудрявою, бѣлопушною ракитушкой“. А кому не до пѣсенъ, не до присказовъ,—такъ и у

того вербовникъ—не лишній гость нежеланный-незваный вокругъ двора: корзинъ изъ него вязать—не перевязать, плетней плести—не переплести. Вырубитъ-выберетъ его иная промышляющая этимъ хозяйственнымъ подспорьемъ деревня чисто-дочиста,—а онъ опять отъ корней зелень пускаетъ, куститься-рости собирается. „Верба—что луговая трава: ее выкосилъ, а она сызнова выросла!“, „Гдѣ вода—тамъ и верба, гдѣ верба—тамъ и вода!“—приговариваетъ народная Русь. Изъ послѣдняго изреченія словесной деревенской мудрости видно, что нашъ народъ съумѣлъ уже оцѣнить и немаловажное значеніе вербовника въ качествѣ охранителя мелѣющихъ рѣчекъ-запрудъ, безъ которыхъ ему и скотины-животины напоить вдоволь негдѣ, и отъ попущенья Божія—пожара—не упастись во-время: „Мужикъ сѣръ-сѣръ, а умъ-то у него не волкъ съѣлъ!“

„Безъ вербы—не весна!“, „Съ вербой Спаса въ Старомъ Іерусалимѣ встрѣтили!“, „Верба—деревцо Спасово!“, „Вербозлозъ о Свѣтломъ Праздникѣ святую вѣсть принесъ!“, „Кабы верба не распустилась—бабы и Страсти Христовы проглядѣли-бы!“, „Гляди на вербу: какъ забѣлѣлась—такъ и до Велика-Дня рукой подать!“.. Во всѣхъ этихъ, также собранныхъ на волжскомъ побережьи, поговоркахъ—одно и то-же указаніе на неразрывную связь вербы съ послѣднимъ передъ „Страстями“ Господними праздникомъ, помавающимъ бѣлопушистыми русскими „ваіями“ съ Великаго Поста на Пасху красную—съ ея веселымъ-радошнымъ ликованіемъ, съ хвалитными стихирами церковными, съ розговѣньемъ-разносоломъ, съ хороводами-игрищами деревенскими, съ пѣснями-веснянками заливными-голосистыми. По словамъ старыхъ деревенскихъ книговѣдовъ-грамотѣевъ — „Вербное воскресенье—бѣлое, пасхальное—красное“. И въ этомъ простодушномъ опредѣленіи таится для нихъ особый смыслъ: „послѣ Лазаря воскресъ бѣлый день, послѣ страшныхъ (страстныхъ) дней—

солнце красное“. Свѣтило свѣтилъ небесныхъ, согрѣвающее грудь земли-кормилицы, отождествляется здѣсь со Свѣтомъ міра—Христомъ-Спасителемъ, „сокрушившимъ крестной смертью двери адовы“.

По старинному сказанью, еще какіе-нибудь двадцать пять лѣтъ назадъ ходившему по селамъ-деревнямъ о-бокъ съ каликами-перехожими (разносказы записаны въ Симбирскомъ, Казанскомъ и Нижегородскомъ Поволжьѣ), — Христосъ сошелъ во адъ съ вербною (пальмовой) вѣтвью въ одной рукѣ и съ крестомъ изъ вербовой-же лозы въ другой. Такимъ образомъ расцвѣтшее-зазеленѣвшееся деревцо явилось очамъ грѣшниковъ какъ-бы знаменіемъ спасенія. Другой разносказъ гласитъ, что при входѣ Сына Божія во адъ—крестъ, бывшій въ рукѣ Христа-Спаса, мгновенно закудрявился бѣлыми шапочками („барашками“)-цвѣточками; а былъ-де онъ, этотъ крестъ все изъ той-же нашей вербы. Библейскій жезлъ Аароновъ точно также превращается русскими убогими пѣснопѣвцами въ стволъ этого близкаго деревенскому простолюдину деревца,—до такой степени приглядѣлся къ послѣднему зоркій глазъ народа-сказателя, не имѣющаго понятія о пальмахъ-ваіяхъ, съ вѣтвями которыхъ встрѣчалъ народъ іерусалимскій входившаго въ Сіонъ обѣтованнаго Мессію, Царя Іудейскаго.

Воскрешонный Христомъ другъ Господень Лазарь, по русскому народному повѣрью, передающемуся изъ устъ въ уста въ тѣхъ-же, богатыхъ всякими сказаньями-преданьями, мѣстахъ—считаетъ первою своей обязанностью обходить въ свой святъ-день всѣ лѣсныя-древесныя заросли и осматривать ихъ: готовы-ли ваіи-вербы ко срѣтенію входящаго „въ горній Ерусалимъ“ Господа. Запоздаетъ верба украситься къ этому дню,—такъ онъ, угодникъ Божій, только осѣнитъ ее взглядомъ благостнымъ—и вся она забѣлѣетъ-закурчавится на радость утѣху крещоному люду православному.

Къ этому сказу подходитъ бокъ-о-бокъ и деревенская примѣта, завѣряющая, что, если не распустится вербовникъ въ Лазареву субботу,—не ждать добра хлѣборобамъ отъ такого незадачливаго года: урожай богатымъ не будетъ, не порадуетъ нива своего пахаря плодами земными. И теперь еще можно видѣть, какъ присматриваются старики со старухами, на всякую примѣту памятливые, къ вербѣ о шестой недѣлѣ Великаго Поста—въ надеждѣ угадать по тому, какъ она „веснуетъ", исходъ трудового года крестьянскаго. „Она (верба) покажетъ, что мужику урожай скажетъ!"—говоритъ ихъ устами умудренный потовымъ-страднымъ трудомъ сельскохозяйственный опытъ: „Матушка-верба—на угадъ не горда!", „По вербѣ гадай — великъ-ли каравай!", „Верболозъ—съ хлѣбомъ росъ!", „На вербѣ шапка—въ амбарѣ дохватка (хватитъ хлѣба); на вербѣ сучки—закромамъ не съ руки!", „Бѣлые барашки на вербовникѣ—и мужики что твои тысячники!", „Верба въ свой день и не ворожея, да угадчица!"

Вотъ какою пестрой зернью словесной сыплетъ кормящаяся щедротами поливаемой трудовымъ потомъ матери-земли народная Русь, задумываясь надъ судьбами будущаго труда, во дни, обступающіе Вербное воскресенье. У ярославскихъ примѣтовѣдовъ о Вербной недѣлѣ—свой сказъ: если эта недѣля вся стоитъ ведреная (да еще съ утренниками-морозами), то яровина (овсы, гречиха) хороши будутъ. „На Вербной морозъ—уродится овесъ!"—примѣчаютъ подстать имъ въ Новгородской губерніи. Въ Симбирской приходилось слышать иную примѣту: „На вербу тепло—къ урожаю пошло!" По всей вѣроятности, и по другимъ мѣстамъ ходитъ не мало подобныхъ приведеннымъ примѣтъ, пріурочиваемыхъ къ этому-же времени.

Повсемѣстно на Руси стоятъ всенощную и утреню съ Лазаревой субботы на идущее за нею воскресенье съ вербовыми вѣтвями въ рукахъ; повсюду сохранился

и памятный съ дѣтскихъ лѣтъ обычай—возвращаясь изъ церкви домой, будить заснувшихъ ребятъ пучками вербы, приговаривая: „Верба хлестъ, бей до слезъ! Не я бью, верба бьетъ! Верба красна бьетъ напрасно, верба бѣла бьетъ за дѣло!“ и т. д. „Не верба бьетъ, а старый грѣхъ!“—прибавляютъ къ этому, если проспитъ встрѣчу Христа, входящаго во Іерусалимъ, не ребенокъ, а человѣкъ взрослый,—что, впрочемъ, рѣдко случается въ народѣ, который недаромъ прослылъ богомольнымъ. Отъ шутокъ переходятъ къ поддерживаемому также повсемѣстно обычаю: ставятъ пучки освященной, окропленной святою водой, вербы-ваіи на божницу, къ иконамъ. Благочестивая старина завѣщала хранить „свячоную вербу“ круглый годъ: отъ Вербнаго воскресенья до Христова Вознесенья, со Христова Вознесенья—до Спожинокъ-Успенья, съ Успенья—до Введенья, съ Введенья—до Крещенья, со Крещенья—до Великаго Говѣнья, съ заговѣнья—до Вербнаго воскресенья“. И этого завѣта придерживается вся деревеньщина-посельщина. Въ ея безхитростно-суевѣрномъ быту мало-ли найдется случаевъ, когда эту вербу приходится примѣнять, если не какъ святыню, то какъ нѣчто оберегающее отъ разныхъ бѣдъ-напастей?.. Такъ, напримѣръ, во многихъ селахъ принято выгонять на пастьбу коровъ въ Юрьевъ-Егорьевъ весенній день (23-го апрѣля) не иначе, какъ съ пучкомъ вербы въ рукахъ: („въ огражденіе отъ мора“). Когда въ домѣ лежитъ тяжкобольной—старые люди совѣтуютъ давать ему въ правую руку все тотъ-же принесенный отъ вербной утрени пучокъ: „Коли не выздоровѣть ему—такъ легче душа съ тѣломъ разстанется, теплѣе Мать-Сыра-Земля приметъ“,—говорятъ они, поучая молодежь уму-разуму. Доморощенныя лѣкарки деревенскія даютъ „вербяной цвѣтокъ („вербешки“—по симбирскому разносказу) больнымъ лихорадкою; есть и такія, что варятъ даже „вербяную кашу“ изъ нихъ, все съ той-же цѣлью—

помочь болящему. Если болѣзнь не проходитъ, у нихъ есть знакомая всѣмъ знахарямъ-знахаркамъ отповѣдь: „Стало быть, грѣхъ на немъ лежитъ нераскаянный“. Неизвѣстно, по какому поводу сложилось въ нашемъ народѣ странное повѣрье, гласящее, что, если посадить „не въ часъ“ вербу, то—на свою смерть: „Кто вербу посадитъ—себя въ гробъ наладитъ!“—говорятъ, напримѣръ, въ Карсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи. Въ Сызранскомъ уѣздѣ записано это-же изреченіе въ такомъ разносказѣ: „Вербу посадишь—на себя заступъ сготовишь!“

Совершенно въ разрѣзъ съ этимъ необъяснимымъ повѣрьемъ идетъ другое, записанное въ Рязанской губерніи. По нему, если посадить въ землю принесенную изъ церкви освященную вербу да семь утреннихъ зорь поливать ее, благословясь,—то съ выросшимъ деревцомъ будетъ связано благополучіе посадившаго. Станетъ хорошо куститься деревцо—и онъ не только будетъ идти навстрѣчу своему счастью, а само оно начнетъ бѣжать за счастливцемъ: во всемъ, за что бы ни принялся онъ, натолкнется онъ на удачу—и въ семейной жизни, и въ хозяйствѣ. Даже на дѣтей его перенесется то-же самое. Только пуще глаза должно оберегать заповѣдную вербу: мало-ли на свѣтѣ всякихъ лихихъ людей—позавидуютъ чужому счастью, срубятъ деревцо,—и удачамъ конецъ, и жизнь покатится подъ гору. Выискиваются такіе завистники, что напускаютъ черезъ эту вербу болѣзни-хворобы на вырастившаго-выхолившаго ее хозяина. Чтобы оградить себя отъ наговоровъ-напусковъ, слѣдуетъ, по словамъ рязанскаго суевѣрія, „забѣжать впередъ бѣды“, положить свой зарокъ—кликнуть знахаря, которому всякое лихо подвластно-вѣдомо: заговоритъ онъ вербу, и никакія новые заговоры не будутъ имѣть надъ нею силы, а станетъ она рости-красоваться, что ни весна—бѣлыми шапочками убираючись, хозяйскій глазъ радуючи.

Каждое Вербное воскресенье будетъ она „цвѣсти— хозяину объ урожаѣ вѣсть нести“.

Всѣ другія деревья еще стоятъ голы-голешеньки, кромѣ сосны да ели, а верба цвѣтетъ-красуется. Невольно, при видѣ этого, зародился вопросъ въ пытливой душѣ народа-сказателя, своимъ умомъ-разумомъ доходящаго до „всей подноготной“: почему это? И вотъ самъ-же онъ не замедлилъ съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ: росла-де верба на горѣ Голгоѳѣ, по близости отъ креста Господня, — предалъ Распятый Сынъ Божій въ руки Отца духъ Свой, и первѣе всѣхъ другихъ древесъ увяло отъ горя великаго это деревцо, русскимъ-православнымъ людомъ любимое, не будучи въ силахъ перенести такого поруганія грѣховнаго міра надъ Пришедшимъ спасти его отъ гибели. „Такъ будь-же ты вѣстникомъ Моего воскресенія изъ мертвыхъ, зацвѣтай раньше всего царства древеснаго, еще и листвой не одѣваючись!“—изрекъ Воскресшій Христосъ,—гласитъ слово народное. Съ той поры и принялась верба идти въ ростъ, въ корень да въ цвѣтъ скорѣе всѣхъ своихъ зеленыхъ сосѣдей съ сосѣдками. „И почетъ ей, вербѣ, на свѣтѣ больше всѣхъ!“—заканчивается сказъ-отвѣтъ. Разносказъ его объясняетъ и раннее цвѣтеніе, и почетъ, воздающійся вербѣ, нѣсколько иначе. Былъ-де верболозъ въ прежніе годы только „сланцомъ ползучимъ“,—повѣствуетъ онъ,—и росъ одинъ такой сланецъ у подножія креста Господня на Голгоѳѣ. Когда былъ распятъ Сынъ Божій, увидала верба наготу Его и поползла вверхъ по кресту, чтобы прикрыть ее отъ глазъ людскихъ, и обвилась вѣнками зелеными вокругъ тѣла Божественнаго Страдальца и даже опустила зеленокудрыя вѣтви надъ святымъ челомъ Его, защищая отъ лучей солнечныхъ. Вотъ тогда-то и раздались-де изъ Господнихъ устъ приведенныя выше слова, опредѣлившія вербѣ ея назначеніе „И быть тому изъ вѣка въ вѣкъ и до-вѣку, до

скончанія міра, до второго Христова пришествія, до того-ли Страшнаго Суда Божія. Прогремитъ-прозвучитъ труба архангела Михаила—архистратига небеснаго, опадетъ-осыплется съ вербы послѣдній цвѣтъ, тутъ и быть свѣтопреставленію, по тому-ли Господнему изволенію".

Растетъ верба по всей Руси, предоставляя всѣмъ православнымъ возможность встрѣчать входящаго въ горній Іерусалимъ Сына Божія съ ваіями въ рукахъ; но—по русскому-же народному сказанію, записанному на астраханскомъ понизовьи Волги-матушки,—окружаетъ она своею живой изгородью и „пресвѣтлый рай", гдѣ всѣ святые-праведные „ликовствуютъ", созерцая „славу Царя Небеснаго со ангелами, архангелами и всѣмъ воинствомъ силы безплотныя". Вѣчная весна стоитъ „во раи во пресвѣтлыемъ", и вѣчно цвѣтетъ, не отцвѣтаючи, земная вѣстница воскресенія Христа-Спаса.

«Предстоятъ Господеви вси ангели,
Предстоятъ Цареви-Богу архангели,
Херувимы и серафимы многоочитіи,
Многоочитіи—шестикрылатіи,
Архистратиги—небесныя воинства,
Предстоятъ лики святіи и апостоли,
Мученики и преподобніи,
Вси угодники и блаженніи...
Святъ, святъ, святъ во раи во пресвѣтлыемъ,
На престолѣ на вселенскіемъ!..
Святъ, святъ еси, Господи,
Во горніемъ во градѣ Русалимовѣ,
Во Сіонѣ царствія небеснова!..
Величаніе великое—
И рукама воздѣяніе,
И гласы веліи славословіе,
И *ваіи-верболозы* помаваніе—
Входящу Сыну Господніему,
Сыну Божію, Христу Истинному,
Во горніи селенія праведныхъ,
Во свое-ли *Вербное воскресеніе*,
На Свое на крестное пропятіе,
Всему міру во спасеніе»...

Такими словами заканчивается духовный стихъ народный, пріурочиваемый пѣвцами-сказателями ко дню великаго праздника Входа Господня во Іерусалимъ, связаннаго въ народной памяти съ расцвѣтомъ вербы—пушистой-кудрявой вѣстницы весны.

VII. Великая Пятница.

Въ пестроцвѣтномъ кругу русскихъ простонародныхъ суевѣрій, коренящихся своимъ началомъ въ глубинахъ старины стародавней, имѣющей непосредственную связь съ живучими пережитками древняго язычества, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ повѣрье о „Пятницѣ“. Это—не просто пятый день каждой седмицы, стоящій между четвергомъ и субботой, а нѣчто одѣтое въ плоть сказаній, вѣящее дыханіемъ заповѣдныхъ тайнъ, говорящее творческому воображенію сына деревни и полей понятнымъ его стихійной душѣ языкомъ преданій, переходящихъ изъ устъ въ уста. Пытливые изслѣдователи старины видятъ въ этомъ существѣ воплощеніе языческихъ вѣрованій, нѣкогда окружавшихъ богинь плодородія—Фрею, Ладу, Сиву и другихъ разноименныхъ сестеръ ихъ, приходившихся сродни древне-греческой Венерѣ, которой, какъ и имъ, былъ посвящаемъ пятый день недѣли.

Начало почитанія пятницы на Руси теряется въ глубокой древности и даже не можетъ быть опредѣлено болѣе или менѣе точно. Необходимо замѣтить, что оно присуще всѣмъ народамъ славянскаго происхожденія. Съ принятіемъ христіанства и привитіемъ основъ его къ наиболѣе свѣтлымъ пережиткамъ темной языческой вѣры—почитаніе богини весенняго плодородія перенеслось частью на Богородицу, главнымъ же образомъ на св. Параскеву (съ греческаго — пятница), къ которой даже приросло и соименное ей названіе пятаго дня недѣли. Мало-по-малу она стала ве-

личаться въ народѣ не иначе, какъ „Параскевою-Пятницею“, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ христіанъ-славянъ, забывавшихъ объ язычествѣ своихъ предковъ, окружаясь все болѣе и болѣе яркими суевѣрными сказаніями. Житіе святой мученицы нѣкоторыми своими подробностями совпадаетъ съ этими послѣдними. По свидѣтельству Четій-Миней, она происходила отъ благочестивыхъ родителей, благоговѣйно чтившихъ пятницу,—за что Богъ и благословилъ ихъ бракъ на старости лѣтъ дочерью, появившеюся на бѣлый свѣтъ какъ-разъ на пятый день недѣли. Въ память этого и было наречено ей имя.

Являясь днемъ крестныхъ страданій и смерти Сына Божія, пятница издревле была окружаема благоговѣйнымъ почитаніемъ Православной Церкви, — почему и установленъ на круглый годъ постъ въ этотъ день. Простонародное воображеніе и на этомъ не преминуло построить свои особыя суевѣрныя заключенія. Такъ, напримѣръ, считалось встарину,—а мѣстами и теперь считается, — за тяжкій грѣхъ приниматься въ этотъ заповѣдный день за всякую производящую пыль работу. Ни пахать, ни боронить, ни молотить, ни вѣять, мужикамъ, ни прясть, ни варить щелокъ, ни мыть бѣльё, ни выносить изъ печи золу, ни мести избу бабамъ по пятницамъ не полагается. „Кто по пятницамъ платна золоваетъ, кто льны прядываетъ, на томъ грѣхъ великій!“—гласитъ неписанный древне-русскій укладъ устами богобоязненныхъ начетчиковъ. „Матушкѣ-Пятницѣ глаза засоришь, коли въ пятокъ пыль подымать станешь!“, „Кто въ пятницу прядетъ — родителямъ на томъ свѣтѣ глаза запорашиваетъ!“, „Кто зачнетъ какое дѣло въ пятницу—станетъ оно пятиться!“—приговариваютъ старыя богомолки. Неисполняющимъ завѣта воздержанія отъ указанныхъ работъ народное слово грозитъ болѣзнью глазъ, лихорадкою и ногтоѣдою, но болѣе всего перевѣсомъ грѣховъ надъ до-

брыми дѣлами на Страшномъ Судѣ Божіемъ. Существуютъ на Руси и такія сказанія объ оскорбляемой непочитающими ея людьми Пятницѣ, что ходитъ-де она—матушка — по селамъ-деревнямъ, вся исколотая иглами, изверченная бабьими веретенами, съ засоренными глазами. Идетъ она, а по бѣлой одеждѣ у ней кровь струится. За каждую каплю крови „отвѣтитъ передъ Истиннымъ Христомъ на томъ свѣтѣ грѣшная душа“. Другія преданія рисуютъ Пятницу разгнѣванною своими оскорбителями и самолично карающей ихъ разными неудачами на землѣ.

Древне-русскіе проповѣдники, видѣвшіе въ почитаніи Пятницы явную связь съ язычествомъ, возставали противъ этого въ проповѣдяхъ, направленныхъ къ искорененію суевѣрій, противорѣчащихъ догматамъ Православія. Запрещали празднованіе пятницъ (въ ущербъ воскреснымъ днямъ) и высшія духовныя власти. „Стоглавъ“ слѣдовалъ тому-же правилу, въ частностяхъ поддержанному и „Духовнымъ Регламентомъ“ Петра Великаго. Но, несмотря на это, до сихъ поръ не изгладились въ народѣ слѣды связанныхъ съ Пятницею повѣрій,—хотя они и приняли уже исключительно христіанскую окраску, подъ которою трудно даже и отыскать связь съ культомъ какихъ бы то ни было языческихъ божествъ. Память св. Параскевы во многихъ мѣстностяхъ на Руси чествуется самымъ торжественнымъ образомъ. По широкому свѣтло-русскому простору понаставлено много „пятницкихъ“, посвященныхъ ей, часовенъ, являющихся мѣстами усерднаго поклоненія крестьянокъ, въ избыткѣ простодушнаго благоговѣнія обвѣшивающихъ эти часовни холстами, полотенцами, лентами, а по церквамъ заказывающихъ молебны ей.

Двѣнадцать пятницъ въ году наособицу чтимы русскимъ простонароднымъ суевѣріемъ — передъ набольшими праздниками: Благовѣщенская, первая и

девятая послѣ Свѣтла-Христова Воскресенія, Троицкая (вслѣдъ за Семикомъ), Успенская, Ильинская, Ивановская, Воздвиженская, Покровская, Введенская, Рождественская и Крещенская. Сказаніе объ этихъ пятницахъ, налагающее кары за непочитаніе ихъ и предписывающее—какъ подобаетъ проводить эти дни истинному христіанину, и теперь еще ходитъ какъ въ спискахъ, такъ и въ устной передачѣ, встрѣчая наибольшее довѣріе къ себѣ среди старовѣровъ. Но совершенно особо отъ двѣнадцати пятницъ стоитъ пятница на Страстной Седмицѣ,—этотъ день наибольшей христіанской скорби, возбуждаемой воспоминаніемъ о совершившейся въ него крестной смерти Іисуса Христа.

Къ Великой (Страстной) Пятницѣ каждый крестьянинъ старается уже отговѣть, покаяться во грѣхахъ, чтобы достойнымъ образомъ приготовиться ко встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника. Бабы-хозяйки еще въ четвергъ вечеромъ заканчиваютъ всѣ сложныя приготовленія къ Пасхѣ. Кто замедлитъ съ уборкой хаты и двора до этой пятницы—тому, по преданію, и праздникъ не въ праздникъ будетъ. Вся деревня должна не позднѣе Великаго Четверга въ баню сходить, чтобы встрѣтить Пятницу въ полной — и духовной, и тѣлесной — чистотѣ. Кто вздумаетъ мести полъ въ этотъ заповѣдный день, тотъ, — гласитъ слово старыхъ людей, — „запылитъ глаза лежащему во гробѣ Христу". А кто прясть станетъ, или веревки вить, — тотъ не только согрѣшитъ противъ Сына Божія, но затемнитъ и солнышко: будетъ вся Свѣтлая Недѣля пасмурная. Потому-то и говорятъ въ такую пору на деревнѣ: „Не иначе, какъ изъ-за пряхъ да изъ-за веревочниковъ!" А въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ веревочный промыселъ зовется „варавиннымъ" (напримѣръ, въ Вятской губерніи и друг.), можно услышать и такое крылатое словцо, какъ: „Кто въ Великій Пятокъ варавничаетъ, тотъ Вараввѣ (разбойнику, отпущенному Пилатомъ), а

не Истинному Спасу, молится!" Староверы, въ книжномъ Писаніи сведомые, разносятъ по́-людямъ суровый сказъ о томъ, что такимъ оскорбителямъ почитанія великаго дня крестныхъ страданій Искупителя на томъ свѣтѣ будутъ уготованы тѣ-же муки, что и разбойникамъ.

Русскій народъ — хлѣборобъ изстари вѣковъ. Потому-то онъ и не могъ не связать съ такимъ завѣтнымъ днемъ христіанскаго благочестія своей вѣковѣчной-безсонной думы объ урожаѣ, къ которому пріурочены всѣ чаянія въ его трудовой жизни. Встрѣчающіе въ подобающей чистотѣ и съ подлежащимъ благоговѣніемъ Великую Пятницу награждаются, по его повѣрью, крѣпкими надеждами на „Божье благословеніе въ полѣ". Воскресшій Христосъ одаряетъ сторицею всѣхъ относящихся по прадѣдовскому завѣту-обычаю къ Его „страстямъ".

Въ нѣкоторыхъ уголкахъ неоглядной родины пахаря ведется и въ наши дни обычай выносить на дворъ въ полночь съ Четверга Страстной Недѣли на Пятницу горбушку хлѣба и крашеное яйцо и класть ихъ на повѣть. „Матушка Пятница пойдетъ ко Христу Спасу, возьметъ хлѣбушко — съѣстъ по дорогѣ, а яйцо захватитъ похристосоваться въ Свѣтлую заутреню!"—оправдываютъ этотъ обычай старые люди. У кого положенный даръ останется нетронутымъ,— ждетъ тотъ бѣды за старые грѣхи незамоленые. Кто чистъ душою передъ Богомъ и своими ближними,— у того (гласитъ народная молвь) не только приметъ хлѣбъ и яйцо Великая Пятница, а и во снѣ къ тому явится, наставитъ на умъ-разумъ. Къ праведникамъ является „Матушка Пятница" въ эту великую ночь не только во снѣ, а и наяву—какъ къ нѣкоему „трудинику Василію", воспѣтому въ стиховномъ сказаніи каликъ-перехожихъ. Жилъ этотъ трудникъ,—по словамъ убогихъ пѣвцовъ,—въ пустынѣ, тридцать лѣтъ

трудился, „не владалъ ни рукама, ни ногама“, но не только не роπталъ онъ, а все молился, и—„умолилъ себѣ царствіе небесное“. Явилась къ нему Великая Пятница въ свой святъ-день, осѣнила страдальца крестомъ святымъ, освѣтила его ликъ четверговой („отъ двенадесяти евангелій“) свѣчою и пророкла ему:

«Возстани, трудникъ мой Божій,
Гряди въ народъ православный, потрудися,
Реки слово Христовое, не бойся!..»

И всталъ съ одра своего трудникъ Василій, и пошелъ „слово Христовое“ проповѣдывать въ народъ православный—„на Святую Русь крещоную“.

Въ сказаніяхъ порубежныхъ съ народной Русью славянъ можно найти много поддающагося сравненію съ приведенными обычаями и преданьями. Такъ, напримѣръ, на Червоной Руси Великая Пятница въ нѣкоторыхъ сказахъ отождествляется съ солнцемъ, — прямо даже и прозываясь „свѣтле Сонейко“. Жалуется оно „милому Богу“ на не почитающихъ великаго дня крестной смерти Искупителя:

«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати,
Бо злы газдовѣ (хозяева) понаставали,
Въ петку (пятницу) рано дърва рубали,
А ми до личка търски (щепки) пърскали!»

Обѣщаетъ „милый Богъ“ самъ наказать грѣшниковъ, оскорбившихъ Его вѣрную слугу, повелѣваетъ разгнѣванной Пятницѣ (солнцу) по-прежнему („якь есь свѣтило“) освѣщать живительными лучами созданный Имъ міръ:

«Буду я знати, якъ ихъ карати
На тамтимъ свѣтѣ—на страшнимъ судѣ!»

Сказаніе продолжается новыми жалобами на оскорбителей и новыми, тождественными съ приведеннымъ,

отвѣтами Творца, жалѣющаго погрузить во тьму весь міръ, потому что—кромѣ грѣшниковъ—живы тѣмъ-же свѣтомъ солнечнымъ и благочестивые люди праведные.

Въ старинныхъ сказаніяхъ сербовъ Великая Пятница („Света Петка“) считается за мать Свѣтлаго-Христова-Воскресенія („Недіелина маіка“). Въ родственномъ съ этими сказаніями болгарскомъ народномъ пѣсенномъ сказѣ ведется рѣчь о томъ, какъ однажды на колѣняхъ у „Светоі Петки“, именующейся уже сестрою „Недіели“, заснула послѣдняя. Будитъ ее старшая сестра, а та—проснувшись—плачетъ-жалобится, что привидѣлся ей „чуденъ сонъ“, а разгадать она его не можетъ. Приснилось ей древо, поднимавшееся отъ земли до неба, а два листа, бывшіе на этомъ древѣ, накрывали собою всю землю. „Света Петка“ объяснила младшей сестрѣ, что древо—вѣра христіанская, а листья — два праздника: Великая Пятница и Свѣтло-Христово-Воскресеніе. Такимъ образомъ народное слово объединило память о днѣ крестной смерти Спасителя со слѣдующимъ за нимъ днемъ, въ который восторжествовала надъ смертью Жизнь Вѣчная, озарившая свѣтомъ неугасимой надежды весь затемняемый грѣхами міръ.

VIII. Пасхальные хороводы.

Красная-Святая Седмица, заслонившая въ народной памяти позабытый языческій праздникъ солнечныхъ божествъ (Лады и Леля), сама по себѣ остается по-прежнему и чествованіемъ вешняго солнышка, воскресающаго навстрѣчу Возстающему изъ мертвыхъ Пресвѣтлому Солнцу міра, Распятому Сыну Божію. Весна-Красна и „Пасха красная“—два понятія, объединяемыя въ представленіи народа-пахаря въ одно неразъединимое цѣлое; какъ первой безъ второй, такъ и второй безъ первой, нельзя даже и представить, мысленно

обращаясь къ ихъ вѣчнымъ первоисточникамъ. Духовное общенiе народной Руси съ творческими силами природы слилось воедино съ христiанскими мiровоззрѣнiями. Перенеся въ ихъ бездонно-глубокое и необъятно-безбрежное лоно все наиболѣе свѣтлое, чистое и мудрое изъ завѣщаннаго стародавней стариною, русскiй—позабывшiй о быломъ язычествѣ—православный народъ остается и въ наши дни вѣрнымъ сыномъ когда-то обожествлявшейся его предками матери-природы.

Весна—праздникъ природы, Пасха—праздникъ христiанскаго мiра; приходя рука-объ руку въ трудовую жизнь крестьянина, онѣ свѣтлыми лучами своими озаряютъ ее, заставляя забывать о пережитыхъ невзгодахъ и возвращая увѣренность въ надеждахъ и чаянiяхъ. Съ теплой любовью ласкаетъ съ высоты небесной солнце красное открытую грудь Матери-Сырой-Земли; любовно ластятся къ открытому-же сердцу народному солнечно-свѣтлыя, жизнерадостно-солнечныя пасхальныя стихиры-пѣснопѣнiя хвалитныя, несущiя въ заколдованный горькой нуждою кругъ борьбы и труда святую вѣсть о воскресенiи Свѣта свѣтовъ. Съ неизмѣняемой вѣками радостью встрѣчаетъ эту почти двухтысячелѣтнюю вѣсть русская посельщина-деревеньщина, стоящая лицомъ къ лицу съ весеннимъ ликованiемъ природы, охватывающей ее со всѣхъ сторонъ своими вѣковѣчными-неразрывными объятiями. Только здѣсь, отдавшись духовному созерцанiю объединенныхъ жизни и природы, и возможно со всей полнотою прочувствовать глубину и смыслъ этого незатемняемаго никакими облаками-тучами ликованiя. Море жизни сливается съ океаномъ народныхъ думъ въ одну стихiю, надъ могучими волнами которой плыветъ красный праздничный звонъ-благовѣстъ, а навстрѣчу ему всплываетъ тоже „красная“, праздничная пѣсня народная. „Весна — пора пѣсенная!“ — гласитъ крылатое слово

крестьянской изустной мудрости. „Пасха—красна пѣсней, а весна—Пасхой!“—приговариваетъ русскій „пѣсневой“ (по его-же опредѣленію) народъ: „Безъ пѣсни—не весна!“, „Цвѣтетъ поле цвѣтиками, а жизнь — пѣсенками!“, „О Пасхѣ—крашанка (яйцо крашеное), по веснѣ—веснянка (пѣсня)“... Въ этихъ и въ подобныхъ имъ поговоркахъ-пословицахъ, какъ въ зыбкомъ зеркалѣ рѣки, отражается весеннее-пасхальное настроеніе народа, проникнутаго праздничнымъ чувствомъ, откликающимся на каждый вздохъ освободившейся отъ зимнихъ оковъ, зеленѣющей весеннею травой-муравою земли-кормилицы.

Русская пѣсня—наиболѣе живое проявленіе могучаго духа народа-богатыря, на вѣки вѣчные прикованнаго добровольными цѣпями къ земледѣльческому труду,—и не только даже наиболѣе живое, но и самое живучее. Были времена, когда на Руси, — какъ и во всемъ вообще древнеславянскомъ мірѣ,—съ пѣснею соединялось понятіе о молитвѣ, обращаемой къ стихійнымъ силамъ обожествленной природы; мало-по-малу слагались - создавались въ народѣ и другія, переходившія отъ обряда къ быту, отъ мечты — къ жизни, пѣсни. Въ свой чередъ развѣтвлялись, по личному настроенію пѣвца-сказателя, и эти послѣднія. „Сказка—складка, пѣсня—быль“, — изреченіе, несомнѣнно, сложившееся уже въ болѣе позднюю пору развитія народнаго творчества, когда явилась возможность-потребность болѣе или менѣе разобраться въ накопившемся за нѣсколько вѣковъ пѣснотворчества словесномъ богатствѣ.

Въ настоящее время этотъ кладъ — поистинѣ неоцѣнимый по своей стоимости при изученіи народнаго быта — съ полной точностью можетъ быть разложенъ по особымъ кошницамъ-хранилищамъ, — что уже и сдѣлано пытливыми русскими народовѣдами-собирателями. На мѣсто древнѣйшихъ по происхожденію и

когда-то важнѣйшихъ по значенію обрядовыхъ пѣсенъ давно уже встали „божественныя“, каждая изъ которыхъ зовется у ея исполнителей также и „стихомъ“ (духовные народные стихи каликъ-перехожихъ); за ними идутъ былевыя пѣсни („памятковыя“), богатырскія, молодецкія, разбойничьи; не будетъ ошибки всѣ ихъ назвать историческими. Бытовыя пѣсни смѣшались съ обрядовыми: за свадебныя, веснянки, семичьи, святочныя, плачевыя, подблюдныя, посидѣлковыя-бабьи слывутъ онѣ у изслѣдователей пѣсеннаго богатства народнаго. Выдѣляются особыми звеньями и пѣсни бурлацкія, скоморошьи, гулевыя; плясовыя-игровыя можно поставить бокъ-о-бокъ съ хороводными-круговыми-веселыми, далеко не всегда наособицу идущими по народной Руси отъ прóголосныхъ-прóтяжныхъ. Русская хороводная пѣсня, въ ея нетронутомъ новѣйшими наслоеніями первообразѣ, и была именно медлительно-плавною пѣсней, объединенною съ „дѣйствомъ“.

Собственное значеніе слова хороводъ—кругъ (улица), круговое сборище молодежи, сошедшейся пляски водить, пѣсни играть. Пляска—пляскѣ рознь; хороводная пляска—медленная, болѣе схожая съ плавною-размѣренной ходьбою, приправленная всевозможными тѣлодвиженіями въ ладъ со словами и внутреннимъ смысломъ пѣсни, порою замѣняющей при этомъ и музыку. Примѣнительно ко времени хороводы, занявшіе мѣсто древнеязыческихъ обрядовыхъ игрищъ, именуются-прозываются на разную стать: то пасхальными (красными), то радоницкими, троицкими, всесвятскими („Ярилиными“), петровскими, пятницкими, никольскими, ивановскими, ильинскими, успенскими, семеновскими, капустинскими; послѣдніе въ году хороводы—покровскіе. Какъ пѣсенное веселье народа-пахаря зачинается на вольномъ воздухѣ пасхальными веснянками, такъ и плясъ игровой — пасхальными-же хороводами.

Эти—первые весенніе—хороводы отличаются отоя всякихъ иныхъ прежде всего своимъ разнообразіемъ и оживленностью. Они представляютъ собою настоящій взрывъ простодушной народной веселости. Пѣсенно-плясовое дѣйство, бодрящее веснующую душу праздничающаго сельскаго люда, расходится въ нихъ, что называется, во всю. Болѣе чѣмъ безошибочно будетъ, если именно къ этой вожеватой пѣснѣ-игрѣ отнести цвѣтистыя поговорки: „Запою — тёменъ лѣсъ разбужу!“, „Плясъ пошелъ — хороводъ повелъ; шире дорогу, разступись, деревня!“, „Завелъ пѣсню народъ — красно солнышко подпѣвать учнетъ, лѣсъ-дубравушка приплясывати!“ „Не я пою—душа поетъ, не я пляшу—сердце тѣшится!“

„Весна—съ птичьимъ щебетомъ, Пасха—съ хороводнымъ выплясомъ!“ — обмолвилось объ этомъ свѣтломъ-радошномъ времячкѣ красное слово народное. Не мало, по всей вѣроятности, сложилось-сказалось пословицъ-поговорокъ въ пору пасхальную-весеннюю,— когда у сына полей и мысль, подбодренная надеждами на близящійся урожай, пригрѣтая лаской солнышка краснаго, начинаетъ скорѣе работать,—и все-то радуетъ ему глазъ, и языкъ-то словно развязывается... „Безъ запѣвалы и пѣсня не ладится, безъ плясей и хороводъ нейдетъ!“, „Дѣвка пляшетъ—сама себя краситъ!“, „Были-бы пѣсни, будутъ и пляски!“, „Улица широка — хороводу просторъ!“ — сыплетъ краснымъ-цвѣтистымъ словцомъ деревенская молодежь, которая, по мѣткому выраженію поволжанъ, вся безъ исключенія не поетъ—такъ свищетъ, не свищетъ—такъ прищелкиваетъ, не пляшетъ—такъ притопываетъ... Не иначе, какъ изъ молодой груди, распахнувшейся на весеннемъ пригрѣвѣ, заставляющемъ забывать про все зимнее-позимнее невзгодьице, вырвалось, пошло гулять по свѣтлорусскому простору, и такое молодецкое присловье, какъ: „Чѣмъ съ плачемъ жить—лучше съ пѣ-

снями помереть!“ Сказалась въ этой поговоркѣ вся ширь захватывающей народной удали, которой объ иную пору и сине море—по колѣно, и семь верстъ—не околица, а самая жизнь—копѣйка...

У старыхъ, доживающихъ вѣкъ, людей, отплясавшихъ-отпѣвшихъ свою долю, есть и совсѣмъ на иную стать сложившіяся крылатыя слова, встающія поперекъ дороги только-что приведенной словесной пестряди, звучащія какъ-будто и укоромъ краснобайствующимъ пѣвунамъ-плясунамъ. „Плясать—не пахать!“—киваютъ они въ сторону веселаго-праздничающаго люда: „Пѣснями коня („баснями—соловья“) не накормишь!“, „Плоха семья — коли есть ѣдоки, коли есть плясуны съ пѣсенниками, а работниковъ-заботниковъ Богъ пошлетъ!“, „Пой пѣсни, хоть тресни, а ѣсть не проси!“, „Хорошо пѣть-плясать—пообѣдавши!“, „Мужъ пашетъ, а жена знай—пляшетъ!“—говорятъ они, заключая-приканчивая всю свою воркотню словами, наособицу облюбованными книгочеями деревенскими: „Плясать—бѣса тѣшить!..“ Но противъ этого начетческаго изреченія найдется всегда и молодая отповѣдь: „Плясать—врага (бѣса) топтать!“ А тамъ — и пойдетъ деревенское веселье слова плести, что изъ рукавовъ трясти: „Плясать смолоду учись, подъ старость не научишься!“, „Напляшемся досыта, поработаемъ—до́-пота (или наоборотъ)!“, „И дѣдъ бы плясалъ, да ходить мочи нѣтъ!“, „Не тогда плясать — когда гробъ тесать!“, „Весело поется—веселѣе прядется!“ и т. д. Это—не то, что о Пасхѣ-красной разливающаяся-немолкнущая надъ деревенскою веселой улицею хороводная пѣсня:

«Ой, чей-то конь по улочкѣ играетъ?
    Лели-лели, ой Лель, по улочкѣ...
Ой, чей вороной по широкой гуляетъ,
    По широкому раздольицу,—
    Ой, Лада, раздольицу?..
Ой, что за молодецъ на солнышко смотритъ,—
    Лели-лели, ой Лель, на красное?..

Ой, чья это удала-буйна головушка,
Удалая, кудреватая,—
Ой, Лада,—кудреватая?..
Ой, чтой-то за дѣвынька въ хороводѣ ходитъ?
Лели-лели, ой Лель, хороводится?..
Ой, чьи это ребята Пасху пасхаютъ,
Пасху празднуютъ, играются,—
Ой, Лада, Пасху красную?
Ой, кому-кому свѣтлѣе всѣхъ Свѣтелъ-Праздничекъ,
Лели-лели, ой Лель, Святъ-Великій День?..
Свѣтлымъ-свѣтелъ краснымъ дѣвушкамъ,
Все-ли тѣмъ-то раскрасавицамъ,—
Ой, Лада, краснымъ дѣвушкамъ...
А свѣтлѣй того добрымъ молодцамъ,—
Лели-лели, ой Лель, разудалымъ»...

Пѣсня—пѣснѣ рознь, пляска—пляскѣ. И не станетъ праздничающее засилье народное по веснѣ да о Пасхѣ—Свѣтломъ-Днѣ — смущать себя ничѣмъ заунывнымъ-тяжелымъ. Всему—свое время, всякому времени свой часъ...

Время начала пасхальныхъ хороводовъ не вездѣ совпадаетъ. Есть мѣстности, гдѣ къ нимъ приступаютъ немедленно вслѣдъ за первыми пѣснями-веснянками, встрѣчающими солнечные заигрыши поутру на первый день Свѣтлаго Праздника; въ другихъ окру́гахъ принимается молодая деревня водить хороводы со среды; иныя же села-деревни, — впрочемъ, очень немногія, — не хороводничаютъ даже до субботы, которая такъ и зовется тамъ „хоровожею (хороводницею)“. Въ большинствѣ-же случаевъ ведется это примѣнительно къ тому, когда успѣютъ побывать въ деревнѣ „богоносцы“: посѣтятъ хату кресты-иконы, пропоются надъ житомъ-зерномъ ирмосы-стихиры пасхальные, — тутъ только и молодежь хороводомъ на улицѣ становится. „Гдѣ свято не пѣто—тамъ и хороводу нѣту!“—говорится на среднемъ Поволжьѣ: „У насъ Христа рано спѣли—и пѣсня-плясъ по всей недѣлѣ!“, „Сперва спой Богу, а тамъ — и на дорогу!“, „И хороводъ пойдетъ,

какъ попъ село пройдетъ!“ и т. д. Въ Симбирскомъ уѣздѣ приходилось даже слышать во многихъ мѣстахъ такое повѣрье въ деревенской глуши, что гдѣ, не проводивъ изъ дому богоносцевъ, станутъ хороводами тѣшиться—тамъ непремѣнно быть лѣтомъ „Божьему попущенью“, пожару. Старые старики со старухами прибавляли къ этой угрозѣ, что-де кто до поры до времени запляшетъ—у того „все и въ головахъ перепляшется (т.-е. тотъ помѣшается, помутится разумомъ)“. Такимъ образомъ благочестивое настроеніе объединяется здѣсь съ суевѣрными примѣтами, за которыми нашему пѣсневому-плясовитому народу далеко не ходить стать — какъ и за пѣснями. На всякій случай жизни найдется у деревни пѣсня; точно также ей — этой богатой памятью отцовъ-дѣдовъ деревнѣ—недолго подыскать ту или другую примѣту.

Еще на памяти старожиловъ современной деревни по симбирско-самарскому побережью волжскому было чуть-ли не въ повсемѣстномъ обычаѣ совершать въ первый день Святой Пасхи окличку Весны-Красной, затѣмъ—также окликать молодожоновъ деревни, требуя праздничнаго угощенія. Послѣ этого „окликалы“—по большей части молодые парни—шли по дворамъ, скликали на выгонъ-луговину красныхъ дѣвушекъ катать яйца да о хороводахъ сговариваться—выбирать затѣйщиковъ-выдумщиковъ, хороводника (коновода) съ хороводницею. Выборы эти обставлялись особою, имъ однимъ свойственной, торжественностью, а не справлялись какъ попало; все дѣлалось по заведенному, по старинѣ, по заповѣданному дѣдами-бабками молодыхъ пѣвуновъ-плясуновъ-хороводниковъ. Этому обычаю придавалось важное значеніе и въ виду того, что выборы сохраняли свою силу не только на время пасхальнаго-краснаго хороводничанья, а на всю хороводную пору: кому пришлось хороводничать на Святой-Великоденской недѣлѣ—тому и быть заправилами пѣ-

сеннаго-плясового веселья со Свѣтла-Христова-Воскресенья до самаго Воздвиженья; какъ-ни-какъ—обязанность довольно отвѣтственная, по крайней мѣрѣ—на взглядъ сельской молодежи.

Соберутся, бывало, окликалы веселые съ дѣвицами-красавицами на зазеленѣвшейся первою весенней травой-муравою луговинѣ, покатаютъ яицъ досыта, до-пота—и за дѣло. „Не пора-ли намъ, ребята, думать-погадати: кто-то будетъ, кто-то станетъ пѣсни запѣвати, пѣсни запѣвати—пляски заводити?"—затягиваетъ кто-нибудь изъ наиболѣе голосистыхъ парней, и вся пестрѣющаяся праздничными рубахами, сарафанами, платками луговина бойко-звонко подхватываетъ:

«Ктой-то будетъ, ктой-то станетъ
Старостой ходити,
Старымъ старостой ходити—
Всю деревню веселити?...»

Голосистый окликало продолжаетъ: „Не пора-ли намъ, ребята, жеребiй метати, новый жеребiй таловый, бѣлоталовый; кому вынется—тому станется, кому станется—не минуется!" Послѣднiя, напоминающiя святочное гаданье, слова повторялись всѣмъ хоромъ, и опять звенѣлъ пѣсенный вопросъ-окличка:

«Не пора-ли, намъ, ребята,
Брати-выбирати:
На кого-то, на кого намъ
Жеребiй метати—
Тотъ-ли жеребiй таловый,
Бѣлоталовый—
Бѣлъ-таловый, неминучiй,
Завороженый?»...

Подхвативъ послѣднiе два стиха, вся молодежь окружала звонкоголосаго пѣвуна и, сцѣпившись руками, принималась называть сперва имена дѣвушекъ, а затѣмъ парней, обращаясь къ окликалѣ съ вопросомъ о томъ: могутъ-ли они идти въ жеребьевку, которая полагается только для обладающихъ выдающимися голосовыми средствами да для одаренныхъ особой способностью къ затѣйливой пляскѣ. Обыкновенно выходили на середину круга, вызываемые жеребьев-

щикомъ, человѣкъ до десяти, послѣ чего вершитель ихъ судьбы нарѣзывалъ изъ таловаго прута жеребьи по ихъ числу, намѣчалъ два изъ нихъ особыми значками и завязывалъ въ красный платокъ. Окинувъ всѣхъ собравшихся веселымъ-задорнымъ взглядомъ, онъ встряхивалъ платкомъ и предлагалъ вызваннымъ въ кругъ вынимать жеребій, а остававшіеся за кругомъ запѣвали:

«Гадай, гадай, выбирай,
Свой жеребій вынимай!
Ой, люшеньки-люли,
Ой, лелюшки-люли!»...

И этотъ припѣвъ продолжался до тѣхъ поръ, пока не вынимались счастливыми избранниками судьбы оба помѣченныхъ жеребья. Тогда хоръ молодыхъ голосовъ начиналъ славословить своихъ будущихъ коноводовъ-хороводниковъ:

«Палъ-палъ жеребій,
Палъ-палъ таловый,
Бѣлоталовый—
На того-ли добра-молодца,
На Степана свѣтъ-Петровича (или другое имя);
Палъ-палъ жеребій,
Палъ-палъ таловый,
Бѣлоталовый—
На тое-ли красну-дѣвицу,
На Авдотью Спиридоновну (или другое имя)...
Ужъ и имъ-ли,
Ужъ двоимъ-ли,
Имъ-обоимъ хороводничати,
Хороводить-коноводити—
Со того-ли свѣтла праздничка
Всее весну, весну красную
Да все лѣтечко до осени,
До тоя-ль зимы до зимскія»...

Выборы кончались. На виновниковъ торжества возлагались заранѣе заготовленные вѣнки изъ таловыхъ (ветляныхъ) вѣтвей, и вся молодежь возвращалась въ деревню, чтобы провести по ней изъ конца въ конецъ избранниковъ судьбы. Если въ этой мѣстности было

въ обычаѣ не откладывать начала весеннихъ хороводовъ до какого-либо другого дня Пасхи, то на деревенской улицѣ собирался и первый пасхальный хороводъ, чтобы наглядно выказать пѣсенныя-плясовыя силы хороводниковъ. А тѣ, само собою разумѣется, уже старались не ударить въ грязь лицомъ—работали наславу, безъ устали, безъ роздыху чуть не до поздней ночи, на утѣху парнямъ да дѣвкамъ, на потѣху ребятамъ малымъ, на вспоминъ старикамъ со старухами—тоже собиравшимся вблизи хоровода, свою безвозвратно пролетѣвшую молодость поминаючи... Спервоначала честь-честью, чинно стояли-сидѣли старшіе представители деревенскаго міра, любуясь на молодое веселье, удалыхъ плясуновъ-пѣвуновъ похваливая, надъ неуклюжими-безголосыми подсмѣиваясь,—а тамъ нѣтъ-нѣтъ да и начинали вырываться изъ толпы возгласы въ-родѣ: „Раздайся, народъ, видишь—пляска идетъ!“, „Самъ пошелъ-бы въ плясъ, да ноги не ходятъ!“ Нѣкоторые памятливые старики невольно принимались притопывать ногами, словно не въ силахъ будучи удержаться; другіе-же (изъ ворчуновъ) недовольно покачивали головами, нашептывая: „Пляши, плясея, до чего-нибудь допляшешься!“, „Выглядай жену въ огородѣ, а не въ хороводѣ!“ и т. п. Если выборы оказывались удачными, то слава избранниковъ не ограничивалась однимъ селомъ-деревнею, а разносилась по всему околодку. Не на рѣдкость бывало, что—привлеченные этою молвой-славою—хаживали хороводы сосѣднихъ деревень послушать-поглядѣть удачливыхъ-затѣйливыхъ хороводниковъ, въ особенности если тѣ были горазды не только одно старое-затверженное повторять, возвеселяючи своихъ выборщиковъ, но и ухищрялись на новыя новинки, либо вторили старинѣ, да на новый ладъ, на свою стать, воочію доказывая этимъ, что простонародное творчество не замираетъ, не застаивается на одномъ и томъ-же вы-

топтанномъ - утолоченномъ мѣстѣ, а нѣтъ - нѣтъ да и подвигается впередъ, не теряючи съ глазъ и наиболѣе вѣрныхъ дѣдовскихъ - прадѣдовскихъ тропинокъ тореныхъ, вѣхами крѣпкой памяти обставленныхъ...

Въ той мѣстности, о которой только-что велась рѣчь, пасхальные-великоденскіе хороводы лѣтъ двадцать—двадцать пять тому назадъ почти всегда начинались пріуроченною къ этому времени праздничному пѣсней-игрой хороводною. Какъ только становился на улицѣ живой-голосистый кругъ молодежи, ухватывавшей другъ-дружку за руки,—такъ дѣвица-запѣвало-хороводница выходила изъ кольца на середину и заводила звонкимъ-истомнымъ голосомъ:

«Ты взойди-ка, взойди, солнышко,
Не низко—не высоко!
Ты взойди-ка, взойди, красное,
Не близко—не далеко!
Взойди-взойди надъ деревнею,
Надъ деревней-ли надъ нашею,
Супротивъ подворья нашего—
У двора моёва батюшки!»...

Весь хороводный кругъ повторялъ послѣдніе четыре стиха пѣсни, а дѣвица красная вынимала платокъ-косынку изъ кармана или изъ-за опояски и продолжала—плавно размахивая имъ, въ ладъ словамъ: „Супротивъ подворья нашего, у двора моёва батюшки, собралися красны дѣвушки, добры молодцы удалые—все гуляньице веселое, развеселая бесѣдушка... Всѣ сбирались гости званые, гости званые-прошоные, одного нѣтъ гостя милаго—красна солнышка небеснаго“... Хоръ перебивалъ свою хороводницу повтореніемъ начала пѣсни: „Ты взойди-ка, взойди, солнышко, не низко—не высоко...“ и т. д.; а она въ это время обходила кругъ и, выбравъ какого-нибудь молодцеватаго парня, начинала подманивать его къ себѣ платкомъ

и, въ свою очередь, перехватывала хоровой напѣвъ ласковыми-любовными словами, обращенными къ ея избраннику:

«Ужъ ты подь-ка, добрый молодецъ,
Ужъ ты выйди, красно-солнышко,
Подойди-ка, милъ-миленочекъ,
Ужъ ко мнѣ-ли—къ душѣ дѣвицѣ...
Я—твоя сестрица рȏдная,
Заждалась братца родимаго»...

Послѣ хорового повторенія двухъ первыхъ стиховъ, парень („милъ-миленочекъ, добрый молодецъ“), неожиданно оказывавшійся и „краснымъ солнышкомъ“, выходилъ на средину круга, кланялся всему хороводу и, обращаясь къ хороводницѣ, запѣвалъ: „Здравствуй, здравствуй, душа-дѣвица, ты-ль моя сестрица родная, ты звѣзда-ли поднебесная, свѣтъ Анисья Поликарповна (или другое имя)! Все-ли въ добромъ ты здоровьицѣ, все-ль во праздничномъ весельицѣ?!“. Затѣмъ, вытирая взятымъ изъ рукъ „сестрицы рȏдной“ платкомъ свои губы, онъ кланялся ей въ поясъ и троекратно цѣловалъ ее—подъ звонкій напѣвъ всего, возбужденнаго происходящимъ передъ глазами, хороводнаго сборища:

«Ужъ вы, братъ-ли со сестрицею,
Вы женихъ-ли со невѣстою,
Со своей-ли наречонною,
Наречонной той-ли суженой,—
Вы цѣлуйтеся,—Христосъ воскресъ!
Вы милуйтеся,—Воистину!—
Свѣтелъ праздничекъ одинъ живетъ,
Пасха Красная—одна въ году:
Всему міру на веселіе,
Всему міру на свиданіе,
На великое спасеніе!..
Взошло-вышло красно солнышко
Не низко—не высоко;
Взошло-вышло красно солнышко
Не близко—не далеко!»..

Пѣсня кончалась, но далеко еще было до конца хороводничанью веселому, только-что начинавшему расходиться-развертываться послѣ своей пасхальной запѣвки-заплядки праздничной. Пѣсня—за пѣсней, одна другую смѣняючи... „Какъ по морю, какъ по морю, какъ по морю, морю синему, по синему, по синему, по синёму по Хвалынскому, плыла лебедь, плыла лебедь, плыла лебедь съ лебедятами“...—запѣвалась любимая русскимъ народомъ, пережившая вмѣстѣ съ нимъ не одинъ долгій вѣкъ, пѣсня; проходило положенное для нея время, не успѣвала еще красна-дѣвица „низехонько поклониться“ своему добру молодцу,—какъ на смѣну ей выплывала уже „лебедь съ лебедятами, со малыми со дѣтятами“, а—„по улицѣ мостовой шла дѣвица за водой“... Не въ диво было никому изъ хороводничавшихъ и любовавшихся хороводомъ, если вдругъ разсыпался мелкой дробью и такой напѣвъ, какъ: „Куманечекъ, побывай у меня“... и цѣлая ватага дѣвушекъ красныхъ, размахавшись косынками-платками, выступала изъ кольца въ кругъ, подманивая ватагу парней-молодцевъ, и всѣ разомъ пускались въ плясъ.

На то и праздничное веселье — молодое да радошное, на то и первый весенній-пасхальный хороводъ, водящійся народомъ-пахаремъ въ тѣ самые дни-часы, когда, по пѣсенному слову каликъ-перехожихъ:

«Веселятся небеса,
Радуется земля»...

IX. Первое мая.

Идетъ зелёный мѣсяцъ май въ народную Русь,—ведетъ за собою не только расцвѣтающую Весну-Красну съ ея дѣвичьими и соловьиными пѣснями да съ первыми крестьянскими работами страдными, а и пеструю-

*

голосистую стаю всевозможныхъ примѣтъ, повѣрій, сказаній и пословицъ-поговорокъ. Добрая треть всего майскаго словеснаго богачества народнаго приходитъ на память пахарю-хлѣборобу вмѣстѣ съ первымъ днемъ „тра́вня-цвѣтеня". Такимъ образомъ первое мая по своему значенію въ области русскаго простонароднаго суевѣрія, принадлежитъ къ числу дней, наиболѣе запечатлѣнныхъ пережитками стародавней старины, и занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ деревенскомъ мѣсяцесловѣ, передаваемомъ изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Въ сѣверномъ углу свѣтлорусскаго простора 1-е мая (память пророка Іереміи и преподобнаго Пафнутія боровскаго) слыветъ днемъ „Еремѣя-запрягальника": съ этого дня совѣтуетъ мѣстный сельско-хозяйственный опытъ запрягать мужику коня въ соху, выѣзжать на посѣвъ, „подымать сѣтево",—начинаетъ нашъ сѣверянинъ яровой сѣвъ.

Первое мая стало у насъ „гулёнымъ днемъ" („весёлой маёвкой") сравнительно еще недавно. До Петровскихъ временъ, когда въ московской Нѣмецкой Слободѣ впервые было устроено въ этотъ день народное гулянье,—о праздновании его на Руси и не слыхивали. Но, должно быть, этотъ нѣмецкій обычай пришелся пò-сердцу русскому народу, если въ настоящее время онъ и въ захолустной деревнѣ почитается своимъ — какъ и всѣ другіе, чисто-русскаго происхожденія. По всей вѣроятности, это произошло отчасти и потому, что перво-майская городская-подгородная гулянка почти повсемѣстно совпадаетъ по времени съ третьей—послѣднею — деревенскою встрѣчей весны. Какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ — справляются съ 1-го мая пирушки на вольномъ воздухѣ: что въ томъ, что въ другой—на свой особый ладъ. Шелковистая луговина, закудрявившійся зеленью лѣсокъ, обрамленный древесной порослью берегъ рѣки—вотъ излюбленныя мѣста

веселыхъ маёвокъ, увлекающихъ радующагося расцвѣту весеннему человѣка-труженика на привольное лоно природы, непрерывно со Свѣтла-Христова-Воскресенья вплоть до Вознесенія Господня (а то и до Троицына дня) справляющей у насъ на посельской Руси свой свѣтлый праздникъ. Какъ природа, воскресающая если не изъ мертвыхъ, то изъ мертвенно-тяжелаго зимняго оцѣпенѣнія, такъ и стремящійся къ единенію съ ней человѣкъ, ликуютъ однимъ совмѣстнымъ ликованіемъ, озареннымъ яркими лучами весенняго солнышка краснаго, празднующаго торжество побѣды надъ гнетущими силами зимняго холода-мрака. Громкій отзвукъ этого ликованія слышится въ раздающейся въ день Еремѣя-запрягальника по захолустному раздолью-приволью деревенскому ребячьей пѣсенкѣ-веснянкѣ:

«Пришло время сѣять сѣмя,
Сѣять лёнъ-конопель.
Ленъ-конопель;
Пришло время солнцу радоватись,
Солнцу радоватись;
Пришло время зимѣ маятися,
Зимѣ маятися,
Не домаятися,
Не размаятися»...
и т. д.

Еще болѣе громкими отголосками отзывается это праздничное настроеніе въ тѣхъ круговыхъ-хороводныхъ напѣвахъ игорныхъ, съ которыми объ эту завѣтную-урочную пору встрѣчаютъ въ третій-послѣдній разъ Весну-Красну красны дѣвушки съ парнями молодыми, удалыми добрыми молодцами. Выходитъ для этой веселой встрѣчи голосистая молодежь деревенская за околицу, идетъ во зелёные луга поёмные черезъ рѣчку по мосту. Идетъ принарядившаяся во все цвѣтное-праздничное молодая деревня, сама—идучи—приплясываетъ, приплясывая—пѣсню ведетъ:

«Ужъ какъ мы встрѣчали весну,
Мы не въ первый разъ, не въ другой мы разъ,
Въ третій разъ встрѣчали красную,
Въ тотъ-ли въ третій развесёлую»...

На эту запѣвку голосистой хороводницы всѣ принимаются размахивать платками-косынками по направленію отъ поёмныхъ луговъ къ деревнѣ звонко-громко выпѣвая въ то-же самое время:

«Ты приди, Весна,
Ты приди, Краснà,
Ты приди со краснымъ солнышкомъ,
Съ краснымъ солнышкомъ,
Съ яснымъ вёдрышкомъ,
Съ той-ли теплою погодушкой!»

Запѣвало снова повторяетъ свои пѣсенныя слова о третьей встрѣчѣ весны и прибавляетъ къ нимъ: „Ужъ какъ шли мы изъ деревни, мы не въ первый разъ, не въ другой мы разъ, въ третій разъ мы шли по мостику, шли по мостику калиновому; ужъ какъ мы-ли звали вёсну, мы не въ первый разъ, не въ другой мы разъ, въ третій разъ мы вёсну кликали, окликали—звали голосомъ"... Сопровождающіе запѣвалу парни и дѣвушки сплетаются рука-зà-руку и—заключивъ свою хороводницу въ кругъ—перехватываютъ ея пѣсню:

«Ты приди, Весна,
Ты приди, Красна,
Ты приди-ка со цвѣточками,
Съ голубыми василечками,
Съ голубыми со лазоревыми,
Съ тѣмъ-ли свѣтлымъ со май-мѣсяцемъ!..»

Дѣвица-красавица, запѣвало-хороводница перебиваетъ голоса хороводнаго круга своимъ отвѣтомъ: „Ужъ какъ я иду-иду, Весна, ужъ какъ иду-иду, Красна, изъ за моря-моря синяго, съ-за того-ли лукоморьица—лукоморьица далекаго, со всѣмъ міромъ на свиданіе, всему міру-ли на радованье. Ужъ и полно мнѣ, Веснѣ-Красной, ужъ и полно веснѣ маятись во разлукѣ со май-мѣсяцемъ, съ тѣмъ-ли маемъ развеселымъ!.." Изъ круга выходитъ парень и выноситъ два зеленыхъ вѣнка: одинъ надѣваетъ на красную дѣвицу-хороводницу, а

другой передаетъ ей въ руки, и она, уже возведенная въ званіе Весны-Красной, возлагаетъ его на голову „май-мѣсяцу“—подъ голосистый припѣвъ всего хороводнаго сборища:

«Ужъ и шла Весна,
И пришла Краснá,
Пришла весна, пришла красная;
Пришла весна со цвѣточками,
Со зелеными вѣночками,
Со вѣнками со кудрявыми,
Съ развеселыми веснянками,
Со дѣвицами-красавицами,
Со парнями разудалыми,
Все-ли съ тѣми добрыми молодцами,—
Все-ль со тѣмъ-ли со май-мѣсяцемъ...»

Торжественное вступленіе встрѣченной весны въ деревню обыкновенно происходитъ на закатѣ солнечномъ, когда уже возвращаются съ пастбищъ стадȧ, цѣлыми облаками поднимающія пыль по дорогѣ. Отъ пѣсенъ-плясокъ, отъ игрища веселаго время переходитъ къ вечерней уборкѣ двора, вокругъ котораго сидятъ-стоятъ старики со старухами, дожидающіеся не только веселой молодежи, а и мужиковъ-середняковъ съ парового поля, гдѣ уже взрываетъ-взрѣзываетъ грудь земли-кормилицы работница-соха. Здѣсь во всемъ уже чувствуется, что для посельщины-деревеньщины мѣсяцъ май—не только зеленый да веселый, а и тяжелый. Недаромъ сложились встарину, да и теперь повторяются старыми людьми, поговорки-пословицы: „Май обманетъ, въ лѣсъ уйдетъ!“, „Онъ, май-то, смаитъ: не холоденъ, такъ голоденъ!“, „Захотѣлъ ты въ маѣ добра!“, „Захотѣлъ ты въ маѣ у мужика перепутья!“, „Живи-веселись, да каково-то будетъ въ маѣ!“, „Что май, что іюнь—оба впроголодь!“, „Ай, мѣсяцъ май: и тепелъ, да голоденъ!“ и т. п.

Повсемѣстно распространенное въ народной Руси представленіе о томъ, что съ маемъ мѣсяцемъ связана

„маята“, прежде всего выражается въ повѣрьяхъ, относящихся къ майскимъ свадьбамъ и къ рожденіямъ въ маѣ. „Женишься въ маѣ—спокаешься, всю жизнь промаешься!“, „Въ маѣ родиться—вѣкъ свой маяться!“, „Радъ-бы жениться, да май не велитъ!“. Въ этихъ поговоркахъ сказалось прежде всего стремленіе народа-сказателя, къ одухотворенію словъ: внѣшнее созвучіе дало поводъ къ сопоставленію внутренняго смысла. Но несомнѣнно, что, кромѣ этого, имѣетъ въ данномъ случаѣ нѣкоторое, — быть можетъ, даже немаловажное,— значеніе и обиходная связь этихъ словъ съ тяжелымъ въ быту пахаря мѣсяцемъ, къ веселому приходу котораго подбирается въ закромахъ послѣднее зерно жита, а не за горами и полевая страда̀, вынести которую предстоитъ богатырскому засилью вѣковѣчнаго работника Земли Русской. Хорошо, если послѣдній день апрѣля будетъ яснымъ-ясенъ, да засвѣтятъ, въ ночь съ Якова-пролѣтника (св. апостола Іакова, сына Зеведеева) на день Еремѣя-запрягальника звѣзды-звѣздочки, да вдобавокъ къ этимъ добрымъ примѣтамъ нѣтъ-нѣтъ да и потянетъ теплый вѣтерокъ съ юга-полудня: хоть тяжела страдная рабочая пора, да работаться-то, страдовать-то будетъ невпримѣръ спорѣе-сподручнѣе рука-объ-руку съ бодрящей крестьянскую душу надеждою на богатый урожай.

Первое мая—не только день веселой встрѣчи весны, не только похмѣльный день послѣднихъ апрѣльскихъ свадебъ, но и время-пора старушечьяго заклинанья житейской маяты. На нижегородско-самарскомъ Поволжьѣ неоднократно приходилось наблюдать этотъ стародавній, изстари вѣковъ справлявшійся въ народѣ, обычай,—очень можетъ быть, ведшійся еще съ тѣхъ, затуманенныхъ въ народной памяти, но до сихъ поръ нѣтъ-нѣтъ да и безсознательно вспоминаемыхъ, дней, когда приходила на Русь Весна-Красна не только оживляющей природу порою, а и свѣтлой богинею, у которой

были свои жрецы, свои мольбища, какъ и у другихъ божествъ древне-языческаго міра славянскаго. Первой маятою вездѣ считается болѣзнь, и по отношенію къ деревенскому-крестьянскому быту это имѣетъ то основаніе, что больной мужикъ—не работникъ для своей семьи, своимъ дѣтямъ не кормилецъ, своему дому не хозяинъ. Вполнѣ понятно, почему заклинаютъ и въ первый майскій день памятующія „всякое слово" старыя знахарки всякую бόлѣсть лихую.

Первомайское заклинаніе маяты имѣетъ тѣмъ большее значеніе въ ихъ глазахъ, что заклинается имъ не только овладѣвшая уже человѣкомъ болѣзнь, но и та еще, которая не подошла къ его хатѣ, а бродитъ вокругъ да около деревни, не зная—на кого ей, лихой накинуться, надъ кѣмъ свою силу-мочь выказать—по своему злому изволенію, по непрошенному хотѣнію. Да и „болѣсть—болѣсти рознь",—говоритъ деревня устами своего наиболѣе памятнаго на всякое живучее наслѣдіе старины поколѣнія: „есть болѣсти, что всю зиму-зимскую подъ землею заперты; придетъ весна, вздохнётъ Мать-Сыра-Земля,—выйдутъ и онѣ на бѣлъ-Божій свѣтъ—себѣ на потѣху, крещоному люду на помѣху". Къ этимъ словамъ точно подговаривается почти вторящій имъ стихъ убогихъ пѣвцовъ-сказателей, каликъ-перехожихъ, подслушанный-записанный въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія въ селѣ Ключищахъ, Симбирскаго уѣзда:

«Ходитъ по-міру болѣсть-маята,
Ходитъ маята—лютѣючи;
Всякой болѣсти—свой вѣщій часъ,
Свой урочёнъ день, свое времячко,
Свое время положоное,
Положоное-заповѣдное,
У кажной болѣсти—свои свычаи,
У кажной—свое изволеніе;
Противъ кажной—свое цѣленіе;
Есть на болѣсти Божіи угоднички,

Святъ-Господніи заступнички,
Православному міру молельщички,—
Да не всяка молитва отъ лиха пасетъ,
Не на всяко лихо живетъ моленіе,
Ни святое заклинаніе,
Добродѣтель—противъ болѣсти,
Праведна жизнь—противъ маяты.
Ходятъ болѣсти въ зиму лютую,
Ходятъ болѣсти по веснѣ въ міру
Въ тотъ-ли май-ли мѣсяцъ маятный»...

Вотъ противъ-то этихъ болѣстей „май-мѣсяца маятнаго“ и выступали деревенскіе заклинатели въ святъ-Еремѣевъ день,—но выступали, не обращаясь къ „Божіимъ угодничкамъ, святъ-Господніимъ заступничкамъ, православному міру молельщичкамъ“, а совершенно безсознательно вторя преданію дѣдовъ-прадѣдовъ, вызывая предъ собою пережитки чисто-языческаго суевѣрія, уживающагося и въ наши дни бокъ-о-бокъ съ благочестивой богомольностью, присутствія которой нельзя не видѣть въ народной Руси при всей ея непроглядной на взглядъ случайнаго наблюдателя „темнотѣ“.

Въ разное время, въ разныхъ мѣстностяхъ приходилось наталкиваться нашимъ народнымъ бытовѣдамъ на первомайское заклинаніе весенней маяты; почти вездѣ выполненіе этого обычая совпадало въ своихъ подробностяхъ, съ самыми незначительными отклоненіями въ сторону отъ его обрядности. Еще на восходѣ солнечномъ выходили сговорившіяся заранѣе старыя знахарки-лѣчейки деревенскія на задворки и, обращаясь къ востоку, причитывали-приговаривали, предварительно обведя себя кругомъ и усыпавъ его хмѣлемъ.

Находились встарину (да и теперь, пожалуй, еще не вездѣ вывелись!) и такіе заклинатели, которые прилагали свое „знаніе“ не къ добру для ближнихъ, а къ худу. Произнося поутру въ первый майскій день заклинаніе противъ „маяты“, они послѣ начальнаго зачуранья — „Чуръ меня, чуръ мое мѣсто свято!“ —

прибавляли къ нему злыя слова—„Чуръ всѣхъ, *опричь*“... и затѣмъ перечисляли имена тѣхъ, противъ кого изощрялась ихъ злоба. Далѣе-же вездѣ, гдѣ впервые заклинатели оговаривали маяту-бóлѣсть отойти-отступиться отъ оберегаемыхъ вѣщимъ словомъ людей, — злые вѣдуны призывали ее на своихъ недруговъ. Вмѣсто призыва солнышка-краснаго, они взывали къ „вѣтру буйному“ и молили-просили, чтобы онъ (Стрибожичъ) нагналъ на тѣхъ всѣ бѣды-напасти и т. д. Не хмѣлемъ, солнцевымъ даромъ, усыпали они очерченный кругъ, а вынутой изъ болота „горячею землей“ (торфомъ) и, зажигая ее, величали подземныя-поддонныя силы, носителей-покровителей всякой нéмочи-болѣсти.

Противъ такихъ злыхъ людей, „напускающихъ“— по народному слову—„притку-сглазъ“ на міръ честной, возстаетъ народъ-сказатель въ своемъ стихѣ о „Страшномъ Судѣ Божіемъ“, который до сихъ поръ можно слышать изъ устъ современныхъ каликъ-перехожихъ, убогихъ слѣпцовъ-„Лазарей“, по сельскимъ базарамъ-ярмаркамъ въ деревенской глуши. „Тати пойдутъ во великій страхъ,—распѣваютъ они,—разбойники пойдутъ въ грозы въ лютыя; а убійцамъ-то будетъ скрежетъ зубный; среблолюбцамъ-то будетъ несыпляющая червь, смѣхотворцамъ-груботворцамъ вѣчная плачь, а пьяницамъ—смола горючая“... Отъ этого перечисленія воздаяній, уготованныхъ на томъ свѣтѣ для нераскаянныхъ грѣшниковъ, стихъ переходитъ къ лихому вѣдовству:

«... А чародѣи всѣ изыдутъ въ дьявольскій смрадъ,
Злоклинатели—въ бездну бездонную,
Вѣдуны-лиходѣи во блата зловонныя:
Будетъ имъ вѣчное потопленіе,
Будетъ имъ вѣчное гніеніе,
Будетъ имъ вѣчное задушеніе»...

Такимъ образомъ народная Русь осуждаетъ злыхъ знахарей довольно-таки строгимъ судомъ. Майская маята,

накликиваемая на честной людъ, — по представленію этого послѣдняго—отплачивается сторицею тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печалей, въ тѣ самые дни, когда:

«... пріидетъ Судія Праведный, Судъ справедливый судити
Въ Божествѣ Своея славы, И страшный отвѣтъ творити»...

„Безконечная жизнь“, обѣтованная всѣмъ живущимъ на землѣ, явится для „злокликателей-чародѣевъ-вѣдуновъ“ безконечнымъ „тяжелымъ май-мѣсяцемъ“, но только безъ его животворящаго солнца, безъ его благоуханной зелени, безъ его молодого веселья...

X. Громы-молніи.

Русскій народъ, и въ настоящее время живущій заодно съ охватывающей его отовсюду своими объятіями матерью всего существующаго — природою, въ стародавнюю пору язычества въ полномъ смыслѣ слова дышалъ однимъ дыханіемъ съ нею, смотрѣлъ на бѣлый свѣтъ ея довѣрчивыми глазами, внималъ ея чуткимъ слухомъ. Немудрено поэтому, что его находившаяся еще въ младенчествѣ своего бытія стихійно-могучая душа откликалась на всѣ наиболѣе яркія и мощныя явленія природы не чѣмъ инымъ, какъ преклоненіемъ предъ ними, граничившимъ съ полнымъ обожествленіемъ. Такое величественное проявленіе природной мощи, какъ гроза, не могло не войти въ кругъ языческаго богопочитанія. Глава третьяго поколѣнія славяно-русскихъ боговъ—Перунъ (Бѣлъбожичъ)—такъ и прозывался „громовникомъ“: въ его рукахъ очутились, по волѣ суевѣрнаго воображенія народа-пахаря, прежде всего громымолніи небесные. Ими-то онъ и водворилъ свою власть во всей «подселенной» (вселенной)—какъ на небесномъ лазурно-синемъ полѣ, такъ и на пригрѣваемыхъ краснымъ солнышкомъ земныхъ нивахъ. Повиновались-ли богу-громовнику его кровные сородичи—оби-

татели неба, каждому изъ которыхъ славянинъ-язычникъ отводилъ особую область въ необъятномъ Божьемъ мірѣ,—невѣдомо никому, кромѣ нихъ самихъ, за давностью лѣтъ позабытыхъ позднимъ потомствомъ своихъ поклонниковъ. А что насельники раскинувшихся подъ небеснымъ шатромъ странъ и земель, сидѣвшихъ «на кореню» своей славянской самобытности, были проникнуты вѣрой въ его непреоборимую силу-мочь и даже исполнены страха передъ нею,—это видно не только изъ дошедшихъ до нашихъ дней старинныхъ сказаній, но и по тѣмъ отдаленнѣйшимъ отъ своего первоисточника пережиткамъ древнеязыческаго суевѣрія, съ какими современному изслѣдователю народнаго быта приходится сталкиваться лицомъ къ лицу чуть-ли не на каждомъ шагу. Это—одинъ изъ тѣхъ немногихъ обломковъ отжившей свой вѣкъ старины, въ которыхъ, несмотря на длинный рядъ чуждыхъ послѣдней наслоеній, еще и до сихъ поръ отражается, какъ въ зеркальной зыби тихаго озера, глубоко запечатлѣвшаяся жизнь духа. Въ этой-то жизни, очевидно, не было у насъ особой недостачи и въ тѣ затонувшія во мракѣ вѣковъ времена, когда не ходящая теперь «безъ Бога» даже и «до порога», всѣмъ своимъ существомъ воспринявшая основы истинной вѣры Христовой, народная Русь чуяла волю Божію въ явленіяхъ природы, блуждая—въ своемъ темномъ невѣдѣніи—отъ одного суевѣрія къ другому, многія изъ которыхъ не были, впрочемъ, враждебны и Божественному ученію о Свѣтѣ Тихомъ.

Исполнился часъ, настало время,—поразсыпалъ и громовникъ-Перунъ изъ своего златокованнаго колчана всѣ стрѣлы, поникнувъ побѣдной головою предъ Распятою Истиной, призвавшею подъ крыло Своего основаннаго не на громахъ-молніяхъ, а на любви и правдѣ, могущества посельскую-попольную-полѣсную Русь. Миновали вѣка за вѣками, каждый вѣкъ накидывалъ новую пелену забвенія на память о стародавнемъ быломъ.

Но безпощадному въ своей разрушительной работѣ времени все еще не удалось сокрушить въ конецъ, развѣять во прахъ отголоски громовъ Перуновыхъ. Нѣтъ-нѣтъ да и отзовутся они въ душѣ суевѣрнаго пахаря—либо въ томъ, либо въ другомъ, напоминая ему о кровномъ родствѣ съ тѣми упрямыми кіевлянами, которые бѣжали берегомъ Днѣпра-Словутича, крича вслѣдъ уплывавшему по волнамъ рѣки златоусому идолу увѣковѣченное лѣтописнымъ сказаніемъ: «Выдыбай, боже!». Только всѣ эти отклики-отголоски проявляются теперь уже на слившейся съ христіанскими именами, обрядами и преданіями почвѣ. Большая часть власти Перуновой сама собою, подъ новыми христіанскими вліяніями, обвѣявшими духъ народа-богатыря—народа-пахаря, перешла къ одному изъ усердно чтимыхъ на Руси угодниковъ Божіихъ, къ Ильѣ-пророку.

Не только пословица, но и каждое слово, на Руси не мимо (не даромъ, не попусту) молвится. Въ этомъ—одно изъ главнѣйшихъ условій могущества русской народной рѣчи, на-диво богатой своею до неподражаемости яркой образностью. Такъ и на этотъ разъ... Въ самомъ словѣ «гроза»—цѣлая картина и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ. «Грозный»—страшный, ужасный, жестокій; всѣ эти присловы могли быть отнесены къ могучему образу бога-громовника, въ смутныхъ до необъяснимости очертаніяхъ возстающаго предъ современнымъ суевѣріемъ простолюдина изъ-за далекой дали затуманенныхъ забвеніемъ вѣковъ. «Онъ грозенъ-грозёнъ, да и милостливъ!»—словно для большей полноты представленія объ этомъ затерянномъ въ дебряхъ народной памяти обликѣ, добавляетъ русскій народъ, и не догадываясь, впрочемъ, уже о томъ, къ кому нѣкогда относилось это многозначительное присловье, произносимое теперь въ самыхъ заурядныхъ случаяхъ житейскаго обихода, не имѣющихъ въ себѣ ничего таинственнаго-загадочнаго. Грозное могущество повелителя

стихій небесныхъ стояло—въ міросозерцаніи первобытнаго славянина—бокъ-о-бокъ съ ничѣмъ неограниченной щедростью, унаслѣдованной отъ тороватаго на милость Даждьбога (солнца)—сына Сварогова. «И гроза—не про всякаго грозна!»—продолжаетъ ходить вокругъ да около все той-же коренной мысли народное, умудренное вѣками слово, развивая представленіе, объединяющее въ настоящее время громы небесные съ земными страхами, въ томъ смыслѣ, что богатому добродѣтелью человѣку нечего бояться, на бѣломъ свѣтѣ живучи. «Хороши и честь, и гроза!»—изрекаетъ простодушный краснословъ-народъ, приговаривая: «Что грозно, то и честно!», «Ты, гроза, грозись, а мы—другъ за друга держись!», «Грозенъ врагъ—за горами, а не передъ твоими глазами!»

При подсказываемомъ горькимъ жизненнымъ опытомъ предвѣдѣніи-предчувствіи какого-либо несчастія—изъ народныхъ устъ не на рѣдкость услышать изреченіе: «на него гроза надвигается». Эти-же самыя слова сплошь-да-рядомъ повторяетъ народъ въ нѣсколько иномъ освѣщеніи, когда кому-либо грозитъ со стороны властей кара за что-нибудь «шитое-крытое» до поры до времени. Передъ бѣдой-невзгодою, которая не приходитъ нежданно-негаданно, а загодя засылаетъ гонцовъ-бирючей своихъ, далеко не всегда падаетъ духомъ русскій человѣкъ. Это какъ нельзя болѣе явственно высказалось у него въ поговоркахъ, съ незапамятной поры ходящихъ по деревенскому приволью, въ-родѣ, напримѣръ, такихъ, какъ: «Со грозныхъ грозъ великъ возросъ!», «Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ!», «Гдѣ грозно—тамъ и мы не розно!», «Отъ грозы—не врозь, а въ кучу!», «Каковъ ни грозенъ день, все вечеръ придетъ!», «Не бойся грозъ, бойся слезъ!», „Какъ ни гремитъ гроза, а все замолчитъ!»

Всѣ поговорки, подобныя приведеннымъ, словно хата — крышей, накрываются краснымъ, занесеннымъ

В. И. Далемъ въ его сокровищницу живого великорусскаго языка, прибауткомъ: „Не всякій громъ бьетъ; а и бьетъ, да не насъ! Не во всякой тучѣ громъ, а и громъ—да не грянетъ; а и грянетъ—да не по насъ; а и по насъ—да не убьетъ!“ Но этотъ прибаутокъ, очевидно, не можетъ насчитывать за собою многовѣковой давности существованія, подсказывающей народной Руси совсѣмъ на иной покрой скроенныя, другими нитями сшитыя жизнью-думою слова, сбивающіяся на одинъ и тотъ-же ладъ, что и вошедшія въ неизмѣнный обиходъ: „Громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится!“, или „Отъ грома—что ѳтъ-Бога—и въ водѣ не спрячешься, и подъ землей не укроешься!“ Какъ и въ стародавнюю, дохристіанскую, пору своего бытія—русскій народъ склоннѣе всего видѣть въ грозѣ проявленіе гнѣва небеснаго, а въ громахъ-молніяхъ—орудіе, приводящее въ исполненіе кару, уготованную Божественнымъ Промысломъ дѣтямъ нераскаяннаго грѣха и оскверняющаго землю нечестія. Основы-устои народнаго духа остаются неизмѣнными при всемъ видоизмѣненіи перевоплощающейся жизни. По крайней мѣрѣ нельзя не видѣть этого у насъ на Руси, — при мало-мальски пытливомъ проникновеніи въ святая-святыхъ ея ничѣмъ не искоренимой самобытности.

Величественная картина, открывающаяся взорамъ во время грозы, охватывавшая въ древнія времена только однимъ ужасомъ безпомощно склонявшуюся передъ громами - молніями душу переживавшаго свое духовное младенчество человѣка, съ теченіемъ времени стала вести выходившему изъ состоянія первобытности народу и болѣе глубокія по смыслу рѣчи. Страхъ не исчезъ, но уравновѣсился чувствомъ благоговѣйнаго трепета, заставляющаго слышать въ грохотѣ громовъ прежде всего изъявленіе воли Божіей тонущему во тьмѣ, хотя и жаждущему свѣта, міру. Это—уже не всегда кара, а зачастую только предувѣдомленіе о томъ,

что она близится. Грозовыя тучи, заслоняющія отъ земли и всѣхъ ея обитателей свѣтъ солнечный, скрываютъ въ своей неизвѣданной съ точки зрѣнія народнаго суевѣрія глубинѣ иногда даже и не пламя гнѣва Господня, олицетворяемаго молніей, а тайны неисповѣдимыхъ судебъ Его. Воспѣтый въ стиховныхъ сказахъ, съ незапамятныхъ дней до нашего времени разносимыхъ по лицу неоглядной Руси убогими пѣвцами — каликами-перехожими, таинственный кладезь народной премудрости—„Книга Голубиная“ („Божественная Книга Евангельская“)—была, напримѣръ, также послана людямъ Божіимъ въ грозовой тучѣ:

«Съ той стороны, съ-подъ восточныя,
Выставала туча темная, грозная;
Изъ той тучи темныя-грозовыя
Выпадала Книга Голубиная...»

А въ этой „Книгѣ“—по народному слову-сказанію—открылъ Творецъ міровъ православному люду крещоному все и вся, — не только „отчего у насъ зачался бѣлый свѣтъ, отчего зачалось солнце красное, отчего зачался младъ-свѣтёлъ мѣсяцъ, отчего зачалася бѣлà заря, отчего зачались звѣзды частыя, отчего зачались вѣтры буйные, отчего зачался міръ-народъ Божій“ и т. д., но даже и—„отчего у насъ умъ-разумъ, отчего наши помыслы...“

Іюль-мѣсяцъ, что „приберихой“ да „страдникомъ“ по всему свѣтлорусскому простору слыветъ, во многихъ мѣстахъ еще и „грозникомъ“ прозывается. Да и впрямь это—пора грозовая: то-и-дѣло оглашаютъ съ заоблачныхъ высотъ землю-матушку, вѣковѣчную кормилицу народа-пахаря, громы небесные, бороздятъ-рѣжутъ небо стрѣлы молній змѣистыя. Съ Казанской (8-го іюля, дня чествованія Казанской иконы Божіей Матери) до самаго Ильи-пророка (20-го числа), цѣлыхъ тринадцать дней, лютуетъ на землѣ злая нечистая сила—на соблазнъ да на бѣду всѣмъ легковѣрно поддающимся

ея ухищреніямъ. Коли бы не защита небесная, ниспосылаемая честно́му люду православному,—натворилъ-бы лукавый родъ и ни вѣсть что на Святой Руси!.. Только и обороны отъ него—по вѣщему слову народному—что „Заступница-Казанская“ да „грозенъ Илья-пророкъ“. Заступается Пречистая Матерь Сына Божія за молящихся Ей подвизающихся тяжкимъ трудовымъ подвигомъ пахарей, выполняющихъ древній завѣтъ—въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой,—повелѣваетъ Она взятому живымъ въ горнія селенія пророку устрашать въ эти дни болѣе чѣмъ когда бы то ни было порожденіе-племя діаволово. Все чаще да чаще выѣзжаетъ грозный пророкъ на небесные пути-дороги, все громче гремитъ его колесница...

Какъ заслышитъ лихая нечисть-нежить этотъ стукъ-громъ, — такъ и норовитъ укрыться - схорониться отъ гнѣва небеснаго куда ни на есть. Не укроется,—такъ опалитъ ее на̀-смерть пламя стрѣлъ огненныхъ. „Памятны лукавому ильинскія стрѣлы“,—говорятъ доживающіе свой вѣкъ старые люди въ поученіе деревенской молодежи: „и съ неба-то изгналъ его Господь громомъ-молоньей!“ Тринадцать—„чертова дюжина“; тринадцать сутокъ въ году нѣтъ ему („черному“) и покоя отъ страха-ужаса. Такъ, по народному слову, ведется съ незапамятныхъ временъ, такъ вестись будетъ и до скончанія вѣка вѣковъ... „Ужъ куда-куда ни прячется отъ грозы лукавая сила“,—ведетъ свою рѣчь стародавнее сказанье посельское-попольное,—„и туды, и сюды,—не тутъ-то было: на колокольню храма Божія укроется, такъ и тамъ настигнетъ её гнѣвъ заступниковъ рода христіанскаго! Бываетъ, что и церкви горятъ отъ огня небеснаго!..“ На этомъ повѣрьи, что на устояхъ крѣпкихъ, коренится-зиждется и старинное преданіе, нашептывающее народной Руси строгій запретъ гасить-заливать пожаръ, занявшійся отъ „Божьяго попущенія“—во время грозы: „Не иначе какъ нечистую силу

опаляетъ грозенъ Илья-пророкъ!“ — въ одинъ голосъ повторяютъ за дѣдами внуки, на такое пожарище глядючи. „Матушка Казанская, Владычица-Заступница! Оборони, Купина Неопалимая!“—вырывается въ это время стономъ поднимающійся къ гремящимъ-пылающимъ полямъ небеснымъ молитвенный вздохъ безпомощно опускающихъ руки врасплохъ застигнутыхъ грознымъ зрѣлищемъ сосѣдей погорѣльца, даже и не осмѣливающихся помочь ему объ эту, говорящую о „волѣ Божіей“, пору. Много еще у насъ на Руси обойденныхъ просвѣщеніемъ темныхъ уголковъ, гдѣ все принимаютъ на вѣру, что бы ни говорила суевѣрной памяти сѣдая старина.

Есть еще и такія мѣста на неоглядной родинѣ народа-пахаря, неизмѣнно являющагося въ то-же самое время и народомъ-сказателемъ,—гдѣ считаютъ молніи за порожденіе діавольское—„огненныхъ зміевъ“, убѣгающихъ съ небесныхъ предѣловъ отъ гнѣва Божія, воплощаемаго въ этомъ случаѣ въ оглашающихъ „все поднебесное“ громахъ. „Ударитъ громъ, онъ—лукавый-то—и шасть съ небушки куда-ни-попадя!“—увѣряютъ деревенскіе всевѣды, отработавшіе свой чередъ на вѣку и доживающіе жизнь по запечью лежучи, да по заваленкамъ сидючи—домовничаючи: „Да лиха бѣда—какъ грянется онъ (черный-то) наземь, такъ и пропасть человѣку, коли не оборонится отъ него либо добромъ (добрымъ дѣломъ), либо крестомъ!“ Какъ и въ томъ захолустьи, гдѣ ведутъ рѣчь о погонѣ Ильи-пророка за дьяволомъ, — и здѣсь считается тяжкимъ грѣхомъ гасить пожаръ, если „попуститъ Господь случиться ему отъ змѣя-молонья“. Только и есть, что подается знающими всю подноготную людьми добрый совѣтъ—на всякій случай: какъ начинается гроза,—такъ и зажигать предъ иконою „Казанской“ крещенскую, либо срѣтенскую, либо „четверговую“ (принесенную въ хату „отъ двѣнадцати евангелій“ о Страстной седмицѣ) свѣчу

*

да молиться Заступницѣ о томъ, чтобы Она—Всепѣтая Матерь—„ради милости Своей, ради благости („радости“—по иному разносказу) Своей“ направила полетъ низвергаемаго съ небесъ змѣя-діавола мимо жилья человѣческаго — либо въ дерево стоячее, либо въ рѣку текучую, либо въ темныя нѣдра подземныя. Въ послѣднемъ случаѣ обламываетъ лукавый-нечистый о-земь всѣ пальцы на рукахъ и ногахъ, такъ что „ни въ жисть“ не выбраться ему больше на бѣлый Божій свѣтъ, такъ и пропасть-пропадомъ „въ подземельи — на вѣчномъ новосельи“.

Повсемѣстно на посельской-деревенской Руси находитъ крестьянская дѣтвора непосѣдливая вблизи рѣчекъ эти „чертовы пальцы“, обратившіеся въ камень. И не то что ребятишекъ, а даже и сѣдыхъ-сивыхъ дѣдовъ, не разувѣрить въ томъ, что это и впрямь обломки рукъ-ногъ діавола, а не просто-напросто „громовыя стрѣлки“, образовавшіяся изъ песчинокъ, сварившихся-спаявшихся при проходѣ черезъ ихъ слой ударившей въ берегъ молніи. Знахари-вѣдуны, подкрѣпляющіе своимъ властнымъ словомъ это представленіе, приписываютъ чертовымъ пальцамъ цѣлебную силу и пользуютъ ими легковѣрный темный людъ при лѣченіи разныхъ болѣзней, по большей части недоступныхъ пониманію самихъ лѣкарей. Страдающихъ падучей болѣзнью („игрецомъ“) водятъ, по совѣту этихъ лѣкарей, на такъ называемые „гремячіе“ ключи, начавшіе выбивать изъ-подъ горной кручи во время сильной, разразившейся надъ нею, грозы. Вода этихъ ключей, послѣ особаго нашепта-наговора, выпитая больнымъ въ грозовой день, все „какъ рукой снимаетъ“, по увѣренію знатоковъ этого дѣла.

Ужасъ, вселявшійся въ дѣтски-первобытную душу древняго славянина-язычника во время грозы, еще и до сихъ поръ отражается въ народной Руси—въ лицѣ будущихъ пахарей и жницъ, встрѣчающихъ раннія

зори своей жизни, стоящей еще не близко къ рубежу, отдѣляющему безпечное дѣтство отъ трудового подвига, сопровождающаго позднее потомство богатыря-оратая до гробовой доски. На только-что начинающую осмысленно глядѣть на Божій міръ, встающую на ноги, лепечущую первыя сознательныя слова дѣтвору громовые удары и вспышки молній производятъ—въ деревенскомъ затишьи—необычайно сильное впечатлѣніе. Случается подъ лихой часъ, что и не добромъ кончается дѣло: страхъ до того охватываетъ своими объятіями робкое сердце ребенка, что съ нимъ дѣлается „родимчикъ“ (обморокъ), или—еще хуже того—„ночной вопль“.

Быть можетъ, въ заслонившихся отъ природы каменными стѣнами городахъ немногіе даже и слышали про такой недугъ; но въ деревенской глуши объ этой лихой болѣсти всякій малолѣтокъ знаетъ даже не по наслышкѣ, если и самъ на себѣ не перенесъ ея. „Вопитъ и вопитъ дитятко, ничѣмъ-то его не беретъ угомонъ съ того самаго дня, какъ грозой подъ окномъ ударило!“—причитаютъ, жалобясь лѣчейкамъ-знахаркамъ, сердобольныя матери, которымъ покою не даетъ плачущій по ночамъ ребенокъ. „Не иначе, какъ съ грозы!“—говорятъ послѣднія и, не долго раздумывая, принимаются отчитывать маленькаго безпокойнаго человѣка, соблюдая не ими, а дѣдами-прадѣдами ихъ бабокъ-прабабокъ, установленный обычай. То-же самое продѣлывается ими и въ случаѣ, если съ испуганнымъ громами-молніями младенцемъ приключится родимчикъ.

Русскій пахарь-народъ искони былъ обуреваемъ не только однѣми заботами о хлѣбѣ насущномъ. Всегда охватывали его умъ-разумъ и думы о другихъ вопросахъ — думы, подсказанныя неугомонной пытливостью, заводившей его иногда къ высотамъ человѣческаго міропониманія, недоступнымъ даже и для вооруженной наукою мудрости. „Отчего у насъ умъ-ра-

зумъ, отчего наши помыслы?“ На этотъ вопросъ трудно было-бы дать прямой отвѣтъ даже и не такому смиренномудрому простецу, какимъ является любимый сынъ Матери-Сырой-Земли, всю свою жизнь проводящій за тяжкимъ потовымъ трудомъ, не оставляющимъ, повидимому, и времени на поднимающія отъ земли къ небу размышленія... А, между тѣмъ, этотъ подвижникъ труда зачастую оказывается, при мало-мальски внимательномъ проникновеніи во внутренній міръ его жизни, не только мыслителемъ, но и мечтателемъ. Каждое явленіе жизни и природы останавливаетъ на себѣ пытливое вниманіе этого на-диво дальнозоркаго наблюдателя. „Отчего?“—этотъ настойчиво требующій прямого отвѣта вопросъ то-и-дѣло зарождается въ многодумной головѣ тысячелѣтняго сына деревни и полей, съ дѣтской любознательностью вглядывающагося во все проходящее передъ нимъ въ пестрой смѣнѣ печалей и радостей жизни... Само собой разумѣется, что подобный-же вопросъ могъ зародиться у него въ душѣ и по отношенію къ той величественной картинѣ природы, которая во всей своей первозданной красотѣ открывается его жадному взору грозою и сопровождающими ее явленіями, производящими неотразимо-яркое впечатлѣніе на непосредственную чувствительность суевѣрнаго простолюдина.

Воображенію древняго насельника неоглядной родины народа-сказателя гроза представлялась въ самыхъ разнообразныхъ обликахъ своего возникновенія. То видѣло въ ней суевѣріе славянина безпощадную битву великановъ—духовъ тьмы и свѣта, являвшихся воинствомъ Бѣлъбога и Чернобога, враждовавшихъ между собою безо всякой надежды на примиреніе даже и въ самомъ отдаленномъ будущемъ. То грохотъ громовъ небесныхъ представлялся выстрѣлами охотниковъ, гонящихся за вепрями, пасущимися въ дебряхъ тучъ небесныхъ. Принимали иные суевѣрные люди гулъ

грозы и за отголоски молодецкихъ окриковъ тѣшащихся единоборствомъ богатырей—дружинниковъ Перуна-громовника. Бывало и такъ, что во всемъ этомъ видѣлъ мысленный взоръ первобытнаго человѣка не что иное, какъ шумный-веселый свадебный пиръ младшихъ боговъ. Пламя, озаряющее затемненные предѣлы небесные, принималось порою и за пожаръ чертоговъ какого-либо изъ представителей всемогущаго Сварогова потомства, воцарившагося надъ міромъ. Благочестиво настроенное творческое воображеніе съ колыбельки до могилы не прерывавшаго общенія съ природою первобытнаго человѣка видѣло въ огненныхъ вспышкахъ молній возженіе жертвеннаго костра низшими обитателями небесныхъ полей—въ честь повелителя боговъ, держащаго въ своихъ могучихъ рукахъ бразды правленія въ горнемъ мірѣ, разстилающемся надъ орошенными трудовымъ потомъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе воздѣлываемыми засильемъ одной семьи нивами. Пляска боговъ, каковою признавали грозу западные сосѣди славянина-язычника — нѣмцы, представлялась въ ней порою и творческой мысли отдаленнаго предка современныхъ богатырей труда — пахарей.

Христіанское міровоззрѣніе, привившееся къ духу вчерашнихъ поклонниковъ Перуна-громовника, очень скоро видоизмѣнило и представленіе ихъ объ явленіяхъ природы. Такъ и гроза начала звучать слуху чуткаго къ голосамъ неба и земли сына поднятыхъ сошкою Микулы-свѣта-Селяниновича полей совершенно согласно съ осѣнившими его душу новыми вѣяніями— набатомъ колоколовъ, призывающихъ людъ Божій на́-помочь всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ міра сего. Болѣе чуткіе, на́-диво надѣленные прозорливостью, угодные Богу люди, по разсказамъ знающихъ всю подноготную стариковъ, слышатъ въ грохотѣ громовъ небесныхъ даже и голосъ самого Бога Саваоѳа, посы-

лавшаго пророкамъ сѣдой древности свои откровенія во время грозы. Слово Божіе, которому внимала, подъ гулкій окрикъ громовъ, озаряемая огнями молній стихійная душа народной Руси, подъ иной часъ переходило и въ трубный звукъ, каковымъ, по вѣщему слову евангельскому, должна огласиться вся созданная Творцомъ неба и земли вселенная въ часъ послѣдняго Страшнаго Суда, на который будутъ призваны и живые, и мертвые. Всѣ эти вытекающія одно изъ другого представленія, зачастую довольно противорѣчиваго свойства, объединяются однимъ и тѣмъ-же впечатлѣніемъ пробуждающаго благоговѣйное чувство ужаса. Жаждущій откровеній матери-природы дѣтски-пытливый духъ русскаго-пахаря,—несмотря на свой многовѣковый возрастъ все еще остающагося младенцемъ по сравненію съ другими народами, — жадно воспринимая всѣ живыя и яркія впечатлѣнія бытія, соприкасается въ этомъ, какъ и въ большинствѣ другихъ, случаѣ съ сокровенной глубиною стихійнаго міровоззрѣнія, берущаго свое начало въ незапамятной старинѣ стародавней.

Но и отвѣчающая устами разгадавшаго таинственный смыслъ ниспосланной Богомъ православному міру „Книги Голубиной", прославленнаго пѣсенными сказаніями „перемудраго царя" на всѣ самоважнѣйшие вопросы бытія вселенскаго, народная мудрость становится въ тупикъ, если къ ней обратиться съ вопросомъ: „отчего" происходитъ гроза?—помимо всѣхъ устарѣвшихъ и во мнѣніи самого народа-сказателя повѣрій-преданій, подобныхъ только-что приведеннымъ выше. „Сама Владычица, Мать Пресвятая Богородица не знаетъ этого, не вѣдаетъ!" — отговариваются даже и не лазящіе въ карманъ за́-словомъ деревенскіе всезнаи, дошедшіе своимъ умомъ-разумомъ до самой, подкрѣпляемой вѣковыми завѣтами предковъ, подоплеки всего существующаго.

По старинному, и въ наши дни повторяемому на Руси, сказанію, первый громъ прогремѣлъ надъ землею въ часъ крестной смерти Сына Божія, а до той поры отъ самаго-де сотворенія міра грозы ни разу не бывало. И устрашились всѣ люди, заслышавъ громовые раскаты, увидѣвъ пламенныя стрѣлы молній. Да не только люди, а и Мать Пресвятая Богородица исполнилась ужаса при этомъ неслыханномъ-невиданномъ чудѣ природы. Когда, по воскресеніи изъ мертвыхъ, являлся Христосъ своимъ апостоламъ, вопросила его Пречистая Дѣва, что это за грохотъ, что за пожаръ небесный былъ во время Его кончины. Отвѣтилъ Искупитель грѣховъ рода человѣческаго, что это „гроза" была: „Быть грозѣ отнынѣ и до вѣка, да памятуютъ люди грѣшніи и люди праведніи, что приходилъ въ міръ Сынъ Божій, Истинный Христосъ"... Жестокосердіе грѣшниковъ не знаетъ предѣла: не остановилось оно даже и предъ такимъ чернымъ злодѣяніемъ, какъ распятіе Явившагося на землю „спасенія ради, человѣческаго". Вѣковѣчнымъ укоромъ за это и гремятъ громы небесные. „Сыне мой, Сыне! Истинный Христе Спасе!"—ведетъ устами народа-сказателя свою рѣчь Богоматерь:—„Скажи, мой Сыне возлюбленный, а откуда громы на небушкѣ, отчего загораются громы-молоньи?" Вмѣсто отвѣта самъ вопрошаетъ Возлюбленный Сынъ Матерь: „Мати Моя, Мати! Мати Моя, Дѣва Марея! Хощеши-ли ты вторую смерть Мою видѣти? А и можешь-ли ты, Пречистая, не рыдати, не плакати, Меня—Сына возлюбленнаго—распинаючи?!" Возрыдала, всплакалась Приснодѣва при одномъ воспоминаніи о страданіяхъ Христа-Спаса. „Такъ и Я не могу Тебѣ, Мати, повѣдати, откуда громы на небушко, отчего загораются громы-молоньи!"—былъ окончательный отвѣтъ Сына Божія. „Гдѣ-же намъ, темнымъ людямъ, знать, откуда гроза взялась,—коли самъ Христосъ не могъ повѣдать про то Своей Матери!"—говорятъ сказатели,

хранители старыхъ преданій. Дождикъ льетъ-дождитъ во грозу, по ихъ словамъ, для того, чтобы Мать-Сыра-Земля не загорѣлась, великимъ-негасимымъ пожарищемъ не вспыхнула. „Велика премудрость Господня: и огни посылаетъ, и воды—огни на вспоминаніе, воды во спасеніе!“ — говорятъ объ этомъ убѣленные сѣдинами простодушные мудрецы, поучая молодь несмышлёную, ко всему приглядывающуюся, до всего допытывающуюся...

Ни на шагъ не отходитъ отъ хаты мужикъ-простота безъ примѣтъ. Не позабыла про нихъ народная Русь и на этотъ разъ. Такъ, по словамъ деревенскихъ примѣтовѣдовъ, если на Благовѣщенье возьметъ да и прогремитъ громъ — ждать надо лѣта теплаго да яснаго, и къ росту хлѣбовъ, и къ уборкѣ урожая сподручнаго-способнаго. Примѣта во всякомъ случаѣ сложившаяся не на студеномъ сѣверѣ, а гдѣ-нибудь поближе къ югу-полудню. Бабы-примѣчайки видятъ въ благовѣщенской грозѣ другую примѣту: „орѣхами засыплешься по горло“. По ихъ-же, бабьему, слову: „коли въ постный день ударитъ первая гроза—коровы будутъ недойны“. Сельско-хозяйственный деревенскій опытъ гласитъ, что на Егорья теплаго-весенняго гроза—къ сильнымъ вѣтрамъ, на Вознесеньевъ день—къ засухѣ. Гроза о Пасхѣ красной доброю вѣстью отзывается въ сердцѣ пахаря: Господь урожаемъ благословитъ, не иначе. Первый въ году ударъ грома при вѣтрѣ-сиверкѣ (со полуночи)—къ холодной-ненастной веснѣ. А со восходу, съ восточной сторонки, вѣтромъ во время этой грозы потянетъ на Святую Русь — къ сухой да къ теплой весенней погодушкѣ. Съ закату вѣтеръ—весна будетъ богата дождями, а лѣто—жарами. Вотъ если съ полуденнаго края повѣетъ при первомъ громѣ,—хоть теплымъ-теплешенька весна будетъ, да для хлѣбовъ опасно: червя-гнуса такой громъ мужику-хлѣборобу, вмѣсто жита-зерна, сулитъ. Какъ не осѣ-

ниться пахарю-деревеньщинѣ обороняющимъ ото всѣхъ бѣдъ-напастей крестнымъ знаменіемъ при взглядѣ на такую тучку-громоносицу!.. Голодный годъ страшнѣе всякой грозы.

„Плыветъ медвѣдь по поднѐбесью, пыхтитъ-рычитъ медвѣдище:—А я—медвѣдь—тебя, земля, водой залью; а я—медвѣдь—тебя, земля, огнемъ спалю!“ —загадываетъ большой любитель загадокъ русскій краснословъ-народъ про тучу черную съ громами-молніями. „Какой огонь воды не боится?“—подговаривается къ этой загадкѣ другая. „Что за стрѣла съ неба до земли хватаетъ, никого не убьетъ, такъ сквозь землю уйдетъ?“—вторитъ имъ-обѣимъ третья. „Сама горю, а міръ водой пою!“ — продолжаетъ развертывать широкое полотно величественной картины четвертая. Всѣ четыре записаны на самарскомъ Поволжьѣ. Не мало, по всей вѣроятности, и другихъ загадокъ о грозѣ и сопровождающихъ эту послѣднюю явленіяхъ природы можно было-бы собрать на неоглядномъ просторѣ полей и лѣсовъ, подслушать изъ устъ простодушнаго пахаря-сказателя, что ни шагъ, то и оговаривающагося новымъ крылатымъ словцомъ, каждое изъ которыхъ само такъ и просится въ кошницу отечественнаго народовѣдѣнія.

Въ былинныхъ сказаніяхъ то-и-дѣло приходится встрѣчаться съ такими выраженіями, какъ, напримѣръ: „То не туча, не грозовая туча собиралася, —собирался-снаряжался въ дальній путь удалъ-добрый молодецъ; онъ летѣлъ на враговъ какъ ясёнъ-сокóлъ, налетѣлъ—ударилъ громомъ-молоньей: не оставилъ басурманамъ роду-племени, сослужилъ службу да Святой Руси и всему народу православному...“ Дородная красавица слова — русская пѣсня — тоже не обошла молчаніемъ громы-молніи. Картины грозы зачастую являются запѣвками самыхъ разнородныхъ по содержанію пѣсенъ; но есть пѣсни и цѣликомъ посвященныя художествен-

ному воспроизведенію этихъ-же самыхъ картинъ. И во всѣхъ нихъ гроза изображается самыми яркими красками, которыхъ такому великому художнику, какъ могучій, величаво-прекрасный въ своей простотѣ, русскій богатырь-языкъ, не занимать стать...

XI. Пантелей-цѣлитель.

Приходитъ грозовый мѣсяцъ іюль, макушка лѣта, къ концу—лѣтнюю крестьянскую страду ведетъ къ августу-густоѣду, что недаромъ и „соберихой“ прозывается. Пройдутъ „Паликопы“ (день святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба), слѣдомъ за ними 25-е число—память св. Анны, съ которою связаны въ народѣ примѣты о будущей зимѣ (свѣжая съ 25 на 26 іюля ночь обѣщаетъ ранніе заморозки). Еще однѣ сутки (день св. Ермолая), а тамъ и „Пантелей-цѣлитель“ въ народную Русь идетъ, ведя за собою особые, только къ нему одному пріуроченныя народомъ-пахаремъ—народомъ-сказателемъ обычаи, повѣрья и преданія, окруженныя пестроцвѣтной вязью богатыхъ образностью крылатыхъ словъ, каждое изъ которыхъ говоритъ о живучей народной самобытности, не поддающейся преходящимъ вѣяніямъ времени.

27-е іюля, посвященное Православной Церковью чествованію памяти св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона,—одинъ изъ тѣхъ красныхъ, хотя и не праздничныхъ, дней, безмолвный приходъ которыхъ неизмѣнно воскрешаетъ въ представленіи деревенскаго люда краснорѣчивыя сказанія минувшаго, непосредственно связанныя съ перенятыми завѣтами сѣдой—то дѣтски-простодушной, то смиренномудро-величавой—старины.

Трогательная христіанская легенда о св. Пантелеймонѣ, во всей своей простотѣ воспринятая русскимъ народомъ, приросла къ стихійному сердцу пахаря, широко открытому для воспріятія всего дышащаго

дѣйственной любовью, дающей силы положить душу „за други своя“. Имя никомидійскаго уроженца, принявшаго св. крещеніе въ концѣ III вѣка по Р. Хр., всю жизнь свою отдавшаго на служеніе страждущему ближнему и не устрашившагося пойти на муки за исповѣданіе ученія Сына Божія, сдѣлалось почти столь-же роднымъ духу народа-богатыря, озареннаго свѣтомъ Божественной любви, какъ и образъ св. Алексѣя—человѣка Божія, возложившаго на свои рамена великій подвигъ смиренія, или св. Іоасафа—царевича индійскаго, промѣнявшаго царскій престолъ на тишину „любезной матери-пустыни“. Въ „Четіяхъ-Минеяхъ“ повѣствуется, что св. Пантелеймонъ (Пантолеонъ) увидѣлъ свѣтъ на берегу Мраморнаго моря, въ греческомъ городѣ Никомидіи, въ семьѣ богатаго и знатнаго гражданина Евсторгія. Съ молодыхъ лѣтъ онъ почувствовалъ склонность къ изученію врачебнаго искусства, приближающаго бренный умъ человѣческій къ безсмертнымъ тайнамъ природы. Учителемъ его явился знаменитый въ то время врачъ Евфросинъ, преподавшій ему всѣ свои собственныя познанія. Постигнувъ всю премудрость эллинскаго врачеванія, юноша продолжалъ томиться неутолимой жаждой познанія истины, но тщетно искалъ ея до той поры, пока не встрѣтился съ другимъ учителемъ — пресвитеромъ Ермолаемъ. Этотъ врачъ духовный, также впослѣдствіи пріявшій вѣнецъ мученическій во имя Христа и сопричтенный къ лику святыхъ (память 26-го іюля), указалъ Пантелеймону болѣе вѣрный и близкій путь къ цѣли его пылкихъ стремленій, крестивъ его во имя Отца и Сына и Святаго Духа и просвѣтивъ его пытливый разумъ неугасимыми лучами Богопознанія.

Воспринявъ отъ своего новаго учителя вѣру христіанскую, молодой врачъ послѣдовалъ за нимъ по стезѣ проповѣди о Свѣтѣ, просвѣщающемъ всѣхъ. Врачуя тѣлесные недуги, онъ сталъ исцѣлять и немощь духов-

ную, обращая въ христіанство одного за другимъ изъ своихъ согражданъ. Первымъ принялъ отъ него святое крещеніе отецъ его Евсторгій, воочію убѣдившись въ истинѣ проповѣдуемаго сыномъ ученія,—когда тотъ именемъ Христовымъ исцѣлилъ слѣпого, безполезно пролѣчившаго все свое богатство. Когда скончался престарѣлый отецъ Пантелеймона, послѣдній, сдѣлавшись обладателемъ богатаго наслѣдія, сталъ оказывать всѣмъ страждущимъ-недугующимъ не только духовную и врачебную, но и денежную, помощь.

Безвозмездно оказываемая врачебная помощь привлекла къ дому врача-безсребренника многолюдныя толпы нуждающихся въ ней. Слава о немъ прошла по всѣмъ окрестнымъ городамъ и селеніямъ, и это была не только слава врача, но и учителя-проповѣдника. Врачи-язычники вознегодовали на Пантелеймона, отвратившаго отъ нихъ большую часть приверженцевъ, и порѣшили извести новоявленнаго цѣлителя, подорвавшаго все довѣріе къ ихъ ложной мудрости. Жадная зависть сдѣлала свое дѣло: до свѣдѣнія императора Максимиліана, жестокаго гонителя христіанъ, было доведено о томъ, что въ Никомидіи появился новый исповѣдникъ Іисуса изъ Назарета, распространяющій ученіе Распятаго и обращающій народъ въ свою „злую ересь“, вопреки императорскимъ указамъ-повелѣніямъ. Пантелеймонъ былъ схваченъ, ввергнутъ въ темницу и преданъ жестокимъ пыткамъ. Никакія мученія не могли, однако, вынудить молодого врача-цѣлителя къ отреченію отъ вѣры во Христа: ни раскаленные желѣзные гвозди, которые вбивали ему въ тѣло, ни расплавленное олово, въ котелъ съ которымъ погружали дерзновеннаго исповѣдника Сына Божія. Бросали великомученика съ камнемъ на шеѣ въ воду, отдавали на растерзаніе разъяреннымъ звѣрямъ,—ничто не устрашало св. Пантелеймона, даже—къ великому изумленію мучителей — онъ оставался невредимымъ.

Наконецъ, императоръ повелѣлъ отсѣчь ему голову, чѣмъ и закончились страданія цѣлителя-безсребренника во славу Христа.

Въ русскихъ простонародныхъ сказаніяхъ обликъ „Пантелея-цѣлителя“ окруженъ не только свѣтомъ славы великомученической, но и лучами вѣщаго могущества, направленнаго къ добру, любви и правдѣ. Согласно съ повѣствованіемъ о житіи этого угодника Божія, онъ и въ представленіи народа является скорымъ помощникомъ во всѣхъ болѣзняхъ, добрымъ-кроткимъ цѣлителемъ тяжкихъ недуговъ. Всѣ врачеватели изъ народа считаютъ его своимъ неизмѣннымъ покровителемъ, призывая имя его во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, когда ихъ слабый-темный разумъ отказывается освѣщать имъ путь врачеванія. Имя св. Пантелеймона нерѣдко можно услышать даже изъ устъ вѣдуновъ-знахарей, обороняющихъ заклинаніями-заговорами хрупкую, обуреваемую недомоганіями жизнь прибѣгающаго къ ихъ помощи суевѣрнаго люда, безсильно опускающаго натруженныя руки передъ такой „немилостью Господней“, какою всегда представляется ему болѣзнь, открывающая двери храма жизни для смерти.

Народъ-сказатель отдаетъ въ полное распоряженіе „Пантелея-цѣлителя“ всѣ добрыя, созданныя нà-помочь страждущимъ-болящимъ цѣлебныя травы. Народная наука врачеванія съ полной справедливостью можетъ быть названа „траволѣченіемъ“,—почему вполнѣ понятно и только-что упомянутое простонародное представленіе о святомъ покровителѣ врачевателей. Пантелеевъ день заставляетъ всѣхъ посельскихъ знахарей-лѣчеекъ вспоминать о хозяинѣ травъ цѣлебныхъ: по всему простору свѣтлорусскому, чуть не въ каждомъ селѣ, служатся-поются 27-го іюля молебны этому святому угоднику Божію. „Позабудешь о Пантелеѣ-цѣлителѣ въ его день-праздничекъ, и онъ про тебя за-

будетъ!“—говорятъ его суевѣрные-простодушные послѣдователи: „Вспомянешь его, милостивца-батюшку— и онъ тебя наставитъ на умъ-разумъ!“. По словамъ старыхъ, умудренныхъ многолѣтнимъ опытомъ людей, только у того врача и „рука легкая“, который памятуетъ покровителя-помощника, всѣмъ врачевателямъ даннаго отъ Бога на̀-помочь, для прославленія на землѣ небесныхъ заступниковъ рода человѣческаго. „Прогнѣвишь Пантелея-цѣлителя—никакимъ зельемъ болящему не поможешь!“, „Пособитъ Пантелей—и здоровье цѣлѣй!“, „Лѣчейка Пантелею молится, а Пантелея Богъ слушаетъ!“—говорятъ они.

Въ старые годы повсемѣстно на Святой Руси,—а по инымъ округамъ и до сихъ поръ это еще не вывелось изъ обычая, —въ двадцать-седьмой день страднаго іюль-мѣсяца не только молебны св. Пантелеймону по храмамъ Божіимъ по желанію прихожанъ пѣлись, но и возлагались къ образу великомученика всевозможные дары. Кто приносилъ отъ богачества своего, кто отъ скудости-бѣдности; всѣ несли въ благодарность за излѣченіе отъ какого-либо недуга тяжелаго. Всѣ приношенія шли въ пользу причта церковнаго съ тѣмъ, впрочемъ, непремѣннымъ условіемъ, чтобы „десятина“, (десятая часть) ихъ удѣлялась самому угоднику Божію: на свѣчи, на масло, на украшеніе святой иконы его. Приводили въ этотъ день въ церковь и больныхъ съ твердою вѣрой-надеждою, что чествуемый покровитель врачевателей скорѣй-охотнѣе окажетъ помогу въ день своей святой памяти, чѣмъ въ какое-либо иное время.

Праздникъ лѣчеекъ-знахарей, день св. Пантелеймона является въ то-же самое время и днемъ спѣшной-упорной работы для нихъ. По слову-сказу переживающей вѣка за вѣками старины стародавней, приходитъ объ эту пору „Пантелей-цѣлитель“ съ небесныхъ высотъ—„изъ того-ли рая пресвѣтлаго“—на орошаемую

страдовымъ потомъ пахаря землю и съ бѣлой утренней зорьки вплоть до поздней ночи гуляетъ по лугамъ среди травъ-былій цѣлебныхъ, незримо указуя на нихъ всякому врачевателю, памятующему о его святомъ днѣ. „Кто знаетъ—можетъ, и встрѣтишься объ эту пору съ нимъ, съ батюшкой!“—говорятъ деревенскіе вѣдуны-травознаи: — „Вѣдь вездѣ, гдѣ идетъ-пройдетъ онъ, милостивецъ, всѣ травы цѣлебное засилье берутъ: на какую ни глянетъ—всякая исполнится силой его...“. Словно вторитъ этимъ хранителямъ простодушной врачебной мудрости народной подслушанный на симбирскомъ Поволжьѣ стихъ духовный:

«Пантелей-отъ—цѣлитель-батюшко:
Ему травы-то всѣ преклоняются,
Всякое зеліе-быліе молится...
Онъ идетъ, осударь свѣтъ-угодничекъ,
По лугамъ-луговинамъ шелковымъ,
Той травой-муравою зеленою,—
Самъ, угодничекъ Божій, что солнышко,
Самъ—что красное солнышко радошенъ:
Гдѣ ни глянулъ—цѣльба изливается,
Улыбнется—цвѣты-самоцвѣтики
На потребу цвѣтутъ христіанскую,
Лютымъ болѣстямъ—сила цѣлебная,
Божья помочь народу крещеному,
Все тому-ли честному работничку,
Церкви Божіей міру-радѣльнику...
Охъ, ты гой еси, Божій угодничекъ,
Пантелей-свѣтъ, цѣлитель-отъ батюшко!
Тебѣ слава отнынѣ и до-вѣку,
До того-ли до вѣку послѣднева,
Опослѣднева вѣку остальнаго»...

Изливающій любовь-милость, подающій исцѣленіе прибѣгающимъ съ молитвою къ нему людямъ Божіимъ Пантелей-цѣлитель является порою въ народномъ представленіи и грознымъ обличителемъ. Такъ, его—по слову старины стародавней,—что огня, должны бояться знахари-вѣдуны, обращающіе во зло всѣ по-

знанія: не на спасеніе своей души, не на пользу страждущему ближнему работающіе, а идущіе по стопамъ діавола, породившаго на бѣломъ Божьемъ свѣтѣ злыя, напоенныя его тлетворнымъ дыханіемъ травы. Не только помоги не окажетъ онъ такимъ людямъ въ ихъ врачеваніи, но еще и самъ можетъ наслать на нихъ тяжкій недугъ (чаще всего—помутить разумъ) за ихъ лиходѣйство. Его святымъ именемъ, по увѣренію знающихъ всю подноготную стариковъ, ограждается человѣкъ и отъ дѣйствія самыхъ ядовитыхъ травъ,—если только не лежитъ камнемъ на его душѣ никакого незамолимаго грѣха.

XII. Успенскій постъ.

Хоть и не даромъ слыветъ въ народной Руси августъ—первый пролѣтній, предъосенній мѣсяцъ—за „густарь-густоѣдъ“, а всетаки ровно половина его подъ постомъ ходитъ: съ перваго до третьяго Спаса (1-е—15-е числа) стоитъ у православныхъ Успенскій постъ. Не великъ онъ, всего-то двѣ недѣли живетъ, да наособицу старыми людьми богомольными почитается. Поспѣваетъ къ этому времени вся новая новина, что въ полѣ, что въ огородѣ, „успѣваетъ“ (подходитъ къ концу страды) и посельщина-деревеньщина, въ потѣ лица — по библейскому завѣту — вкушающая хлѣбъ свой. Настаетъ пора собирать на гумна да по закромамъ ссыпать все, что Мать-Сыра-Земля своему вѣковѣчному работнику отъ щедротъ своихъ урожаемъ пошлетъ. „Что къ Успеньщинѣ земля-кормилица мужику пошлетъ — тѣмъ онъ и живи круглый годъ!“, „Чѣмъ къ Спасовымъ днямъ Истинный Спасъ пахаря благословитъ—тѣмъ онъ до новыхъ „Спасо̀въ сытъ!“— гласитъ умудренная сельско-хозяйственнымъ опытомъ простонародная мудрость словесная, что ни вѣкъ, что ни годъ подтверждаемая въ житейскомъ обиходѣ

крестьянскомъ. „Успеньевъ постъ — съ голодухи къ урожаю мостъ!“—подговариваются къ приведеннымъ словамъ крылатымъ другія, имъ своявами-родичами приходящіяся, видоизмѣняя относящееся ко всѣмъ вообще постамъ простонародное изреченіе: „Постъ— въ рай мостъ“. Много можно было-бы припомнить и другихъ поговорокъ-присловій, вызываемыхъ въ народной памяти приходомъ „Успеньщины“, и всѣ они сводились-бы къ одному тождественному понятію о томъ, что это двухнедѣльное говѣнье является въ представленіи пахаря-хлѣбороба временемъ, подводящимъ итоги его трудовому году. Ждетъ-поджидаетъ держащаяся за землю деревня этихъ дней — словно второго Свѣтлаго Праздника; въ урожайные, благословенные Богомъ годы эта пролѣтняя пора и впрямь является для страдующаго на полѣ посельскаго люда если и не такою красной-благостною, какъ Свѣтло-Христово-Воскресеніе, то не менѣе желанною. Безъ Бога мужикъ — ни до порога; такъ и тутъ перво-на̀-перво вспоминаетъ онъ о Богѣ, ниспосылающемъ крещоному міру Свой спасающій отъ голодной смерти даръ. Постъ, сходящійся съ этими днями деревенскихъ итоговъ, какъ-разъ отвѣчаетъ благоговѣйно-молитвенному порыву богомольнаго трудящагося люда и, несмотря на празднично-свѣтлое настроеніе послѣдняго, справляется если и не со всею, установленной Церковью, строгостью, то съ нелицемѣрной благодарностью Подателю хлѣба насущнаго.

Праздничные дни Спасовы придаютъ Успенскому посту свою самобытную окраску, воскрешая въ народной Руси многое-множество стародавнихъ повѣрій, сказаній и обычаевъ, переплетенныхъ пестроцвѣтною вязью пословицъ, поговорокъ, присловій, заговоровъ и тому подобныхъ проявленій неизсякаемаго словеснаго богатства народнаго. Всѣ три Спаса—три народныхъ праздника — являются въ то-же самое время и

*

тремя розговѣнами. „Объ Успеньщинѣ — трое розговѣнъ",—говоритъ деревня:—„розговѣньемъ Успеньевъ постъ починается (1-го августа—день Происхожденія Честныхъ Древъ Креста Господня, первый Спасъ—медовый), розговѣньемъ половинится-рубится (6-го августа—день Преображенія Господня, второй—яблочный—Спасъ), розговѣньемъ на нѣтъ сходитъ. По старинной поговоркѣ, „Спасъ — всему часъ": на первый Спасъ „и нищій медку попробуетъ", на второй—„и нищій яблочкомъ разговѣется", на третій — „новая новина свячонымъ кускомъ починается, мужику-пахарю первымъ хлѣбомъ-короваемъ кланяется". Послѣднее, впрочемъ, гдѣ раньше, гдѣ позднѣе, смотря по тому, гдѣ когда что поспѣваетъ, гдѣ когда съ чѣмъ успѣваютъ.

Не мало преданій и повѣрій связано въ народной памятливой душѣ съ Успенскимъ постомъ. Неисчерпаемый кладезь—память народная: сколько ни пей изъ этого колодца, вовѣкъ не выпить его до послѣдней капли. Дόсыта кормитъ и бѣднаго мужика-бобыля Успенскій постъ въ урожайную пору; но не мимо слово молвится, что „въ августъ-густоѣдъ и розсказней невпроѣдъ": добрая половина этого изреченія народнаго относится къ Успеньщинѣ, тремя Спасовыми днями, что тремя изгородями, обведенной-разгороженной. „Что городъ — то норовъ, что деревня — то обычай, что дворъ—то свой наговоръ". Но по всему среднему, нижегородско-самарскому, Поволжью ходятъ про постную-праздничную Успеньщину сходящіяся другъ съ дружкой преданья-повѣрья. По всей вѣроятности, не чужды они и другимъ крѣпкимъ стародавней памятью мѣстамъ неоглядной-необъятной Велико-Руси, хранящей въ нѣдрахъ сердца народнаго завѣщанный прадѣдами-пращурами кладъ самобытнаго, переживающаго вѣка за вѣками, собираемаго пытливыми народовѣдами слова-сказанія. Всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ, что Успенскій постъ — праздникъ земледѣльца;

„Мужикъ объ Успеньщинѣ страдуетъ, да глазъ-то у него все радуетъ!“, „Постъ посту рознь: есть голодуха, есть и лакомка-мятовка!“, „Успеньщина въ меду валяется, яблочкомъ разговляется, къ свѣжему коровою подбирается!“, „Дожили ребята до Успеньева поста, вышли за ворота, за околицу прошли — коровай въ меду нашли; разломи да починай, по яблочку вынимай!“—дополняетъ приведенныя поговорки деревенскій прибаутокъ, записанный въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія въ окрестностяхъ заштатнаго городка Тагая, Симбирской губерніи, въ с. Подлѣсномъ. Да мало-ли и другихъ, подобныхъ этимъ, присловій можно услышать въ народѣ, — а въ особенности въ то время, когда онъ, собирая плоды потовыхъ трудовъ своихъ, душу свою открываетъ болѣе широко, чѣмъ въ какую другую пору. „Дѣлу— время, потѣхѣ—часъ!“—гласитъ стародавнее русское изреченіе. Но въ эти дни народная, обливающаяся страдовымъ потомъ, Русь охотно мѣшаетъ дѣло съ потѣхой, заботу съ шуткой, нисколько не думая о своей устали.

Но памятуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ народная Русь, что „не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ“,—сжились съ нею и совсѣмъ другія сказанія объ этомъ двухнедѣльномъ подготовленіи ко встрѣчѣ великаго праздника Успенія Пресвятыя Богородицы. Такъ, напримѣръ, на томъ-же среднемъ Поволжьѣ еще и до сихъ поръ ходитъ отъ села къ селу, отъ деревни къ деревнѣ изустное преданье о самомъ установленіи „Госпожинскаго“ („Богородицына“) поста. Гдѣ и когда сложилось оно—невѣдомо, но и теперь можно услышать его среди поволжскаго деревенскаго люда, памятующаго дѣдовщину-прадѣдовщину, осѣненную дѣтски-простодушной вѣрою въ завѣты евангельскіе, несмотря на всю темноту, въ которой бродитъ — что калика перехожая — самобытная народная мысль-мечта, стремя-

щаяся къ свѣту истины. „Успенье—душѣ спасенье!"— гласитъ старинное изреченіе народной Руси. Согласно съ этимъ повѣствуетъ и слово народа-сказателя объ Успенскомъ постѣ. Были дни, — говоритъ народъ, — когда (на памяти пращуровъ нашихъ пращуровъ) каждый годъ подъ конецъ лѣтней страды сходила съ небесныхъ высотъ на землю Матерь Божія и въ образѣ бѣдной странницы обходила всю посельскую Русь, труждавшуюся надъ добываніемъ хлѣба насущнаго. По всѣмъ селамъ-деревнямъ проходила Пресвятая, всюду осѣняла Своимъ благостнымъ покровомъ православный людъ. И не было въ тѣ годы ни голодныхъ лихолѣтій, ни другого какого Божьяго попущенія. Шла однажды подъ-вечеръ Дѣва Марія путемъ-дорогою незнаемой-невѣдомой, остановилась возлѣ нѣкоего села богатаго, гдѣ скирды-одонья по годамъ на гумнахъ застаивались; надумала Странница въ томъ селѣ опочивъ держать. Подошла Богоматерь къ одному дому, постучалась подъ окномъ: „Пустите, хозявушки, переночевать странницу бѣдную-убогую!" Выглянула баба старая: „Проходи дальше—у насъ не постоялый дворъ!" Стукнула Она у второго двора въ окно:—„Много васъ здѣсь ходитъ, дальше иди!" У третьей хаты такъ и не достучалась Дѣва Марія хозяевъ — спать легли и слышать-слышали, да не поднялся никто на стукъ. А тамъ и у четвертаго, и у пятаго дома—тотъ-же отвѣтъ. Такъ прошла Богоматерь все село богатое. Вышла Пречистая за околицу, тяжко воздохнула о жестокосердіи люда крещонаго.

И долетѣлъ тотъ вздохъ,—продолжаетъ сказаніе,— до самаго престола Господня — дошелъ-доплылъ, что волна морская до высокаго берега скалистаго. Услыхалъ воздыханіе Своей Матери Христосъ Сынъ Божій, Истинный Спасъ. Собрался соборъ небесный у подножія трона Господня — всѣ ангелы и архангелы, херувимы и серафимы и всѣ святые угодники Божіи. И сказалъ

Господь: „Исполнилась чаша долготерпѣнія Моего! Уготовалъ себѣ нечестивый народъ жестовыйный казнь содомскую и участь гоморскую. Не стоять сему селенію на землѣ, не тяготить больше жестокости его Нашей многой милости!“ Не успѣлъ промолвить Господь рѣшенія Своего, какъ дошла до престола Его сама Странница гонимая, безпріютная—Матерь Божія, Дѣва Марія Пречистая. И взмолилась Пресвятая Богородица: „Сыне мой! Сыне! Помилуй грѣшниковъ лютыхъ! Не ради ихъ самихъ, а ради молитвъ Твоея Матери!“— „Такъ пусть-же Сама Ты, Мати Моя, выберешь грѣшному міру наказаніе за Твою усталость, за Твои безпріютныя скитальчества воздаяніе! Весь міръ да отвѣтствуетъ за селеніе безбожное-злочестивое!“ Молчала Пречистая Матерь, безмолвіе царило и во всѣхъ селеніяхъ горнихъ у престола Всевышняго; отозвалось оно бурей-грозою по всей землѣ, по всей „подселенной“. Тутъ выступилъ изъ сонма святыхъ угодниковъ Божіихъ Николай-чудотворецъ и вымолвилъ слово дерзновенное: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! ...Пощади грѣшный міръ! Ухищреніе сатанинское побѣждается молитвою и постомъ: пусть-же съ сего дня въ Твои Спасовы дни великіе постится-молится весь крещоный міръ съ перваго Спаса до третьяго, ожидая великаго праздника, Успеньева дня—во славу Твоея Пречистыя Матери!“ И повторили всѣ ангелы и архангелы, херувимы и серафимы и всѣ святые угодники Божіи слово Чудотворца дерзновенное. И внялъ Господь моленію святыхъ Своихъ, помиловалъ грѣшный міръ ради Своея Пречистыя Матери. „Великъ Богъ во святыхъ Его!“— воспѣлъ весь поднебесный міръ, вся земля подселенная. И съ той поры съ перваго Спаса вплоть до третьяго неумолчно раздается въ селеніяхъ горнихъ молитва предстоящихъ у престола Господня: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ И съ той поры молитъ Спаса Истиннаго вся Церковь Православ-

ная о прощеніи грѣха селенія жестокосерднаго, объ оставленіи грѣха, павшаго на весь родъ человѣческій. Гдѣ не молятся объ этомъ, тамъ ждетъ крещоный людъ кара Божія: не соберетъ народъ въ житницы урожая богатаго, придетъ туда невзгодье голодное нежданно-негаданно, отнимется у безбожныхъ людей и то, что было имъ ради старцевъ, ради дѣтей, ради сиротъ-вдовицъ ниспослано. Въ тѣхъ же мѣстахъ, откуда возносится въ эти дни покаянные ко престолу Всевышняго молитва чистая-нелицемѣрная, покроетъ Пречистая Приснодѣва, странницей въ мірѣ не опознанная, крыломъ Своей неизреченной благости и грѣшныхъ, и праведныхъ. Не будетъ тамъ ни голода, ни стона-скрежета, ни плача сиротъ-вдовицъ, ни разоренія, — соберетъ каждый трудившійся въ потѣ лица своего все, что послалъ ему Господь—во славу Троицы единосущныя и нераздѣльныя... На этомъ и кончается стародавній сказъ, по существу своему сходный съ преданіемъ объ установленіи Рождественскаго поста Филипповскаго, о которомъ будетъ своя рѣчь ниже, въ особомъ очеркѣ.

Несомнѣннымъ отголоскомъ этого сказанія является издавна укоренившійся въ народной Руси обычай призрѣвать, кормить-поить всѣхъ подорожныхъ скитальцевъ, бездомныхъ странниковъ во время двухнедѣльнаго говѣнья Успенскаго, одинаково свойственный всей русской посельщинѣ-деревеньщинѣ, собирающей въ эти дни съ полей плоды страдовыхъ трудовъ своихъ. „Не укроешь отъ темной ночи странника въ Успеньевъ постъ—разломаешь себѣ райскій мостъ!“, „Не накормишь объ Успеньщинѣ голоднаго—самъ голоденъ будешь!“, „Пріютишь въ Спасовы дни безпріютнаго—встрѣтишь вездѣ пріютъ!“, „Хлѣбушко съ поля убрать поспѣлъ — коли страннику пріютъ дать успѣлъ!“— повторяетъ народъ-хлѣборобъ завѣщанныя дѣдами-прадѣдами слова крылатыя, весь проникаясь ихъ смыс-

ломъ. И нѣтъ въ эту пору нигдѣ по селамъ-деревнямъ отказа страннику-скитальцу, стучащемуся по подъоконью въ ранній-ли, въ поздній-ли часъ со словами: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, Богородицею помилуй насъ!" Не вездѣ памятуютъ сказаніе о безпріютномъ скитальчествѣ Богоматери, но всюду свято выполняютъ благочестиво-покаянный завѣтъ о томъ, чтобы хотя въ эти дни Спасовы былъ кровъпріютъ всѣмъ и каждому на Святой Руси, по всему ея широкому простору неоглядному.

Въ эти дни въ иныхъ мѣстахъ калики-перехожіе, въ отвѣтъ на гостепріимство крестьянскаго люда, заводятъ такой сказъ стиховный:

«Кто страннаго человѣка пріиметъ,
Отъ темныя ночи укроетъ,
Подъ кровлею своей напитаетъ,
Тому Истинный Спасъ помогаетъ
Своимъ пресвѣтлымъ Преображеніемъ,
Души грѣшныя спасеніемъ!
Кто скитающихся, пѣшешествующихъ
На пути-дорогѣ не спокинетъ,
Отъ дому своего не отторгнетъ,
Отъ ночлега не отринетъ,—
Того Матерь Божія увидитъ,
Во чертоги райскіе пріиметъ—
Не ради грѣховнаго покаянія
А ради неизреченнаго милосердія...
Кто чашей воды жаждущаго напоитъ,
Тому истины вѣчныя чаша уготовится,
Тому райская скрыня отверзится,
Тому не знати ни глада, ни жажды,
Ни пожара, ни разоренія—
Ради Пречистыя Матери успенія...»

Какъ приведенное выше преданіе, такъ и этотъ сказъ стиховный, очевидно, выросли на народной почвѣ отъ одного и того-же корня и неразрывно связаны между собою въ сердцѣ тысячелѣтняго богатыря младенчески-чистою вѣрою въ Бога правды и милости и

Его Пречистую Матерь, покрывающую Своимъ благостнымъ покровомъ не только праведныхъ, но и грѣшниковъ, стучащихся въ двери покаянія.

Многовѣковый сельско-хозяйственный опытъ выработалъ въ русскомъ народѣ-пахарѣ завзятаго примѣтовѣда, прилагающаго свой мысленный глазомѣръ ко всякому явленію природы, такъ или иначе связанному съ трудовымъ обиходомъ деревни. Не обошелъ примѣтами этотъ зоркій опытъ и „Спасовыхъ дней“— Успенскаго поста. Кончая трудовой годъ августовской страдою, народная Русь предусмотрительно заглядываетъ впередъ — въ пытливой тревогѣ за новые посѣвы. Если всѣ двѣ недѣли Успеньщины простоятъ ведреныя, это—по слову старыхъ людей—сулитъ добрыя надежды крестьянину; надо ждать хорошаго урожая озимыхъ въ будущемъ лѣтѣ. Вёдро съ 1-го августа по 6-е число — яровина удастся лучше озими. Вторая половина Успенскаго поста ведреная — дастъ Богъ богатую гречиху, всѣмъ на-диво. Дождливые Спасовы дни тоже не предвѣщаютъ особаго худа, если вѣтровъ сильныхъ нѣтъ; но всетаки уже это не то, что ведро. Позднія грозы объ Успеньевомъ говѣньи— примѣта не добрая: хорошо, если по веснѣ не придется перепахивать да пересѣвать озимого поля яровиной. Вѣтры дуютъ буйные — ранній сѣвъ озимой сподручнѣе поздняго, но уже нельзя ручаться пахарю ни за что,—что Богъ попуститъ, то и будетъ. Есть мѣстности, гдѣ въ такую погоду объ Успеньщинѣ поднимаютъ иконы и обходятъ съ молебнымъ пѣніемъ поля въ огражденіе отъ грозящаго лихолѣтья-невзгодья. Молебны служатся при этомъ все Той-же непризрѣнной въ жестокосердномъ селеніи Странницѣ, о Которой поютъ калики-перехожіе свою умилительную пѣснь:

«О, Дѣво, Твое успеніе,
Пріими наше покаяніе
И подаждь намъ радованіе!..»

XIII. Иванъ Богословъ.

Подойдетъ къ концу починающiй послѣднюю треть года сентябрь-листопадъ; начнетъ съ Сергiева, двадцать-пятаго сентябрьскаго, дня зима къ пахарю во дворъ черезъ прясла глядѣть; приспѣетъ пора-время и убирающей деревья багрянцемъ «осенинѣ-матушкѣ» прощаться съ посельщиной-деревеньщиной, свою полевую страду покончившей, не только справившей замолотки, но успѣвшей и закрома зерномъ-житомъ засыпать. И до зазимокъ веселыхъ—Покрова—рукой подать отъ послѣдняго осенняго праздника, дня апостола Іоанна Богослова (26-го сентября), приходящаго въ народную Русь со своими повѣрьями, сказанiями, преданьями и примѣтами. Въ народномъ представленiи этотъ апостолъ Христовъ является заступникомъ вообще всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, а нищихъ-убогихъ — наособицу. Памятуя воспринятыя отъ дѣдовъ-прадѣдовъ связанныя съ нимъ сказанiя, русскiй народъ-хлѣборобъ съ особенной любовью воскрешаетъ послѣднiя въ своемъ воображенiи въ эту пору осеннюю, подводящую итоги всему трудовому году — съ его тяготами и радостями, съ его тревожными ожиданiями, разочарованiями и надеждами. «Спородилъ Господи хлѣбушка, удоволилъ трудничковъ Божiихъ, накормилъ досыта Русь крещоную, что крещоную Русь православную, не оставитъ голоднымъ ни сираго, ни убогаго»,— зачинается старый сказъ объ этомъ радостномъ въ урожайные годы времени. «Какъ идетъ-грядетъ по Святой Руси, по тому-ли простору свѣтлорусскому, святъ-великъ Господень угодничекъ, Спаса Истиннаго сопутничекъ, свѣтъ Иванъ, Иванъ да Богословецъ; онъ идетъ-грядетъ въ тѣ-ли веси посельскiя, во тыи-ли деревни-деревенскiя; онъ идетъ-грядетъ со великою милостью, со Господнею благостью ко всему-ли мiру крещоному,

крещоному міру православному...» — продолжаютъ памятливые сказатели и восклицаютъ:

«Ой, ты, гой еси, святъ-великъ апостолъ.
Ой, ты, гой еси, Иванъ да Богословецъ!
Велико и препрославленно имя твое,
Свято имячко вселенское,
У престола Царя царствующихъ,
Предъ лицемъ Господа господствующихъ;
Уготована ему память вѣчная,
Предстоитъ ему почесть великая,
Неизсякаемая слава всемірная—
Отъ богатаго, сытаго, довольнаго,
Отъ убогаго, голоднаго, сираго.
Ой, ты, гой еси, святъ-великъ апостолъ,
Свѣтъ-Иванъ, Иванъ да Богословецъ!..»

«Падетъ листъ съ дуба—зимѣ готова шуба, придетъ Иванъ Богословъ — нищему пирогъ готовъ!» — подговаривается къ этому старинному сказу пѣсенному деревенское слово крылатое:—«На Богослова — сирота у стола мірского!», «Потерпи, сирота, Богословъ отворитъ ворота, — ворота отворитъ, хлѣбомъ досыта накормитъ!“, «Кто для ради Ивана Богослова нищаго-бездомнаго не удоволитъ, тотъ себѣ царствія Христова не уготовитъ!», «На Богослова нищій сытъ богоданной пищей!», «Пришелъ Иванъ Богословъ — пеки для странника пироги, свою душу береги!», «Отъ Ивана Богослова сыта братія Христова!» Въ этихъ и другихъ, имъ подобныхъ, поговоркахъ-присловьяхъ отразился, какъ въ зеркалѣ, взглядъ русскаго пахаря-народа на великаго апостола, память о которомъ въ народномъ представленіи неразрывно связана съ понятіемъ о неизреченной милости и благости, о надежномъ заступничествѣ передъ Сыномъ Божіимъ за всѣхъ пасынковъ жизни, обойденныхъ временными земными благами— въ чаяніи вѣчнаго блаженства въ томъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни сытыхъ, ни голодныхъ. Но въ еще большей полнотѣ обрисованъ народнымъ

словомъ св. апостолъ Іоаннъ Богословъ въ распѣвающемся каликами-перехожими духовномъ стихѣ, записанномъ чуть-ли не всѣми собирателями словеснаго богатства народнаго на разныхъ концахъ-окраинахъ неоглядной родины пахаря-сказателя—стихѣ, пріуроченномъ ко дню Вознесенія Господня. „...Возносился Христосъ Богъ на небеса со ангелами и со архангелами, съ херувимами и серафимами, со всею силою со небесною",—ведутъ свою пѣсенную рѣчь убогіе хранители-носители образцовъ простонароднаго творчества:

«Расплачется нищая братія,
Расплакались бѣдные-убогіе,
Слѣпые, хромые, голодные:
Ужъ Ты, Истинный Христосъ, Царь Небесный!
Вознесешься Ты, Царь, на небесы,
Вознесешься на небесы со ангелами,
Со ангелами и со архангелами,
Съ херувимами, серафимами,
Со всею силою небесною,—
На кого-то Ты насъ оставляешь,
На кого-то Ты насъ покидаешь?
Ино кто насъ поить-кормить будетъ?
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?..»

За «плачемъ» нищей братіи слѣдуетъ отвѣтъ Истиннаго Христа, Царя Небеснаго: „Не плачьте вы, нищая братія! Оставляю Я вамъ гору золотую, пропущу Я вамъ рѣку медвяную; Я даю вамъ сады-винограды, оставляю вамъ яблони кудрявы; Я даю вамъ, нищая братія, даю вамъ манну небесную. Умѣйте горою владати, промежду себя раздѣляти: будете вы сыты, будете обуты и одѣты, будете тепломъ да обогрѣны и отъ темныя ночи пріукрыты!» Божественныя слова Спасителя исполнили радостью сердца бѣдныхъ-убогихъ, но выступилъ изъ сонма святыхъ апостоловъ, повелъ ко Христу свою рѣчь Іоаннъ Богословъ: «Гой еси, охъ, Господи, Ты, Владыко! Позволь да слово

молвить, не возьми мое слово въ досаду! Не оставливай горы золотыя, не давай Ты рѣки медвяныя. Не оставливай садовъ-виноградовъ, не оставливай яблонь кудрявыхъ, не давай имъ и манны небесной! Горы-то имъ буде не раздѣлите, съ рѣкой-то имъ буде не совладати, винограду-то имъ буде не ошшипати, манны-то имъ буде не пожрати! Зазнаютъ гору князи и бояра, зазнаютъ гору пастыри и власти, зазнаютъ гору торговые гости—наѣдутъ къ нимъ сильные люди и найдутъ къ нимъ немилостивые судьи, не дадутъ имъ этой горой владати, отымутъ у нихъ купцы и бояра, вельможи, люди пребогатые, отоймутъ у ихъ гору золотую, отоймутъ у ихъ рѣку да медовую, отоймутъ у ихъ сады да съ виноградомъ, отоймутъ у ихъ манну небесну; по себѣ они гору раздѣлятъ, по князьямъ золотую разверстаютъ, да нищую братію не допустятъ: много тутъ будетъ убійства, тутъ много будетъ кровопролитства, промежду собой уголовствія; да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися, да нечѣмъ будетъ пріодѣтися и отъ темныя ночи пріукрытися; помрутъ нищіе голодною смертію и позябнутъ холодною зимою! Дай-ка Ты, Христосъ, Царь Небесный, дай-ко-се имъ слово да Христовое; пойдутъ нищіе по міру ходити, Тебя будутъ поминати, Тебя будутъ величати, Твое имя святое возносити. А православные станутъ милостыню подавати! Ино кто есть вѣрный христіанинъ, онъ ихъ пріобуетъ и пріодѣнетъ,—Ты даруй ему нетлѣнную ризу; а кто ихъ хлѣбомъ-солью напитаетъ, даруй тому райскую пищу; кто ихъ отъ темной ночи оборонитъ, даруй въ раю тому мѣсто; кто имъ путь-дорогу указуетъ, незаперты въ рай тому двери! Будутъ они сыты, будутъ обуты и одѣты, они будутъ тепломъ да обогрѣны и и отъ темныя ночи пріукрыты!..“ Дошла мольба заступника бѣдноты-голи подорожной до благостнаго слуха Подателя жизни, восхвалилъ Христосъ Своего великаго апостола:

«Исполать тебѣ, Иванъ да Богословецъ!
Ты умѣлъ со Христомъ да слово молвить,
Ты умѣлъ съ Іисусомъ рѣчь говорити,
Ты умѣлъ слово сказати,
Умѣлъ слово разсудити,
Умѣлъ ты за нищихъ потужити!
За твои умѣльныя за рѣчи,
За твои за рѣчи дорогія,
За твои словеса святыя
Дарую тебѣ уста золотыя,
Въ году тебѣ праздники частые!
Отнынѣ да до вѣку!..»

Вѣковѣчный даръ, ниспосланный нищей братіи по молитвѣ св. Іоанна Богослова — «слово (имя) Христовое»—до сихъ поръ питаетъ, одѣваетъ, отъ темной ночи укрываетъ нищихъ-убогихъ, кормящихся-живущихъ щедротами поливающей своимъ страдовымъ-трудовымъ потомъ Мать-Сыру-Землю посельской-деревенской Руси. Умилительно-трогательный стихъ каликъ-перехожихъ, напоминающій объ оставленномъ имъ Божественномъ наслѣдіи, не мало говоритъ народному сердцу, широко открытому для всего добраго и благостнаго. Но никогда не покидаютъ народа-хлѣбороба его думы о тяжело достающемся хлѣбѣ насущномъ. Такъ и здѣсь стучатся онѣ къ нему въ память. «Кто Ивана Богослова помнитъ да нищаго-убогаго накормитъ—у того рожь-пшеница уродится!», «Подаешь не нищему, а Спасу-Христу да Его Богословцу-апостолу: что подалъ—то и на полѣ нашелъ!», «На Богослова подавай—урожая поджидай!», «Нищаго Богословъ кормитъ—мужику хлѣбецъ въ закромъ гонитъ!», «Божье слово—хлѣбъ нашъ, — соберешь, что подашь!», «На Ивана Богослова корми нищаго—какъ родного: куска не пожалѣешь—въ полѣ успѣешь!», «Урожай въ однолѣтье спорится, а имя Христово до-вѣку хранится!», «Отъ Богословца Ивана—милость міру дана: голоднаго накормилъ—больше жита намолотилъ!» Не мало и дру-

гихъ простонародныхъ изреченій, связывающихъ почитаніе св. Іоанна Богослова съ подачею милостыни и съ ожидаемымъ за это «успѣхомъ въ полѣ», можно услышать до сихъ поръ въ народной Руси, держащейся за «землю-кормилицу», какъ за единственный прочный устой существованія. Твердо памятуетъ о нихъ и сама нищая братія, бродящая по-подъ-оконью, голосящая свое: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Кормилецы наши батюшки, милостивыя наши матушки, сотворите святую милостыньку Христа-ради!», или:

«... ради имячка Христова,
Для Ивана Богослова!»

Приходилось въ разныхъ мѣстностяхъ слышать въ деревенскомъ захолустьи повѣрье, гласящее, что на свой святъ-день о-бокъ съ нищими невидимо ходитъ самъ великій апостолъ Христовъ. Ходитъ онъ неспроста, а приглядывается къ тому, какъ-то на Святой Руси выполняютъ завѣтъ Спаса Истиннаго, — кто нищелюбивъ да милостивъ, за того онъ предъ Господомъ свое «златое слово молвитъ»: «... отъ того-ли слова благословеніе Божіе на весь домъ съ небеси сойдетъ...» Горе скупымъ хозяевамъ, отгоняющимъ въ Богослововъ день нищаго отъ своихъ оконъ со словами: «Богъ подастъ!»: не заступникомъ для нихъ передъ лицомъ Господа явится св. апостолъ, а обвинителемъ, отъ глазъ котораго не укрыться грѣшнику ни съ однимъ потайнымъ грѣхомъ своимъ. Совершенно согласно съ этимъ повѣрьемъ ведется рѣчь въ орловскомъ сказаніи объ Іоаннѣ Богословѣ и Страшномъ Судѣ:

«... И настанутъ дни судные,
Судные дни страшные.
Вострубитъ небесное воинство
Въ тѣ-ли въ трубы громоносныя;
И предстанетъ все многое-множество,
Вся земная подселенная

Передъ тѣмъ-ли Судіей Праведнымъ,
Предъ самимъ Саваоѳомъ Господомъ,—
По правыя руцѣ праведнія,
По лѣвыя руцѣ грѣшнія...
И выступитъ во святыхъ Господніихъ
Батюшка Иванъ Богословъ Христовъ,
Возглаголетъ слово грозное,
Грозное слово великое:
— Нѣтъ отъ Господа прощенія,
Не будетъ отъ Спаса милованія
Сребролюбцамъ немилостивымъ,
Себѣ вѣчную геенну уготовавшимъ,
Вѣчную геенну негасимую!..»

День, посвященный Православной Церковью празднованію памяти св. апостола Іоанна Богослова, во многихъ мѣстностяхъ посельской-деревенской Руси является днемъ совершенно своеобразныхъ, только одному ему присущихъ, обычаевъ. Такъ, напримѣръ, въ Нижегородской, Симбирской и Пензенской губерніяхъ приходилось наблюдать 26-го сентября, какъ богобоязненныя старушки пекли рано поутру особые «подаянные» пироги и пышки съ крестами и выставляли на заваленки передъ хатами—съ тѣмъ, чтобы странники-прохожіе и нищіе могли брать ихъ себѣ, даже не выпрашивая милостыни «именемъ Христовымъ», оставленнымъ, по мольбѣ апостола, въ вѣковѣчное богатое наслѣдіе убогому люду, обойденному судьбой. Въ нѣкоторыхъ селахъ нижегородско-симбирскаго Поволжья (напримѣръ, въ с. Боръ, Семеновскаго у., Вырахъ—Симбирскаго и друг.) эту «тайную милостыню» такъ и называли «богуславьемъ» и не только ставили подъ окнами на улицѣ, но и приносили на церковную паперть,--гдѣ собирается нищая братія въ надеждѣ на сердобольность богомольцевъ. Можно было лѣтъ двадцать тому назадъ,—а можетъ быть и теперь въ держащемся старины захолустьи,—въ этотъ приснопамятный для бездомной бѣдноты день видѣть вокругъ папертей слѣпцовъ-каликъ, сидящихъ передъ чашками

для подаяній и выводящихъ жалобными голосами духовныя стихиры о прощаніи Христа съ землею, объ Иванѣ Богословѣ, о богатомъ и бѣдномъ Лазаряхъ, или такой благодарственный „кантъ“, какъ въ нѣсколько иномъ разносказѣ записанный еще Кирѣевскимъ:

«Ай вы нутетка, ребятушки,
За царей Богу молити,
За весь міръ православный!
Кто насъ поитъ, кто насъ кормитъ,
Обуваетъ, одѣваетъ,
Темной ночи сохраняетъ!
Сохрани его Господь Богъ
Отъ лихого человѣка,
Отъ напраснаго отъ слова
Для Ивана Богослова:
Сохрани, Господь, помилуй!
Что онъ молитъ, что онъ проситъ—
Создай, Господи всепѣтый,
На усладу, на отраду!
Сохрани, Господь, помилуй!
При пути да при дорогѣ
Отъ бѣгущаго отъ звѣря,
Отъ ползучаго гадъ-змѣя!
Накрой, Господи, радѣльца
Пеленой Своей святою!
Сохрани, Господь, помилуй
Ради имени Христова!»

По церквамъ въ Богослововъ день повсюду пѣлись молебны передъ иконою св. апостола; не на рѣдкость было видѣть, какъ эти молебны служились по просьбѣ нищей братіи, отдававшей на нихъ послѣднюю лепту отъ своего ничѣмъ, кромѣ имени Христова, не покрытаго убожества. Въ придорожныя часовни, гдѣ стоятъ иконы Іоанна Богослова, еще и теперь на Волгѣ приносятъ благочестивые люди въ посвященный его памяти день посильные дары, состоящіе изъ тѣхъ-же „подаянныхъ-богуславныхъ“ пироговъ, концовъ холста, лаптей и тому подобныхъ нехитрыхъ предметовъ крестьянскаго-деревенскаго достатка. Все это предназначается

въ пользу покровительствуемыхъ чествуемымъ угодникомъ Божіимъ бѣдняковъ, лишенныхъ крова и пропитанія. Старые домовитые хозяева выходятъ послѣ обѣда за околицу и поджидаютъ убогихъ прохожихъ, зазывая ихъ къ себѣ—покормиться, „чѣмъ Богъ послалъ",—такъ какъ въ этотъ день въ обычаѣ даже готовить обѣдъ не только для семьи и гостей, но и „на убогую долю". Считается доброй примѣтою, если къ этому званому обѣду соберется въ хатѣ много нищаго-бездомнаго люда: „Богъ благословилъ, Богословъ намолилъ",—говорятъ хозяева: „посѣтилъ Христосъ Своей милостью!" Существуетъ передающееся отъ временъ сѣдой старины стародавней повѣрье, что къ прогнѣвавшимъ Бога своими грѣхами жестокосерднымъ людямъ даже не зайдетъ въ Богослововъ день ни одинъ странникъ-скиталецъ, питающійся Христовымъ наслѣдіемъ, и на нихъ въ деревенской глуши такъ и смотрятъ—какъ на обреченныхъ немилости Господней. „Либо пожаръ случится, либо хлѣбушко въ полѣ не уродится",—приговариваютъ осчастливленные убогими гостями сосѣди, крѣпко вѣруя въ непреложность воспринятаго отъ богобоязненныхъ дѣдовъ-прадѣдовъ благочестиваго преданія, поддерживающаго въ простодушныхъ умахъ увѣренность въ спасительной силѣ состраданія къ обремененному житейскими невзгодами ближнему. „Не всякая милостыня угодна Богу!"—гласитъ многовѣковая мудрость деревни: „Отъ злодѣя и милостыня во зло живетъ!", „Не съумѣй нажить—съумѣй благотворить!", „Другой кусокъ и изъ сумы у нищаго выскочитъ да поперекъ горла встанетъ!", „Милостыня милостынѣ рознь—другую хоть вовсе брось!", „Отъ доброй души и съ черствой корки сытъ будешь, отъ злого сердца и пирогомъ подавишься!", „Подать-то бы подалъ Ѳадѣй, да Богъ не приметъ отъ тебя, лиходѣй!", „Отъ дурной головы и нищій сторонится!", „Не нищему подаешь, а Богу,—знай, какъ подать не-

богу!“, „Гдѣ сытъ нищій, тамъ Богъ взыщетъ (милостью)!“, „Не въ томъ сила, что богатъ, а въ томъ, что тебѣ каждый нищій—братъ!“, „Куда нищій взошелъ— туда Богословъ привелъ!“ и т. д. И всѣ эти поговорки-присловья подсказаны однимъ и тѣмъ-же представленіемъ о томъ, что „молитва да милостыня со дна моря подымаютъ“, что грѣшнѣй-безбожнѣе всѣхъ живущихъ на бѣломъ свѣтѣ тотъ человѣкъ богатый, который, по словамъ народнаго стиха духовнаго:

«...про имене Христово не подавалъ,
Нищихъ-убогихъ не принималъ,
Вдовицъ-сиротъ не призиралъ,
Ночнымъ ночлегомъ не укрывалъ,
Нагого-босого не одѣвалъ,
На пути блуждавшаго не провождалъ,
Темную темницу не просвѣщалъ,
Ивану Богословцу не подражалъ...»

Богатые-довольные,—гласитъ народное слово,—„на земли ублажаются“, а бѣдные-убогіе „во пресвѣтлыемъ раи прославляются“. Въ сытости-праздности „улавливаетъ врагъ“, въ бѣдности-труженичествѣ „утверждаетъ вѣрою и любовію Отецъ праведныхъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ“, о Которомъ сложились въ народной Руси такія пережившія вѣка изреченія, какъ: „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!“, „Богъ все видитъ, да не скоро скажетъ!“, „У Бога нищій—первый богачъ!“ Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отразилось во всей чистотѣ истинно-народное міросозерцаніе, зиждущееся на добрыхъ завѣтахъ старины— при всей наличности пережитковъ темнаго суевѣрія имѣющихъ въ своей основѣ три вѣковѣчныхъ устоя: правду, любовь и вѣру.

Съ именемъ св. Іоанна Богослова связано во многихъ мѣстностяхъ преданіе объ источникахъ „живой воды“. Какъ Николаю-чудотворцу и Иліи-пророку, ему приписывается происхожденіе такъ называемыхъ „гре-

мячихъ", выбивающихъ изъ каменной горной породы, ключей-родниковъ. Это вполнѣ объяснимо изреченіемъ народа, гласящимъ, что „кто жаждущаго напоитъ,— тотъ Божій человѣкъ!" Какъ покровитель скитающагося-бездомнаго, голоднаго-холоднаго люда, онъ, по народному представленію, не могъ оставить безъ вниманія и томящихся жаждою путниковъ, питающихся именемъ Христовымъ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія близъ с. Ртищевой-Каменки, Симбирскаго уѣзда, ходило по окрестнымъ деревнямъ и селамъ любопытное, не лишенное самобытной поэзіи, сказаніе. Шли путемъ-дорогою семь каликъ-перехожихъ, семь убогихъ странниковъ,—повѣствовало оно: шли, прошли они, притомилися, притомилися—возжаждали. Солнышко лѣтнее припекало съ высоты небесной, словно сжечь хотѣло своими лучами всю живую тварь земную. Кругомъ ни кустика тѣнистаго. Степь широкая—и конца не видно ей. И нигдѣ-то нѣтъ ни жилья встрѣчнаго, ни рѣчки-ручья подорожнаго... Притомились путники, нечѣмъ горла промочить престарѣлой нищей братіи: что ни шагъ—все сильнѣе жажда, все неотступнѣе, не въ моготу и путь держать по безлюдной дорогѣ, солнцемъ вызженной. И началъ тутъ одинъ убогій старецъ Бога молить: „Не дай, Господи, погибнуть отъ жажды безъ покаянія, безъ Твоего Спасова святого причащенія!" Слезно всплакались всѣ семь каликъ-перехожихъ, зноемъ сожигаемые, жаждой горючею палимые; а старецъ все причитаетъ-молится: „Пошли, Господи, съ небеси Твоего святого апостола, Богослова Ивана великаго, нищей братіи заступника! Святъ-великъ угодникъ Божій, Иванъ-свѣтъ да Богословецъ, омочи палецъ-мизинецъ въ райскихъ рѣкахъ медвяныихъ, погаси огонь, душу странника сожигающій, не для ради земного услажденія, а для ради Христова произволенія, не для ради человѣческаго пропитанія, а

для ради послѣдняго спокаянія!“ И вдругъ видятъ убогіе путники—стоитъ среди нихъ мужъ, взоромъ свѣтелъ и ликомъ благостенъ: „Азъ—посредѣ васъ!“—донеслось до истомленнаго слуха старцевъ. И былъ этотъ свѣтлый-благостный мужъ не кто иной, какъ самъ святой Христовъ апостолъ—Іоаннъ Богословъ. Пали передъ нимъ ницъ калики-перехожіе и опять услышали слово посланца небеснаго: „Ой, вы, старцы убогіе, перехожіе калики-странники! Блаженъ, кто напоитъ жаждущаго чашею студеной воды! Возжаждали вы, возмолилися,—и внялъ Истинный Спасъ моленію рабовъ Своихъ... Возстаньте отъ праха земного! Миръ вамъ и спасеніе!“ Поднялись калики-перехожіе, смотрятъ—нѣтъ возлѣ нихъ мужа свѣтлаго-благостнаго, словно его и не было; а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ онъ, выбиваетъ изъ раскаленнаго солнцемъ камня родникъ живой. Припали къ водѣ странники, утолили жгучую жажду водой студеною. Возблагодарили они Подателя благъ и Его великаго апостола, пошли дальше путемъ-дорогою, славя Бога во святыхъ Его. Долго-ли, коротко-ли, шли-прошли они—передъ ними деревня-поселокъ. Остановились убогіе посреди улицы, кликнули кличъ къ посельщинѣ-деревеньщинѣ. Собрался народъ на зовъ старческій—смотритъ-шумитъ-дивуется: а и что-де каликамъ надобно? Разсказали странники о великомъ чудѣ,—повалилъ-валомъ за ними деревенскій людъ назадъ путемъ-дорогою. Пришли къ вечеру на степь широкую-безводную, гдѣ явился старцамъ апостолъ Христовъ, глядь—и впрямь—бьетъ изъ камня гремячій ключъ... „На томъ мѣстѣ крестъ поставили“,—кончается сказъ.

По всей вѣроятности, не мало подобныхъ этому преданій ходитъ въ народѣ по неоглядному простору свѣтлорусскому, гдѣ свято чтится память апостола Іоанна Богослова. Нѣкоторыя подробности приведеннаго сказанія, очевидно, заимствованы простодушнымъ

повѣствователемъ, затерявшимся въ глубинѣ моря народнаго, изъ духовнаго стиха о богатомъ и бѣдномъ Лазаряхъ. Достаточно для этого сравнить съ мольбою-плачемъ старца-калики то мѣсто стиха, гдѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ ввергнули грозные ангелы душу умершаго богача-грѣшника въ темную бездну („въ тое злую муку, въ геенскій огонь“), поднявъ взоръ, увидѣлъ онъ на лонѣ праведныхъ младшаго брата—убогаго Лазаря—и воззвалъ къ нему, умоляя омочить палецъ въ водѣ потоковъ райскихъ и поднести къ его запекшимся отъ жажды устамъ. Это заимствованіе, однако, не лишаетъ и симбирскаго сказанія его неприкрашенной самобытности и яркой образности. Связавъ то и другое, народъ-сказатель только подчеркнулъ свой взглядъ на неизмѣнное предстательство чтимаго апостола предъ престоломъ Господнимъ за страдальцевъ земной жизни. И въ этомъ сопоставленіи онъ остался вѣренъ себѣ—какъ всегда и во всемъ касающемся его завѣтныхъ думъ и мечтаній. Многочисленныя часовенки съ иконами св. Іоанна Богослова, поставленныя надъ родниками въ разныхъ концахъ Руси, краснорѣчиво подтверждаютъ повсемѣстность связи народнаго представленія объ этомъ апостолѣ Христовѣ съ его заботами о жаждущихъ путникахъ, застигнутыхъ зноемъ въ дорогѣ. Явнымъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить и слѣдующая, записанная близъ с. Жегулей, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, бурлацкая пѣсня:

«Притомились руки-ноженьки,
Нѣтъ конца пути далекому,
Края нѣтъ пути безводному,
Степь широкая огнемъ горитъ,
Небо пышетъ краснымъ заревомъ;
Капли нѣтъ волны студеныя,
Не пройти надъ степью дождичку...
Бурлаки идутъ прохожіе,
Перехожіе все путнички...
Нѣтъ крохи во рту, горма-горитъ

Грудь бурлацкая—что въ полымѣ.
Ой, испить-бы, погасить пожаръ,
Ой, залить-бы пламя-полымя!
Притомились руки крѣпкія,
Притоптались рѣзвы ноженьки.
Ты раздайся, небо ясное,
Ты пролейся на-земь дождичкомъ!
Разступись ты, Мать-Сыра-Земля,
Ты забей, забей, гремячъ родникъ,
По тому-ли слову Божьему,
Разбей камень—бѣлъ-Иванъ-камень!..»

„Бѣлъ-Иванъ-камень“ этой поволжской пѣсни, очевидно, сложившейся гдѣ-нибудь въ степномъ нагорьи, заключаетъ въ себѣ ясный намекъ на связь ея содержанія съ тѣмъ-же самымъ представленіемъ русскаго народа объ Іоаннѣ Богословѣ, о которомъ нѣсколько разъ уже говорилось выше,—тѣмъ болѣе, что о немъ упоминается непосредственно вслѣдъ за „словомъ Божьимъ“. Бурлаки являются здѣсь тоже до нѣкоторой степени каликами-перехожими, застигнутыми въ пути знойной жаждою, отъ которой „горма-горитъ“ грудь.

Есть мѣстности на Поволжьѣ, гдѣ родники, осѣненные часовнями съ образомъ покровителя нищей братіи, служатъ для простодушно-суевѣрнаго деревенскаго люда цѣлебными источниками. Къ нимъ приносятъ одержимыхъ „огневицею“ дѣтей и, погружая послѣднихъ въ воду, молятъ „батюшку Ивана-Богослова“ объ исцѣленіи болящихъ. „Батюшка Иванъ Богословъ“, — причитаютъ при этомъ сердобольныя матери, — святъ-великъ Господній угодникъ, молви слово Божіе, исцѣли младенца болящаго! Отгони, апостолъ Христовъ, твоимъ Христовымъ именемъ болѣсть лютую, огневицу-трясавицу летучую! Великъ ты, батюшка Иванъ Богословъ, у престола небеснаго, надо многимъ тебя Царь Небесный поставилъ: воленъ ты надъ силами бѣсовскими, надъ болѣстями-

притками, надо всѣми сестрами-лихоманками. Яко таетъ воскъ отъ лица огня, такъ отбѣгаютъ предъ твоей святой силою трясуха, гнетуха, кумохà, китюха желтуха, блѣднуха, ломота, маяльница, знобуха, огневая и безыменная. Батюшка Иванъ Богословъ, запри замками желѣзными болѣсть младенца болящаго,—чтобы она въ него не ходила, ангельскую душеньку не палила! Молви слово Божіе, то-ли Божіе слово Господнее! Крѣпокъ на морѣ-окіянѣ, на островѣ Буянѣ камень алатырь; крѣпче твое слово Божіе. Чуръ меня, чуръ младенца болящаго! Аминь". Этотъ причетъ, — переходяшій изъ молитвы въ заговоръ, изъ заговора снова въ молитву, — конечно, не единичный въ русской простонародной „словесной лѣчебной наукѣ", представляющей удивительную смѣсь христіанскаго благочестія съ темными пережитками древнеязыческаго суевѣрія.

Деревенскія лѣкарки-знахарки собираютъ камушки возлѣ „богословскихъ" родниковъ, пользуясь ими, какъ лѣчебнымъ средствомъ, при самыхъ разнообразныхъ болѣзняхъ какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ. Бродящее впотьмахъ простонародное суевѣріе придаетъ этому „цѣлебному средству" особо важное значеніе въ день св. Іоанна Богослова. Принесетъ старуха съ гремячаго ключа водицы, нальетъ ее въ посудинку черезъ камушекъ, пошепчетъ надъ нею и, благословясь, дастъ выпить больному. „Какъ рукой сыметъ болѣсть",— увѣряетъ деревня. То-же самое говоритъ она и о тѣхъ случаяхъ врачеванія, когда лѣчейки спрыскиваютъ такой водою „отъ сглазу", „отъ притки", „отъ порчи" и тому подобныхъ, исключительно деревенскихъ, страданій, несмотря на усиленное и цѣлые вѣка не прекращающееся пользованіе средствами знахарей и знахарокъ, до сихъ поръ не переводящихся въ русскомъ народѣ.

„Богословской водицѣ" нѣкоторыми деревенскими

всезнаями придается даже сила, оберегающая хаты-дворы отъ пожаровъ, а поля отъ засухи. Съ первой цѣлью старые люди ставятъ пузырьки съ нею подъ застрехи крышъ, а со второй—зарываютъ ихъ въ землю, на перекресткѣ межниковъ. „Святъ-великъ угодникъ Божій, свѣтъ Иванъ Богословъ, напояешь водою ты странника жаждущаго, угашаешь огневицу лютую,—обереги ты, батюшка апостолъ Христовъ, домъ мой отъ огневого попущенія, залей-загаси-пожарище!"—приговариваютъ въ одномъ случаѣ. „Какъ не изсякаетъ вода живая словесъ твоихъ, такъ не изсякнуть-бы и водамъ земнымъ на этомъ полѣ зеленомъ! Упаси, батюшка святъ-великъ апостолъ Христовъ, отъ засухи, отъ глада, отъ попущенія лютаго!"—причитаетъ поселыцина-деревеньщина, прибѣгая къ заступничеству св. Іоанна Богослова—въ своихъ тревожныхъ надеждахъ на урожай хлѣбовъ.

Простонародное суевѣріе идетъ еще дальше въ своемъ преклоненіи предъ силою молитвы покровителя всѣхъ труждающихся и обремененныхъ житейскими невзгодами. Такъ, есть мѣстности, гдѣ старые люди совѣтуютъ брать съ собою въ путь тѣ-же камушки, о которыхъ только-что велась рѣчь: охраняетъ, по ихъ словамъ, это не только „при пути при дорогѣ, при темной при ночи, отъ бѣгучаго отъ звѣря, отъ ползучаго отъ змѣя", но и ото всякаго лихого человѣка, промышляющаго подорожнымъ грабительствомъ. Такимъ образомъ, если прослѣдить за всѣми повѣрьями, связанными съ именемъ св. Іоанна Богослова по разнымъ концамъ народной Руси, то окажется, что русскій народъ своимъ мысленнымъ взоромъ видитъ въ немъ заступника-защитника чуть-ли не ото всякихъ бѣдъ и бѣдствій, могущихъ столкнуться съ нимъ на тернистомъ житейскомъ пути.

Въ тѣхъ селахъ, гдѣ существуютъ храмы во имя этого апостола Христова, обычные храмовые-престоль-

ные праздники сопровождаются празднествами, затягивающимися до самаго Покрова (1-го октября). „Богослова празднуетъ“ деревня не менѣе прилежно, чѣмъ „зимняго Николу“ (6-е декабря), о которомъ даже сложились выраженія въ-родѣ „николить, заниколить“ и т. п. На эти празднества съѣзжаются родные и знакомые со всѣхъ окрестныхъ приходовъ. Празднующіе сельчане готовятся ко встрѣчѣ гостей загодя: варится пиво, рѣжутся барашки, привозится съ ближняго базара разная, не потребляющаяся въ другое время въ крестьянскомъ быту, снѣдь. „День Богослова встрѣчаютъ, два празднуютъ да два провожаютъ!“ — говорятъ сельскіе краснобаи: „Проводили Богослова—Покрова встрѣтили!“, „Богословы Покрову дорожку торятъ, зиму встрѣчаютъ, пивомъ-бражкой поливаютъ: не будь, матушка-зима, больно студена, не будь вьюжлива, не будь нуждлива!“

Въ черноземной полосѣ Россіи, поближе къ полуденному югу, въ нѣкоторыхъ округахъ водятся особые „богословскіе“ хороводы, неразрывно сливающіеся съ послѣдними—„покровскими“; но они ничѣмъ особеннымъ не отличаются ото всѣхъ другихъ осеннихъ, провожающихъ „осенину-матушку“. Разница только въ томъ, что „дѣвушки красныя“ во время нихъ еще зорче прежняго приглядываются къ „добрымъ молодцамъ“, выглядая-высматривая между ними жениховъ. Да это и не мудрено,—стоитъ только вспомнить о пріуроченныхъ къ этому времени поговоркахъ-присловьяхъ, то-и-дѣло повторяющихся вокругъ зазимокъ: „Батюшка Покровъ, кроешь ты землю и воду, покрой и меня молоду!“, „Бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ: не меня-ль молоду замужъ снаряжаетъ?“ и т. д. Всему въ народной Руси—свое время, свой часъ: какъ трудовой страдѣ, такъ и красному праздничку. Въ с. Хохловкѣ, Симбирскаго уѣзда, записана въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія непосредственно

относящаяся къ связи „Богослововъ“ (праздника) съ „Покровомъ“ свадебная пѣсня, поющаяся въ это время на сговорахъ:

«Богословы—Покрову сродни живутъ,
Праздникъ—праздничку родимый братъ.
Ужъ какъ мы братовъ попраздновали,
По рукамъ сваты ударили,
Красныхъ дѣвушекъ всѣхъ пропили,
Всѣ-то свадебки наладили,
Пивомъ хмѣльнымъ пріумылися,
Брагой сыченой окачивались,
Путь-дорожку приукатывали
Ко тому-ль ко храму Божію—
Отъ честныхъ пирковъ ко свадебкѣ,
Ко вѣнцу-ли вѣковѣчному»...

Но не въ одномъ только этомъ отношеніи связываетъ-братаетъ народная Русь Богослововъ съ Покровомъ: почти однѣ и тѣ-же сельско-хозяйственныя примѣты пріурочиваются у нея и къ тѣмъ, и къ другому. „На Богословы дождь—будетъ спорѣе поздняя (поздно посѣянная) рожь!“,—говорятъ умудренные опытомъ отцовъ и дѣдовъ хозяева, своему дому заботники, своей семьѣ работники. „Покровъ съ дождемъ—позднихъ хлѣбовъ подождемъ!“—перекликается съ этой другая примѣта. „На Богословы снѣгъ—ранній сѣвъ въ сусѣкъ (закромъ)!“, „Покрову безъ снѣга пировать—поздно сѣвъ пересѣвать (по веснѣ)!“, „Отъ Ивана Богослова къ Покрову урожай везутъ!“, „Богословъ Бога помолитъ, Покровъ хлѣбушкомъ удоволитъ!“, „Богослова празднуй, Покрову молись: хлѣбецъ въ полѣ уродись!—Оба мужику заступники!“ и т. д. Если, по средневолжской примѣтѣ, съ Богословова на Каллистратовъ (27-е сентября) день краснымъ полымемъ горитъ вечерница-заря—примѣта добрая: будутъ умолотисты овсы къ будущей осени. Съ Покрова Пресвятыя Богородицы на „Купріяновъ“ день (память священномученика Кипріана, 2-е октября) старые пахари при-

мѣчаютъ то-же самое. А не даромъ говоритъ народная мудрость, что „каковъ попъ—таковъ и приходъ, какая примѣта—таковъ и урожай“. Потому-то она и приглядывается съ вполнѣ объяснимой тревогою къ явленіямъ окружающей деревню природы въ эти переходные отъ осени къ зимѣ дни. „Что осень зазимкамъ скажетъ, то къ другой осени и въ закромъ у мужика ляжетъ!“, „Примѣчай по осени къ зимѣ—не потянешься къ сумѣ!“, „Отъ Богослова до Богослова—крѣпко знахарево (не лѣчейки, а просто знающаго человѣка) слово!“—заключается неразрывнымъ звеномъ пестрая цѣпь примѣтъ, повѣрій, сказаній и преданій народной Руси, связанныхъ въ ея представленіи съ именемъ угодника Божія, къ которому она въ простодушномъ творческомъ порывѣ обращается со словами чисто былиннаго склада:

«Исполать тебѣ, Иванъ да Богословецъ!
Ты умѣлъ со Христомъ да слово молвить!»

Этимъ возгласомъ народъ какъ-бы включаетъ великаго апостола Христова въ родную семью своихъ богатырей—„радѣльниковъ-печальниковъ“ Земли Русской.

XIV. Кузьминки.

Въ пестромъ кругу русскихъ простонародныхъ праздниковъ, являющихся въ своей основѣ пережитками древнеязыческаго суевѣрія, далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ „Кузьминкамъ“—дню, посвящаемому Православной Церковью памяти святыхъ безсребренниковъ Косьмы и Даміана (1-му ноября). Встарину этотъ день, несомнѣнно, еще болѣе, чѣмъ теперь, выдѣлялся въ изустномъ деревенскомъ мѣсяцесловѣ своей самобытностью; но и до сихъ поръ пріурочивается къ нему въ посельскомъ захолустьи не мало своеобразныхъ, только ему одному присущихъ, обы-

чаевъ, повѣрій и сказаній. На памятливомъ къ всему завѣщанному дѣдами-прадѣдами среднемъ Поволжьѣ еще какихъ-нибудь лѣтъ двадцать тому назадъ приходилось наблюдать явственные слѣды непосредственной связи этого зимняго праздника народной Руси съ тѣмъ, что запечатлѣвало въ памяти народа-пахаря представленіе объ этомъ днѣ въ отдаленныя, затонувшія во мракѣ вѣковъ, времена, когда живы были давно утратившія свой прямой смыслъ воспоминанія объ обожествлявшихся силахъ природы, отовсюду обступающихъ бытовой обиходъ деревни—то грозныхъ-зловѣщихъ, то ласковыхъ-заботливыхъ. По всей вѣроятности, и теперь еще не могли изгладиться эти, глубокими бороздами проведенные въ народномъ представленіи о сущности вещей, слѣды временъ давно минувшихъ, слившіеся въ суевѣрномъ воображеніи съ просвѣтленнымъ лучами христіанства міросозерцаніемъ.

Еще загодя, съ послѣднихъ дней октября-назимника, начиналъ готовиться деревенскій людъ къ своему починающему ноябрь-мѣсяцъ празднику, въ стародавнюю пору бывшему не только — какъ теперь— „бабьимъ днемъ“, но сопровождавшемуся и всенародными мольбищами-игрищами, вызывавшими нареканія строгихъ проповѣдниковъ слова Божія своимъ языческимъ складомъ. Еще и теперь собирается деревенскій людъ „покузьмить“ честь-честью съ „Зиновѣевъ“ (30-го октября, пам. св. мучениковъ Зиновія и Зиновіи), слывущихъ на языкѣ крестьянской дѣтворы, охочей до всякихъ праздниковъ, днемъ „зинекъ“-синичекъ, какъ благодáря своему случайному именному совпаденію, такъ и потому, что—какъ замѣчено сельскими примѣтовѣдами-наблюдателями — какъ-разъ къ этому времени появляются въ деревнѣ зимнія щебетуньи-гостейки цѣлыми стаями. „За моремъ синичка не пышно жила, не пышно жила — пиво варивала...“ — звонкими го-

лосами припѣваютъ, бѣгая по задворкамъ и гумнамъ, объ эту пору малыши, будущіе пахари, а домовитые хлѣбосолы - хозяева и впрямь начинаютъ заваривать пива къ приходу веселыхъ въ хлѣбородные годы Кузьминокъ. „Пришли Зиновѣи—Кузьма-Демьянъ пива проситъ!“,—подговариваются къ этому бражники-краснобаи. „Зинька-синичка — пить-пить, пора сусло-пиво варить!“, „Полно, баба, холсты синить, время пива варить!“, „На Зиновѣи—вѣтрà-суховѣи, нечѣмъ зинькѣ горло промочить, не пора-ли сусло хмѣлемъ заморить?“ и т. д. Если мало-по-малу и отходитъ въ область преданій добраго стараго времени общественная-мірская варка праздничнаго пива цѣлой деревнею,—то у рѣдкаго мало-мальски хозяйственнаго зажиточнаго мужика въ хатѣ не хлопочутъ въ эти дни бабы-стряпухи о томъ, чтобы на Кузьминки было вокругъ чего побесѣдовать - „покузьмодемьянить“, не давая пересохнуть горлу. Еще и теперь не потеряли своей силы въ примѣненіи къ деревенскому обиходу старинныя поговорки-прибаутки: „Зиновѣи Кузьмѣ сусло прочатъ, Демьяну пиво сытятъ!“, „На Зиновѣи безъ сусла—въ домѣ пусто, на Кузьминки безъ пива—дивное диво!“.

Многіе находятъ въ это время, что, если есть трудовое засилье—не грѣхъ и праздникъ встрѣтить-провести честь-честью, по заведенному хлѣбосольной-гостепріимною стариной. Не мимо-де слово молвится, что „безъ зелена вина—пиръ-бесѣда не полна, безъ сыченой браги — нѣтъ въ сердцѣ отваги, безъ хмѣльнаго пива — вокругъ стола сиротливо“, — тѣмъ болѣе, что не изгладилась въ памяти народной Руси сложившаяся-спѣвшаяся въ давнія времена пѣсня, еще и теперь повторяемая-распѣваемая въ цѣломъ рядѣ разнопѣвовъ на деревенскихъ бесѣдахъ-посидѣлкахъ по деревенскому захолустью средняго Поволжья (въ Казанской, Симбирской и сосѣднихъ съ этою уѣздахъ Самарской губерніи):

«Шла-пришла зима студеная,
Зима-зимская холодная,
Со снѣгами со сыпучими,
Со вьюгой да со мятелицей—
Съ Покровомъ пришла да съ батюшкой,
Да съ Казанскою Заступницей,
Со Кузьмами-ли съ Демьянами...
Пришла зимушка студеная,
Закрутила завирюхою,
Позасыпала сугробами
Всѣ пути да всѣ дороженьки,
Всѣ околицы посельскія,
Посельскія-деревенскія,—
По загуменью прошла зима,
Сосчитала всѣ одоньица,
У двора остановилася,—
Смотритъ въ окна зима-зимушка:
Ужъ и чѣмъ-то Кузьму чествуютъ,
Ужъ и какъ Демьяна празднуютъ...»

Словно отвѣчая на эту, обрывающуюся, какъ-будто незаконченную, пѣсню, подговаривается къ ней другая— подслушанная собирателями простонароднаго творчества на сѣверной - архангельской окраинѣ свѣтлорусскаго простора неоглянднаго. Она подходитъ ближе къ сути дѣла и начинается прямо съ вопроса: „А и чѣмъ Кузьму, ахъ и чѣмъ Кузьму, чѣмъ-то намъ Демьяна чествовати, какъ Кузьмѣ-Демьяну гащивати?“ Отвѣтъ, непосредственно слѣдующій за этимъ вопросомъ пѣсеннымъ, какъ-будто подсказанъ народу-пѣснотворцу его бытовымъ обиходомъ праздничнымъ, общимъ для всѣхъ концовъ-окраинъ Великой, Малой и Бѣлой народной Руси. „Будемъ-станемъ Кузьму, будемъ-станемъ Кузьму, станемъ-будемъ честью чествовати...“ Каково-же это „честью чествованье“, явствуетъ изъ дальнѣйшаго:

«Въ честь Кузьмы пивà заваривали;
Въ честь Демьяна брагу сытили;
Закузьмила-задемьянила
Вся посельщина посельская,

Вся деревня деревенская:
Въ каждомъ домѣ—пиръ-бесѣдушка,
Столованьице веселое...
Со того-ли со весельица,
Со тыихъ пировъ-бесѣдушекъ
Мужики всѣ порасхвастались—
Кто своимъ честнымъ богачествомъ,
Кто семейкой работящею,
Кто невѣстой—красной дѣвицей,
Женихами-сыновьями-ли,
Кто засильемъ, кто заботами...
Со того-ли со весельица,
Со тыихъ пировъ-бесѣдушекъ
Красны дѣвушки распѣлися,
Добры молодцы удалые—
Кто запѣлъ, а кто и въ плясъ пошелъ...»

Заканчивается „кузьмодемьянская" пѣсня почти дословно такъ-же, какъ и началась, завершая и по содержанію, и по „голосамъ" полный кругъ: „А и всѣмъ Кузьму, ахъ и всѣмъ Кузьму, всѣмъ-то мы Демьяна чествовали, веселó Демьяны гащивали, веселѣй того кузьминили, честью-честь встрѣчали праздничекъ, провожали - похмѣлялися..." Если судить какъ по этой пѣснѣ, такъ и по приведеннымъ выше прибауткамъ, присловьямъ и поговоркамъ, то можно подумать, что ничѣмъ инымъ, кромѣ обычныхъ для всякаго другого крестьянскаго-деревенскаго праздника „веселыхъ пировъ-бесѣдушекъ" съ подобающими послѣднимъ возліяніями, и не запечатлѣваются „Кузьминки" въ народной памяти. На самомъ же дѣлѣ это обстоитъ далеко не такъ. Пиры-бесѣды — пирами-бесѣдами, какъ внѣшняя-обстановочная сторона „чествованья" гостей, приходящихъ по свѣжеукатанной зимней дорожкѣ на любящую „веселіе" Русь. Но о-бокъ съ ними не забывается и современною праздничающею въ завершеніе своего тяжкаго трудового года деревнею другая, внутренняя сторона этого стариннаго краснаго-праздничнаго дня, проходящаго почти незамѣтно въ городахъ

и въ подгородной, день-ото-дня ослабѣвающей памятованіемъ стародавняго житейскаго уклада, округѣ, все болѣе и болѣе сторонящейся отъ пережитковъ прошлаго, запѣвающей новыя, зачастую не имѣющія ничего общаго съ народнымъ русскимъ духомъ, пѣсни. Бытовая и обрядовая стороны этого простонароднаго праздника даютъ просторъ заключеніямъ какъ напоминающимъ о первоисточникахъ русскихъ суевѣрій, такъ и предоставляющимъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ любопытную послѣдовательность ихъ видоизмѣненій.

Суевѣрныя, отдающія дань пережиткамъ позабытаго язычества, представленія идутъ въ народной Руси рука-объ-руку съ чисто христіанскими понятіями, переплетаясь другъ съ другомъ въ довольно странную и непонятную на первый взглядъ пестроцвѣтную вязь, полную противорѣчій, удивительнымъ образомъ уживающихся между собою. Главная тяга переносится при этомъ на позднѣйшія, болѣе свѣтлыя и ясныя, наслоенія, — оставляя на долю первыхъ почти только смыслъ одной обстановочной самобытности. Особенно замѣтно это въ народномъ словѣ-сказаніи, гдѣ—воплощенныя въ болѣе или менѣе яркіе образы прошлаго—возстаютъ передъ мысленнымъ взоромъ сказателя завѣтныя стороны русскаго народнаго духа—этой стихійной-вѣковѣчной силы, надъ которою не властны ни измѣнчивыя вѣянія временъ, ни постороннія, не связанныя кровно съ корнями народной жизни, вліянія.

Святые братья-безсребренники, Косьма и Даміанъ, слившіеся въ русскомъ простонародномъ представленіи въ одинъ нераздѣльный обликъ „Божьяго кузнеца Кузьмодемьяна“, чествуются-памятуются въ народной Руси прежде всего какъ одни изъ покровителей земледѣльческаго труда, которымъ только и живъ народъ-пахарь, въ потѣ лица—по завѣту Господню—добывающій себѣ хлѣбъ насущный. Старинное сказаніе, распредѣляющее между угодниками Божіими ихъ права

и обязанности по отношенію къ людямъ, не обошло молчаніемъ и эту святую двоицу. Роздалъ Богъ Саваоѳъ на небесахъ всѣ удѣлы земные святымъ Своимъ, хотѣлъ уже и опочить отъ трудовъ праведныхъ,—какъ вдругъ предстали предъ всевидящимъ окомъ Его двое святыхъ Божіихъ. Это были Косьма и Даміанъ, только-что воспріявшіе вѣнецъ мученическій. Увидѣлъ братьевъ-мучениковъ Творецъ-Вседержитель,—повѣствуетъ народъ-сказатель, — увидѣвши, промолвилъ слово Господне: „А и гдѣ вы были, гдѣ въ пути-дорогѣ запоздnилися, святые Мои угодники?“—„Были мы, Господи, на землѣ, шли по тернистой стезѣ, творили дѣло Божіе, то-ли Божіе дѣло великое—врачевали болящихъ, цѣлили хромыхъ, слѣпыхъ, убогихъ, не вѣдая ни бѣднаго, ни богатаго!“—„А и велика-ли была вамъ, святые Мои угодники, награда на земной стезѣ?“—„Чаша страданія, на Тебя, на Царя Небеснаго, упованіе!“—„А и честь вамъ хвала, святыя Мои угодники! Не лишили вы себя Моея великія и богатыя милости: кто пострадалъ во имя Мое на землѣ—будетъ славенъ на небеси. Пріидите на лоно Авраамово, и Азъ упокою вы въ селеніяхъ горніихъ, въ созерцаніи неизреченныя Моея благости!“ — „Господи, Господи!“—возмолились братья-безсребренники.—„Не дай намъ упокоя вѣчнаго, даждь намъ дѣло новое, новое дѣло великое: отведи намъ удѣлъ среди святыхъ Твоихъ Божіихъ—за народъ Твой Тебя, Бога, молити, православному люду крещоному благо творити!“—„Запоздnились вы на земной стезѣ, святые Мои угодники, не осталось вамъ удѣла ни единаго, окромѣ какъ быти вамъ кузнецами вѣковѣчными, ковати народу православному сохи-бороны, поучати честной крещоный людъ работѣ-пахотѣ!“ Поклонились братья Господу низехонько, помолилися учтивенько, вознесли Богу моленіе, Вседержителю-Творцу благодареніе и пошли братья на Святую Русь Православную... Гдѣ ихъ, братьевъ, кузница—невѣ-

домо, гдѣ горны у нихъ—незнаемо, а и до сихъ поръ творятъ они волю Пославшаго, куютъ плуги-сохи, бороны народу православному, поучаючи крещоный людъ работѣ-пахотѣ...

На этомъ и кончается приведенное, записанное въ Карсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, сказаніе о святыхъ братьяхъ.

Въ другомъ—сызранскомъ—разносказѣ идетъ далѣе рѣчь о томъ, какъ именно поучали они міръ-народъ добыванію хлѣба насущнаго. Созвали они,—гласитъ сказаніе,—честной людъ православный, держатъ къ нему слово Божіе: „А и чѣмъ вы, люди грѣшніи, живете-промышляете? А и кто, а и что васъ кормитъ на свѣтѣ бѣломъ, бѣлоемъ на свѣтѣ Господніемъ?“—„Ой, вы, гой еси, братія великая! Ой, вы, гой еси, святые Божіи угодники! Живемъ мы на бѣлоемъ свѣтѣ, маемся, живучи трудами рукъ питаемся, на кормилицѣ-землѣ подвизаемся: что дастъ Мать-Сыра-Земля—тѣмъ и живъ человѣкъ!“—„А знаете-ли вы, люди Божіи, крещоные люди православные, вѣдаете-ли вы, кого Мать-Сыра-Земля на бѣломъ свѣтѣ больше любитъ, кому сторицею плоды носитъ? Любитъ земля того, кто ее холитъ, плодоноситъ тому, кто ее удоволитъ. А чѣмъ-чѣмъ Мать-Сыру-Землю удоволить, какъ ее, кормилицу, успокоить? Удоволить ее своими трудами, успокоить добрыми дѣлами!“—„Трудимся мы, рукъ не покладая!“—отвѣчаетъ святымъ угодникамъ весь міръ-народъ: „Трудяся—мы еле сыти, работаючи—еле живы!“ И принялись учить міръ-народъ братья-безсребренники: „Чтобы Мать-Сыру-Землю удоволить—надо сохи-бороны, чтобы успокоить—боронить ее надо боронами, засѣвать отборными сѣменами!“ Разложили братья у камня огонь, положили на камень острый мечъ, стали мечомъ горячо-желѣзо ковать; что ударятъ разъ—то сошникъ, что другой—то бороній зубъ, а что третій — то и соха - борона... Выучился-міръ - народъ,

какъ сохи впрягать, какъ землю пахать, какъ боронить-скородить, какъ сѣмена высѣвать, какъ урожая ждать-поджидать... И съ той поры святому „Кузьмодемьяну“ честью-честь и славой-слава...

Говорятъ въ народѣ, что находились такіе благочестивые люди, что удостоивались видѣть кузницу святыхъ братьевъ, да что-то не стало такихъ людей: какъ богатыри на Святой Руси—и они всѣ перевелися...

По другому старинному сказанію, кующій сохи-бороны Кузьмодемьянъ вступаетъ, по волѣ народнаго воображенія, въ борьбу со Змѣемъ-Горынычемъ („великимъ змѣемъ“), въ которомъ олицетворяетъ народъ „темную силу“—діавола. Трудился, по словамъ этого сказанія, кузнецъ Божій въ своей кузницѣ и заслышалъ онъ — летитъ змѣй. Заперся старецъ на замки-засовы тяжелые, схоронился за дверью желѣзною. Подлетѣлъ къ кузницѣ змѣй, опустился-упалъ на-земь, возговорилъ зычнымъ голосомъ человѣческимъ:—„Ой, ты, гой еси, старчище Кузьмодемьянище, отомкни затворы тяжелые, отвори двери желѣзныя! Не бойся ты меня, великаго змѣя: никакого лиха тебѣ я не сдѣлаю!“ Проситъ-молитъ лукавый впустить его въ кузницу, да не таковъ былъ Божій кузнецъ,—не отозвался на мольбы-просьбы ни полусловомъ. И принялся великій змѣй лизать своимъ языкомъ огненнымъ дверь желѣзную, желѣзную дверь Кузьмодемьяномъ выкованную. Закипѣло-закраснѣлось желѣзо отъ змѣинаго пламени, изкрасна на убѣлъ пошло,—и пролизалъ Горынычъ дверь желѣзную-кованную: „Погоди, старчище, не уйдешь ты отъ моего гнѣва лютаго!“—шипитъ сила темная, да и шипу змѣиному конецъ пришелъ, раскалилъ кузнецъ Божій клещи желѣзные семипудовые, ухватилъ-ущемилъ ими языкъ чудовища свирѣпаго...—„Отпусти ты меня, святой старецъ, на покаяніе, малымъ дѣткамъ—змѣёнышамъ—на пропитаніе!“—вспла-

кался-взмолился великій змѣй:—„Будетъ тебѣ, старцу святому, за это милость великая, великая милость богатая!“—„Подожди,—говоритъ кузнецъ Божій, — есть у меня про тебя работа не малая!“ Запрегъ Кузьмодемьянъ Горыныча въ только-что выкованный изъ трехсотъ пудовъ желѣза плугъ, взнуздалъ змѣя удилами желѣзными и погналъ его по степямъ, по пустошамъ — что ни дальше, то сильнѣе гонъ... Долго-ли, коротко-ли шло дѣло — перепахалъ кузнецъ-пахарь на великомъ змѣѣ всю землю о́тъ-моря-до́-моря бороздою до семи саженъ. Притомилась-умаялась сила темная, возмолился великій змѣй къ старцу Божію: „Ой, ты, гой еси, святъ - великъ угодничекъ, Кузьмодемьянъ ты, старче праведенъ! Не томи ты меня, змѣя, лютой жаждою, не мори Горыныча работой безъ отдыху,—дай ты мнѣ, змѣю, промочить горло изъ Днѣпра-рѣки!“ И слушать—не слушаетъ старецъ, знай—погоняетъ-хлещетъ змѣя по бокамъ цѣпью желѣзною. Добѣжалъ запряженный въ плугъ змѣище-Горынчище до самаго моря синяго, до того-ли моря глубокаго, — и подпустилъ его кузнецъ-пахарь къ морской водѣ. Припало къ водѣ чудовище измученное, припавши—отшатнулося: „Солона вода, старче Божій, солона-горька, угодниче!“— „Пить просилъ—такъ пей, утоляй-гаси жажду змѣиную!“ Пило-пило чудовище, полъ-моря выпило, гора-горой раздулося,—молитъ-проситъ Кузьмодемьяна отпустить душу на покаяніе, малымъ дѣтямъ на пропитаніе; не внемлетъ кузнецъ Божій: „Пить просилъ— такъ пей, утоляй-гаси жажду змѣиную!“ Пило-пило чудовище да и лопнуло, а вся вода горько-соленая изъ Змѣй-Горыныча въ море ушла... И почернѣло море синее отъ той воды отъ змѣиныя; съ той поры Чернымъ моремъ и прозвалося... Повернулъ Кузьмодемьянъ назадъ свой плугъ, закопалъ его въ желты пески на берегу морскомъ, положилъ на немъ великъ-завѣтъ: „лежать здѣсь тебѣ, плугу, отъ вѣка и до́-вѣку, бо-

ронити Русь православную отъ темныя силы змѣиныя!“ Такъ и лежитъ тамъ до сихъ поръ Кузьмодемьяновъ плугъ,—гласитъ преданіе, сложившееся не въ другомъ какомъ мѣстѣ, а гдѣ-нибудь на южной Руси. Борозды, проведенныя плугомъ Божьяго кузнеца, пахавшаго на Змѣѣ-Горынычѣ, и до нашихъ дней указываются на Приднѣпровьѣ то въ однихъ, то въ другихъ мѣстахъ. Большинство показывающихъ и въ толкъ взять не можетъ, что́ это за борозды, а только всякій старикъ знаетъ, что прозываются онѣ „валами змѣиными“. Иные вѣдуны-всевѣды разсказываютъ, что плугъ Кузьмодемьяновъ былъ выкованъ не изъ желѣза, а изъ чистаго золота. Зарытъ-де онъ при устьѣ Днѣпра. Кто найдетъ его—не будетъ богаче того человѣка на бѣломъ свѣтѣ. Ищутъ этотъ древній кладъ много вѣковъ, да что-то никто не находитъ...

Существуетъ цѣлый рядъ другихъ сказаній о „батюшкѣ-Кузьмодемьянѣ“. Въ однихъ онъ остается вѣренъ своему удѣлу кузнеца-пахаря, въ другихъ—сопутствуетъ Сыну Божію, идущему по нивѣ за плугомъ, третьи заставляютъ его покрывать льдомъ рѣки быстрыя. Особенно любовно относится къ нему народъ-сказатель въ томъ случаѣ, когда онъ является покровителемъ земледѣльческаго труда. Древне-славянское язычество, просвѣтленное свѣтомъ вѣры Христовой перенесло на близкій суевѣрному сердцу народа-пахаря обликъ „Божьяго кузнеца Кузьмы-Демьяна“ нѣкоторыя черты всемогущаго громовника Перуна, представленіе о которомъ, съ теченіемъ времени, раздробилось-расплылось по множеству другихъ памятуемыхъ въ народной Руси обрядовъ—независимо отъ того, къ какому изъ двухъ міровъ принадлежатъ они: къ языческому, или христіанскому. Живучее народное суевѣріе породнило между собою и тотъ, и другой самымъ непостижимымъ способомъ. Пересказанное выше преданіе о борьбѣ Кузьмодемьяна съ „великимъ змѣемъ“

невольно вызываетъ у пытливаго изслѣдователя родной старины сравненіе съ приписывавшимся Перуну-громовнику свойствомъ побѣждать крылатыхъ огненныхъ змѣевъ. По объясненію изслѣдователя „Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу", подъ крылатыми змѣями подразумѣваются тучи, летящія по небесному полю; разсѣкающая ихъ пополамъ палица Перуна—молнія (она-же—плугъ, бороздящій небесную ниву сверху до-низу). Подобная-же палица встрѣчается и въ древне-индійскихъ сказаніяхъ объ Индрѣ и Вритрѣ. Какъ Перунъ-громовникъ разсѣкалъ тучи-змѣй своею палицей, какъ позднѣйшій замѣститель его въ данномъ случаѣ, Кузьмодемьянъ, убивалъ своимъ исполинскимъ молотомъ чудовищную змѣиху—„змѣю, всѣмъ змѣямъ мать", разѣвавшую пасть отъ земли до неба; такъ и богъ древней Индіи Индра поражаетъ на-смерть громадную змѣю-Вритру (того-же „великаго змѣя") своей палицею. Народное слово-преданіе сошлось здѣсь на одномъ и томъ-же, не взирая на раздѣляющую разность происхожденія и промежутокъ времени въ нѣсколько вѣковъ.

Въ старинной малороссійской пѣснѣ о Христѣ-пахарѣ объединенной двоицѣ, святымъ Косьмѣ и Даміану („Кузьмодемьяну"), отводится почетная доля сопутничества Сыну Божію, пріявшему на рамена Свои трудъ земледѣльца. „Ей, въ поли, поли, въ чистейкомъ поли",—запѣвается-заводится она и продолжается:

«Тамъ-же мій оре
Золотый плужокъ,
А за тимъ плужкомъ
Ходитъ самъ Господь;
Ему погоняетъ
Та святый Петро,
Са святымъ Петромъ—
Святъ Кузьмодемьянъ.
Матенка Божя
Сѣмена носитъ,
Насѣнечько носитъ,
Пана Бога проситъ:
Зароди, Божейку,
Яру пшеничейку
И ярейке житце!
Буде тамъ стебевце—
Саме тростове;
Будутъ колосойки—
Якъ былинойки;
Будутъ копойки—

Якъ звѣздойки;
Будутъ стогойки—
Якъ горойки;
Сберутся возойки—
Якъ черны хваройки!..»
и т. д.

Такимъ образомъ „Божій кузнецъ“ идетъ здѣсь рука-óбъ-руку со святымъ апостоломъ Петромъ, открывая путь Богоматери, молящей Бога объ урожаѣ для трудящагося люда.

„Кузьма-Демьянъ—съ гвоздёмъ, мосты гвоздитъ!“—говоритъ народъ-примѣтовѣдъ: и, дѣйствительно, въ рѣдкій нà-диво годъ не загвоздитъ къ этому дню сковывающій рѣки морозъ, не перекинутся черезъ воды ледяные мосты. Недаромъ гласитъ народная-же молва, что на подмогу Кузьмѣ-Демьяну прилетаютъ съ желѣзныхъ горъ морозы. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ оправдываются на дѣлѣ и слѣдующія поговорки: „Закуетъ Кузьмодемьянъ—до весны-красной не расковать!“, „Не заковать и зимѣ рѣку безъ Кузьмы-Демьяна!“, „Не велика у Кузьмы-Демьяна кузница, а на всю Святую Русь въ ней ледяныя цѣпи куются!“, „Изъ Кузьмодемьяновой кузницы морозъ съ горна идетъ!“ и т. д. Но къ этому, „единому въ двухъ лицахъ“, угоднику Божію относится русскій народъ не только какъ къ кузнецу-пахарю, змѣеборцу и установителю зимы. Видитъ онъ въ немъ, кромѣ того, и устроителя не успѣвшихъ наладиться къ Покрову свадебъ. „Не собрался къ Покрову—доигрывай къ Кузьмѣ!“, „Покровъ на ладъ наведетъ, Кузьма-Демьянъ докуетъ!“, „Кузьмодемьянъ пришелъ—на свадьбу повелъ!“ и т. д.—гласитъ народное крылатое слово. Къ нему какъ-будто подговаривается поющаяся и теперь на Поволжьѣ старинная пѣсня:

«Тамъ шелъ Кузьма,
Тамъ шелъ Демьянъ,
Шелъ Кузьма-Демьянъ на свадебку...
Ты, святой-ли, ты святой-ли,
Ты святой Кузьма Демьяновичъ!

Да ты скуй ли-ка намъ свадебку,
Ту-ли свадебку неразрывную,
Не на день ты скуй, не на недѣлюшку,
Не на май-мѣсяцъ, не на три́-года,
А на вѣки вѣковѣчные,
На всее на жизнь неразстанную!..»

Кузьминки слывутъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ „курьими именами". Чтобы понять это, нужно обратиться мысленно къ отдаленному прошлому, когда еще свѣжи были въ нашемъ народѣ пережитки стародавняго язычества. Тамъ—готово и объясненіе. На мольбищахъ Перуновыхъ, пріурачивавшихся къ 1-му ноября, всегда приносили въ жертву куръ, считая это особеннымъ изъявленіемъ благоговѣйнаго отношенія къ исполненію обрядовъ и обычаевъ вѣры. Никакое другое живое существо не принималось жрецами въ этотъ день для жертвоприношенія.

Въ старые годы у крестьянъ было почти въ повсемѣстномъ обычаѣ на Руси приносить о Кузьминкахъ куръ на боярскій дворъ. Приносили эту дань крестьянки, били челомъ бояринѣ, просили принять — „на красное житье", приговаривая: „Не мы даримъ— Кузьмодемьянъ прислалъ". Принимали боярыни „челобитіе", отдаривали бабъ платками да лентами, посылали челобитныхъ куръ въ птичникъ—со строгимъ наказомъ беречь ихъ пуще глаза, кормить отборнымъ кормомъ, не рѣзать ихъ, а яйца, что будутъ нести, откладывать наособицу. Эти куры считались какъ-бы находящимися подъ особымъ покровительствомъ памятуемыхъ-чествуемыхъ 1-го ноября святыхъ. Въ кормъ курамъ подсыпаютъ въ этотъ день солоду, а въ пойло подливаютъ пива. Это дѣлается съ тою увѣренностью, что куры лучше и дольше нестись будутъ, коли попробуютъ кузьмодемьянскаго угощенія.

Едва-ли не вездѣ вывелся теперь когда-то строго справлявшійся обычай, записанный въ видѣ замол-

кающаго отголоска старины еще въ двадцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія. Каждая подробность его напоминаетъ о языческихъ жертвоприношеніяхъ, пережиткомъ которыхъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Поутру, до обѣденъ, шли домохозяева въ овинъ, несли туда выбраннаго ночью на насѣстѣ большакомъ семьи пѣтуха-кочета. Приходили въ овинъ, кланялся старшій членъ семьи на всѣ четыре стороны, бросая въ каждую по пригоршнѣ зерна-жита, и, положивъ пѣтуха на порогъ, отрубалъ ему голову, приговаривая: „Вотъ тебѣ, на тебѣ, куриный богъ!“ Голова пѣтуха зарывалась тутъ-же у порога—въ предохраненіе гуменъ отъ пожара. Затѣмъ всѣ возвращались домой; ноги пѣтушиныя закидывалъ большакъ на повѣть—со словами: „Водитесь курыноскія, несите яица крупныя!“ Жертвенный пѣтухъ съѣдался за обѣдомъ всей семьею, а косточки его тщательно собирались хозяйкою и бросались въ подпечекъ „для дѣдушки домового“, куда отплескивалась и малая посудинка пива-браги. „Дѣдушка-домовой, — приговаривалось при этомъ, — вотъ тебѣ куриныя косточки, ѣшь на здоровье! Дѣдушка-домовой, вотъ тебѣ хмѣльное пиво, пей на веселье!“ Во всемъ этомъ, несомнѣнно, слышатся явные отголоски древнеязыческаго суевѣрія, которыми поддерживается неумирающая связь современной жизни пахаря-хлѣбороба съ призраками отдаленнаго прошлаго.

Дѣвушки красныя съ парнями — добрыми-молодцами справляютъ Кузьминки на свой особый ладъ, хорошо знакомый бережливымъ скопидомамъ. Дня за два до этого праздника запасается молодежь всякою снѣдью для своихъ веселыхъ посидѣлокъ. Запасаться почему-то въ обычаѣ неспроста, а воровскимъ способомъ: ходятъ парни съ дѣвками ночью по задворкамъ, воруютъ куръ, гусей, утокъ по дворамъ — гдѣ чаша полная. Стерегутъ объ эту пору насѣсты да птичники домовитые хозяева, да никакъ отъ молодыхъ воровъ, со-

бирающихъ дани Кузьмѣ-Демьяну, не устеречь: ужъ какъ ни стереги, ни береги, а не быть дѣвичьимъ Кузьминкамъ безъ курятинки. „Не украли, Кузьмодемьянъ подалъ!“ — оправдываются уличаемые воры, отнюдь не считающіе даже и за воровство такое добываніе снѣдей на Кузьминки. „Это не то, что по чужимъ сундукамъ ковать!“—говорятъ они:—„Кому Богъ ума не далъ — тому и кузнецъ не прикуетъ! Кому добра Кузьмодемьянъ къ своему дню въ руки не послалъ— у того на столѣ и разносолъ не въ разносолъ!“

Не одними суевѣрными пережитками отмѣчается въ народной памяти день святыхъ братьевъ-безсребренниковъ. До сихъ поръ почти вездѣ одѣляетъ въ этотъ праздникъ народная Русь съ особенной готовностью нищую братію. Благочестивая старина завѣщала и современной деревнѣ обычай выполнять къ 1-му ноября, такъ называемыя „обѣтныя“ рукодѣлья, продавать ихъ, а деньги раздавать нищимъ-убогимъ. Этимъ какъ-бы воздается должная дань земному подвигу чествуемыхъ великихъ угодниковъ Божіихъ.

Кузьминки оставляютъ деревню за двѣ недѣли до поста. „Не успѣла оглянуться баба, не собралась дѣвка послѣ кузьмодемьянскаго веселья косы заплести, — глядь-поглядь и до Филипповокъ рукой подать!“, „Зимній Филиппъ кузьмодемьяновъ мясоѣдъ сводитъ на нѣтъ!“, „Кланялись-покланялись бабы зимнему Филиппу: батюшка, погоди, дай доѣсть свадебные пироги! — ждать не ждетъ, черезъ прясла на дворъ идетъ!“—говоритъ-приговариваетъ охочая до краснаго словца деревня...

XV. Филипповки.

За Кузьминками идутъ „Филипповки“: 14-е ноября, день св. апостола Филиппа, заговѣнье на рождественскій постъ, зовущійся въ просторѣчьи по имени-прозвищу своего кануна-заговѣнья.

Мужикъ-хлѣборобъ, своему дому хозяинъ, своей семьѣ кормилецъ, радъ-радехонекъ—послѣ октября-назимника-свадебника да первыхъ двухъ похмѣльныхъ недѣль ноября студенаго—хоть на постъ, что на шестъ какой, опереться: не больно по карману ему назимнее-зазимнее праздничанье, порастрясывающее во всѣ стороны собранное потомъ-кровью за цѣлый трудовой годъ добро. Не одно благочестіе учитъ его „средопятничать-постничать“ (а то—и „понедѣльничать“), но и нужда—бѣда лихая, которая, по пословицѣ, объ иной незадачливый годъ „и въ Великъ-День постится“. Потому-то сплошь-да-рядомъ и вырываются у пахаря Земли Русской присловья въ-родѣ: „Погоди, разносолъ,—не садись за столъ, поста дождешься—подъ столъ уберешься!“, „Лакомъ, братъ, лакомъ до колобка съ макомъ, вотъ придетъ постъ—подожмешь хвостъ!“, „Хоть постомъ скоромь (не тѣмъ будь помянута!) узломъ затянута!“, „Мясоѣдъ—деньгоѣдъ, до поста доживешь—все грошъ сбережешь!“ Далеко не всякій мужикъ смотритъ на постъ глазами помышляющаго о кубышкѣ скопидома,—не мало и такихъ, которымъ совсѣмъ не до скопидомства, кто и безъ того чуть-ли не круглый годъ постится, никакихъ разносоловъ и въ святъ-праздникъ не знаючи. Но и такіе горюны, постники подневольные, не обходятъ постовъ молчаніемъ,—только рѣчи-то ихъ на другую стать, чѣмъ скопидомскія, скроены. „Постъ—не мостъ, можно и объѣхать!“—посмѣивается иногда надъ строгими выполнителями церковнаго устава-уклада безпечная, только объ одномъ весельи и помышляющая, молодежь. „Мимо моста—въ рѣку, мимо поста—не дожить вѣку!“—отзываются тѣ на молодое краснобайство задорливое-смѣшливое. „Никто съ поста не умираетъ!“, „Кто всѣ четыре поста постится—за того всѣ четыре евангелиста!“—вторятъ имъ старые люди богобоязненные, на свое благочестіе, что на костыль подорожный, въ жиз-

ненной путинѣ опирающіеся. Мимо ушей пропускаютъ они такія непристойныя рѣчи непригожія, какъ, напримѣръ, записанныя кладоискателемъ живого великорусскаго языка, Вл. Ив. Далемъ, поговорки: „Всѣ посты постимся, а никуда не годимся!“, „Постное ѣдимъ, да скоромное отрыгаемъ!“—равнозначащія съ мѣткими простонародными изреченіями, въ-родѣ: „На небо посматриваетъ, да по землѣ пошариваетъ!“, или: „Спереди — блаженъ мужъ, а сзади—вскую шаташася!“ и т. п.

Филипповки, по средневолжскому прибаутку, недаромъ „черезъ трое сутокъ послѣ Ѳедора Студита (11-го ноября) на бѣломъ свѣтѣ живутъ—холодъ на свадебное веселье зазимнее нагоняютъ“. На Филиппово заговѣнье доигрываетъ деревенскій людъ послѣднія въ году свадебки: „Кто не повѣнчался до Филипповокъ—молись Богу да жди новаго мясоѣда!“, „Постъ—свадьбамъ не потатчикъ, пива не наваритъ, на пиръ-бесѣду не позоветъ!..“ Это послѣднее крылатое слово народное, однако, не вполнѣ отвѣчаетъ живому обиходу деревенскому. Постъ—постомъ, а обычай—обычаемъ: есть дни, въ которые и во время Рождественскаго поста противорѣчитъ въ этомъ случаѣ сама-себѣ простодушная въ своей дѣтской откровенности народная Русь. Достаточно вспомнить хотя-бы, напримѣръ, такія краснорѣчивыя поговорки, какъ „Просаввились мужики, проварварились, послѣдній грошъ проникολили!“... Варвара (4-е декабря) не только „мостит ъ“, Савва (5-е декабря) не только „стелетъ („салитъ“—по иному разносказу), Никола (6-е декабря) не только „гвоздитъ“,—но всѣ эти святые угодники Божіе говорятъ народному отзывчивому сердцу и о томъ, что „Постъ—постомъ, праздникъ—праздникомъ“. Ну, какъ не отпраздновать русскому хлѣборобу день памяти своего исконнаго покровителя-заступника — „Николы Милостливаго“?..—„Лучше не саввить и не

варварить, а пониколить!"—гласитъ податливое-покладистое слово позднихъ потомковъ богатыря-оратая Микулы-свѣта-Селяниновича. „Не согрѣшишь—не спасешься!"—говоритъ народъ-хлѣборобъ, наверстывающій постъ послѣ веселаго „николенья" вплоть до самаго Рождества Христова.

Рождественскій постъ, по простонародному опредѣленію, „Великому посту ближней родней приходится". И на самомъ дѣлѣ онъ, растягиваясь съ 15-го ноября по 25-е декабря (почти на шесть недѣль) скорѣе всѣхъ другихъ постовъ можетъ помѣряться съ нимъ, если не своей строгостью-суровостью, то ростомъ: Петровки заставляютъ честной людъ православный поститься примѣрно недѣли четыре, а Успенскій постъ длится всегда двѣ недѣли. Но,—какъ и было уже сказано выше,—хоть и не дальняя роденька Филипповки семинедѣльному говѣнью великому, да совсѣмъ не похожи на него въ житейскомъ обиходѣ дорожащаго своими стародавними обычаями-свычаями, крестьянствующаго съ Божьей помочью міра-народа крещонаго. Во время поста, подготовляющаго православныхъ ко встрѣчѣ Свѣтла-Христова-Воскресенія, самый приверженный къ „веселію Руси" человѣкъ Божій не разыщетъ ни одного такого денька, который далъ-бы ему поводъ не только „заниколить", но хотя бы и „поварварить". Да и время тогда совсѣмъ уже не такое, чтобы располагало мужика къ гостеванью-праздничанью: и жито въ закромахъ, если не совсѣмъ подбирается, то на счету становится; и дума-забота о предстоящемъ трудовомъ годѣ покоя хлѣборобу не даетъ—нѣтъ-нѣтъ да и затуманитъ головушку побѣдную, всѣмъ житейскимъ бурямъ-непогодамъ открытую.

По словамъ старыхъ, придерживающихся дѣдовскихъ-прадѣдовскихъ завѣтовъ-преданій людей, Рождественскій постъ за тѣмъ идетъ изъ-года-въ-годъ на Святую Русь, чтобы помочь-пособить и отягченнымъ

ношею грѣховъ заблудшимъ дѣтямъ Отца Небеснаго подготовиться къ воспріятію благостной вѣсти о Рожденіи отъ Приснодѣвы Сына Божія. Такой взглядъ нисколько не противорѣчитъ и ученію Церкви. „Филипповъ постъ—ко святымъ вечерамъ („Святкамъ“—по иному разносказу) святой мостъ!“—говорятъ они, говоря—приговариваютъ: „По Филиппову мосту пройдешь—ко Христу-Спасу придешь!“, „Отъ Филиппова заговѣнья до Спаса Рожденья—шесть переходовъ!“, „Шестью мытарствами о Филипповкахъ грѣхъ до спасенья доходитъ!“, „Ко Филиппову посту подойдешь, изъ-подъ ручки глянешь—Рождество Христово завидишь!“ Многое множество другихъ, подобныхъ приведеннымъ, изреченій можно было-бы услышать объ эту пору въ народѣ—даже и не прислушиваясь. Въ Симбирской губерніи, въ Карсунскомъ уѣздѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ записаны были и нѣсколько на иной ладъ настроенные поговорки-прибаутки о Рождественскомъ постѣ, какъ-будто даже и не совсѣмъ подходящіе къ понятію о постничествѣ. Вотъ нѣкоторые наиболѣе мѣткіе-образные, изъ нихъ: „Съ Миколой Филиппъ дружно живутъ—постомъ братаются: одинъ миколитъ, другой микольщинѣ мирволитъ!“, „О Филипповкахъ—и постись, и молись, да и чарку мимо рта не проноси—не пролей капельки!“, „Кто о Филипповкахъ не пащивался, кто о Миколѣ не загащивался—тому и Святки не въ Святки!“ Мастеръ русскій краснословъ-народъ на прибаутки смѣшливые, не въ бровь а въ самый глазъ—попадающіе,—что и говорить: недаромъ слава-молва объ этомъ вѣками шла о́тъ-моря до́ моря...

Но не только краснословомъ, а и примѣтовѣдомъ, слылъ изстари вѣковъ русскій пахарь, поливающій страдовымъ потомъ родную землю-кормилицу, къ которой безъ цѣпей прикованы всѣ его думы, всѣ надежды. Не обошло народное примѣтовѣдѣніе молча-

ніемъ и Филипповокъ—поста Рождественскаго. Записаны-собраны нѣкоторыя изъ этихъ примѣтъ пытливыми искателями сокровищъ слова народнаго; а еще невпримѣръ больше ходитъ ихъ изъ устъ въ уста, изъ памяти въ память по селамъ-деревнямъ. Такъ вотъ запримѣтилъ зоркій взглядъ посельской—посѣдѣвшей за долгіе трудовые вѣка—мудрости, что, если Филиппово заговѣнье придетъ на Святую Русь „въ серебряномъ шугаѣ“—инеемъ разубранное-разукрашенное, да развѣситъ бахрому по вѣтвямъ древеснымъ,—быть бабамъ на будущую осень съ толокномъ, а коню-пахарю съ овсомъ: уродится яровое на-диво. Раскаркается воронье, Филипповки встрѣчаючи,—къ оттепели: быть мягкой погодѣ цѣлыхъ двѣ недѣли—вплоть до славнаго своими примѣтами, обычаями и повѣрьями Андреева дня (30-го ноября). Ярко-жарко взойдетъ въ первый день поста (15-го числа) солнышко красное,—къ урожаю гороховъ; затуманится утро дня „зубныхъ цѣлителей“ (свв. Гурія, Самона, Авивы)—ленъ-конопель бабъ-дѣвокъ порадуетъ, и гречиха-дикуша не плоха будетъ. Если въ день св. Григорія Неокесарійскаго (17-го ноября) будетъ вьюга вьюжить снѣжная, заметая-засыпая пути-дороженьки,—есть надежда на то, что рожь новаго урожая будетъ умолотиста. Примѣты—все добрыя, масломъ хлѣборобу по сердцу идущія: одна другой лучше...

Шестой день Рождественскаго-Филипповскаго поста—двадцатый ноября, „листогноя студенаго“—въ стародавніе годы былъ, какъ и теперь, посвящаемъ Православной Церковью чествованію памяти св. Прокла; но, кромѣ того, являлся онъ днемъ проклятій: проклинала на него суевѣрная посельщина-деревеньщина — устами вѣдуновъ-знахарей—всю нечисть-нежить подъодонную. Не было въ этотъ день, грозный для укрывавшагося въ нѣдрахъ земли-кормилицы темнаго порожденія діаволова, и помину о постѣ-покаяніи. Со-

вершивъ все завѣщанное дѣдами-прадѣдами, принимался честной людъ справлять канунъ великаго праздника—Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, поливая, по словамъ рѣчистыхъ говоруновъ-краснобаевъ, пивомъ-брагою дорожку красную Божіей Матери („Святой Похвалѣ"). Не на рѣдкость было услышать—чуть не вслѣдъ за проклятіями-заговорами, усмирявшими лукавую силу бѣсовскую, далеко не отзывавшіяся постническимъ смиреніемъ пѣсни въ-родѣ записанной со словъ старожила симбирскаго Поволжья около четверти вѣка тому назадъ:

«Накануне было Введенья,
Свята праздничка Введенія,
Собиралась дѣвки красныя,
Собиралась парни-молодцы
Сердце тѣшить молодецкое,
Волю дѣвичью очествовать—
Хороводами, бесѣдами...
Вдоль по улицѣ мятелица
По широкой вьюга снѣжная
Стелетъ празднику дороженьку,
Всѣ сугробы разметаючи...
Поливайте путь метеную,
Прямоѣзжую дороженьку,
Поливайте, красны дѣвыньки,
Парни-молодцы удалые,
Постнымъ масломъ конопляныимъ,
Поливайте пивомъ-бражкою,
Бражкой хмѣльною-разымчивой,
Медомъ сыченымъ да ставленнымъ,
Поливайте—не жалѣючи,
Про свою-ль судьбу гадаючи,
Про судьбу-ли вѣковѣчную!..»

Хоть и далеко еще было до Святокъ, но находились среди деревенской молодежи и такіе „парни-молодцы" съ „красными дѣвыньками", что принимались гадать въ этотъ вечеръ, несмотря на суровое-жесткое слово стариковъ: „Кто загадаетъ съ Прокла на Введенье—тотъ проклятъ человѣкъ!" Пѣсенное слово,

по всей вѣроятности, скорѣе и вѣрнѣе доходило до молодого слуха, чѣмъ эта отжившая вѣкъ воркотня. „Молодой о молодомъ и думаетъ!"—гласитъ сѣдая мудрость народная. По ея-же крылатому слову: „Старикъ постится, старуха туда-же мостится, а красной дѣвушкѣ всё добрый мо́лодецъ на умъ идетъ!", „Ой, молодость, молодость! Ее и постъ не уйметъ, и угомонъ ей на умъ нейдетъ!" Для молодежи Рождественскій постъ, пожалуй, и начинается-то всего за недѣлю до Святокъ; тогда и она принимается за рѣдьку съ конопляннымъ масломъ, за постныя рѣчи да за приготовленія къ тѣмъ днямъ, къ которымъ ведутъ Филипповки. Старики-же со старухами неукоснительно блюдутъ строгій постъ съ самаго заговѣнья: для нихъ и этотъ постъ—не что иное, какъ „въ рай мостъ". „Попоститься—не въ прорубь спуститься!"—говорятъ они: „Что попостился, то и о душѣ подумалъ!", „Пощенье-моленье — грѣшной душѣ спасенье!", „Отъ поста—ближній путь до Спаса-Христа!", „Съ молитвой да съ постомъ—что съ Истиннымъ Христомъ!" и т. д. У старости, умудренной годами подвижническаго труда, и рѣчи свои, отъ иной, чѣмъ у молодежи, мудрости ведущіяся: „Всякой порѣ—свое время, всякому времени—своя пора"...

Не иначе, какъ въ кругу старыхъ, доживавшихъ свой вѣкъ, людей, сложился на Руси и сказъ о происхожденіи Рождественскаго поста — сказъ, еще какихъ-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ повторявшійся на богатомъ словесной стариною народной среднемъ Поволжьѣ. Было время, — гласитъ онъ устами своихъ сказателей, — когда и поста никакого передъ Рождествомъ Христовымъ совсѣмъ не было: шелъ сплошной мясоѣдъ вплоть до самаго сочельника. „Было это не въ дѣдовскіе и даже не въ прадѣдовскіе годы, а развѣ что на памяти дѣдовъ нашихъ прадѣдовъ..."—съ точностью опредѣляется на глазомѣръ время

этого мясоѣда, когда „и на Миколу, и на Введеньевъ день свадьбы игрывали“.

Но вотъ годъ-о́тъ-году все больше и больше стали переполнять грѣхи чашу долготерпѣнія Господня. Дошли до того многогрѣшные люди, что даже стали забывать о канунѣ Рождества Христова: на сочельникъ начали упиваться зеленымъ виномъ, пивомъ-брагою: „ударятъ ко всенощной, а всего и богомольцевъ-то во храмъ идетъ разъ, два, три да и обчелся...“ Случалось и такъ объ иной годъ, что „въ пустой церкви, приходилось попу съ дьякономъ Христа славить“, — да такъ не въ одномъ какомъ селѣ, а сплошь-да-рядомъ, по всему міру крещоному. „Въ храмѣ Божіемъ Рождество Твое поютъ, а народъ — съ похмѣлья не опомнится...“ —продолжаетъ сказъ. И вотъ „воззрилъ Господь Саваоѳъ на беззаконіе рода христіанскаго, созвалъ соборъ силъ ангельскихъ и архангельскихъ и всѣхъ святыхъ Своихъ апостоловъ, угодниковъ, мучениковъ и преподобныхъ... И возговорилъ Господь Саваоѳъ ко собору великому гласомъ веліимъ:—„Испоконъ не бывало слыхано, изстари видано не бывало, чтобы да на землѣ люди Божіи забывали о срѣтеніи Христа Рождшагося,—а нынѣ творится сіе на соблазнъ міру крещоному, на соблазнъ и на попущеніе, на то-ли великое согрѣшеніе!.. Како искоренити сіе? Како обратити грѣшниковъ на путь истинный,—дабы не ввергати ихъ въ геенну огненную, во мракъ непросвѣтимый, во огнь неугасимый?“ Безмолвствовалъ, по словамъ сказанія, „весь соборъ великій, все священное соборище“, и началъ уже загораться „гнѣвъ праведенъ на ликѣ Божіемъ“. Но вотъ выступилъ изъ сонма святыхъ угодниковъ Господнихъ апостолъ Сына Божія—святой Филиппъ, и „разрѣшились уста апостольскія дерзновеннымъ словомъ ко Господу Саваоѳу, Судіи грозному-праведному“. Преклонился апостолъ предъ престоломъ Божіимъ и сказалъ: „Господи, Господи! Не

изволь казнить родъ людской, предъ Тобою и Сыномъ Твоимъ Іисусомъ Христомъ прегрѣшающій,—не изволь казнить, изволь миловать: дай ты ему, Господи, время спокаяться—спокаяться-очиститься, ко срѣтенію Рождества Христова сготовиться!“ Проникся милосердіемъ „Судія грозный-праведный“ и повелѣлъ „быти на землѣ о Филипповъ день заговѣнью, а о Рождествѣ Христовѣ ро́зговѣнью, стояти на міру посту покаянному, второй четыредесятницѣ, а имя тому говѣнью—Филипповки, святому всехвальному апостолу Христову Филиппу— честь и хвала во вѣки вѣковъ. Аминь!“ На этомъ рѣшеніи Господа Саваоѳа и заканчивается средневолжскій сказъ о постѣ Рождественскомъ.

Такимъ образомъ, по этому сказанію, апостолъ Филиппъ является въ глазахъ народа-сказателя великимъ заступникомъ его передъ гнѣвомъ Господнимъ, грозившимъ всему грѣшному міру крещоному геенной огненною. Совершенно согласуется съ такимъ взглядомъ на апостола изреченіе все той-же народной мудрости, пріуроченное непосредственно къ Рождественскому посту: „Кто о Филипповкахъ не постится — у того ржи не уродится!“ Исконный пахарь-хлѣборобъ, устои благосостоянія котораго держатся прежде всего на „ржицѣ-матушкѣ“, не обмолвился-бы такими словами, если-бы не придавалъ этому посту столь выдающагося значенія въ своей богобоязненности, граничащей съ дѣтской вѣрою сердца. Его крылатое, переживающее вѣка, слово никогда мимо, попусту не молвится, а всегда льется изъ сокровенныхъ нѣдръ стихійной души, исходя отъ избытка чувствъ, таящихся въ ея глубинѣ, открытой далеко не всѣмъ пытающимся заглянуть въ нее любопытнымъ взоромъ.

Встарину съ Рождественскимъ постомъ было въ народной Руси связано и такое представленіе, что будто-бы онъ былъ учрежденъ-установленъ для огражденія міра отъ рожденія антихриста, врага Христова,

въ эти предшествующіе великому празднику зимніе дни. „Постомъ да крестомъ сила нечистая побѣждается!“—говаривали свѣдущіе въ книжномъ начетчествѣ деревенскіе толковники неясныхъ для темнаго люда вопросовъ жизни духа, порою непосильныхъ для богатырей труда: „Кто постъ поститъ—Христу мостъ моститъ!“, „Постникъ—дьяволу ворогъ, да Спасу дорогъ!“, „У кого на умѣ постъ да молитва—трудна съ тѣмъ лукавому битва!“, „Постись да молись,—всю нечисть одолѣешь безъ одолень-травы!“ Въ этихъ и имъ подобныхъ поговоркахъ-присловьяхъ суевѣрно-простодушнаго благочестія высказывается взглядъ народа, совершенно сходящійся съ упомянутымъ представленіемъ объ антихристѣ, до сихъ поръ сохраняющемъ свою силу среди нѣкоторыхъ раскольничьихъ толковъ великорусскаго захолустья, приверженнаго къ „древлеправославной старинѣ“ и только въ ней одной видящаго залогъ своей духовной самобытности.

На самомъ перерубѣ-переломѣ Филипповокъ, въ ночь „съ Варвары на Савву“ (съ 4-го на 5-е декабря), еще совсѣмъ недавно соблюдался въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Симбирской губерніи любопытный обычай — „слушаніе Христа“. Для этого хаживали старухи, старшія въ семьѣ, на рѣку къ проруби въ самую полночь и, помолясь на всѣ четыре стороны свѣта бѣлаго (осѣнивъ предварительно крестнымъ знаменіемъ и самую прорубь), припадали къ водѣ, нашептывая какія-то, только имъ однѣмъ вѣдомыя, слова. Преданіе гласитъ, что бывали случаи, когда изъ проруби раздавался желанный голосъ, произносившій: „Миръ вамъ!“ Это обозначало, что цѣлый годъ въ деревнѣ все будетъ обстоять благополучно: не будетъ ни пожаровъ, ни падежа-мора скотскаго, ни по́махи-болѣсти какой по-людямъ. Только люди праведной („правильной“) жизни могутъ, по увѣренію богомольной деревни, удостоиться слышать голосъ Христа; съ каждымъ го-

домъ такихъ людей становится все меньше и меньше,—почему и самый обычай началъ-де исчезать, какъ совершенно не достигающій цѣли. Кое-гдѣ, впрочемъ, онъ съ теченіемъ времени замѣнился другимъ: старухи уже не „слушаютъ“ у проруби, а молятъ Христа, чтобы Онъ помогъ „всѣмъ православнымъ христіянамъ“ дожить до новаго урожая и собрать его „во благовременіи“. При этомъ старыя сыплятъ въ прорубь зерно, какъ-бы въ видѣ умилостивительной жертвы.

Послѣдняя недѣля передъ Рождествомъ (недѣля св. Праотецъ) является временемъ, когда и не одни усердные постники отдаются исполненію всего требуемаго по уставу этимъ постомъ; приближеніе великаго праздника словно заставляетъ опомниться и грѣшниковъ. „Только тотъ и встрѣтитъ Рождество Христово честь-честью, кто честь-честью къ нему приготовится!“—говоритъ деревня, говоря, сѣрая, приговариваетъ: „То и честь посту, коли ведетъ ко Христу!“, „Попостись по малости — разговѣешься въ радости!“, „Отъ поста и тебя не убудетъ, да зато праздникъ веселѣе будетъ!“, „Безъ поста—что безъ креста!“, „И нехристь свой постъ блюдетъ, а Христовъ мужичокъ безъ поста не живетъ!“, „Филипповскимъ молитвамъ постъ—указчикъ!“

„Постъ пости, праздникъ — празднуй!“ — гласитъ простодушная молвь народная. Она-же обмолвилась въ давнія времена поговорками: „Отъ Филипповокъ рукой подать до Святокъ!“, „Сочельникъ — къ Светкамъ съ Филипповокъ мостъ!“, „По сочельникову мосту ѣдетъ Коляда изъ Новагорода“... Сочельникъ—заключительный день Рождественскаго поста, канунъ Рождества Христова.

XVI. Наумовъ день.

Съ первымъ днемъ послѣдняго въ году мѣсяца связаны въ представленіи народной Руси своеобразныя

повѣрья, сказанія и обычаи, ведущіе начало отъ старины стародавней. Памятливый народъ-сказатель настолько сжился-сроднился съ ними, что невыполненіе ихъ еще и въ наше время готовъ счесть за пренебреженіе къ благочестивымъ завѣтамъ дѣдовъ-прадѣдовъ. Обычай отождествляется въ понятіи деревенскаго простолюдина съ обрядомъ, обрядъ—съ основами вѣры. Недаромъ онъ устами своихъ убогихъ пѣвцовъ — каликъ-перехожихъ, замѣчаетъ въ одномъ изъ духовныхъ стиховъ:

«А и кто отцу-матери не покорствовалъ,
А и кто дѣдова слова не слушивалъ,
А и кто праведному обычаю не вѣровалъ,
А и кто во храмы Божіи не хаживалъ—
Нѣсть тому душеспасенія,
Ни грѣхомъ замоленія,
Ни пресвѣтлаго раю свидѣнія!...»

Словно вторятъ этому сказу пѣсенному и такія поговорки-присловья деревенскія, житейскимъ опытомъ подсказанныя, какъ: „Ряда города держитъ, на обычаѣ бѣлый свѣтъ стоитъ!", „Не слушай, что люди говорятъ, слушай—что обычаи сказываютъ!", „Обычай да сказъ — всему міру указъ!", „Держись берега — не потонешь, держись обычая—бѣды упасешься!", „Старики бѣдовали—обычаи завѣщали!", „Кто старые обычаи блюдетъ—мимо раю не пройдетъ!"

Суевѣрно-благочестивая старина, оставившая въ наслѣдіе современной деревнѣ неисчерпаемый кладезь обычаевъ, сказаній и повѣрій, связала воедино три сосѣднихъ дня православнаго мѣсяцеслова, посвященные памяти святыхъ—апостола Андрея Первозваннаго (30-е ноября), пророка Наума (1-е декабря) и преподобнаго Аввакума (2-е декабря), выдѣливъ средній изъ нихъ наособицу. Всѣ эти три зимнихъ дня пріурочены въ народной Руси къ сказаніямъ-повѣрьямъ о грамотности. Не только въ настоящее время, но и въ отда-

ленные отъ береговъ современности годы, русскій простолюдинъ относился съ почетомъ ко всякому грамотѣю и начетчику. „Ученье—свѣтъ, неученье—тьма!“,—говаривали еще пращуры пахаря нашихъ дней: „Грамота—второй языкъ!“, „Безграмотный—человѣкъ темный, и днемъ съ огнемъ спотыкается!“, „Грамотникомъ сталъ—свѣтъ увидалъ!“, „Ученье—второе крещенье!“ Въ этихъ и подобныхъ имъ поговоркахъ какъ нельзя болѣе ясно высказалось неизмѣнное-вѣковѣчное стремленіе темной деревни къ свѣту знаній. Оно-же проявляется и въ такихъ запросахъ стихійной народной души, какъ точно и опредѣленно поставленные простодушными носителями самобытной мудрости въ сказаніи-стихѣ „О Книгѣ Голубиной (Глубинной)“, пережившемъ долгіе вѣка:

«Отъ чего у насъ зачался бѣлый вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего у насъ младъ-свѣтелъ мѣсяцъ?
Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
Отъ чего у насъ ночи темныя?
Отъ чего у насъ зори утренни?
Отъ чего у насъ вѣтры буйные?
Отъ чего у насъ дробенъ дождёкъ?
Отъ чего у насъ умъ-разумъ,
Отъ чего у насъ наши помыслы?»

Давно уже не обращается народная мысль съ такими вопросами къ воспѣваемымъ въ названномъ памятникѣ изустной словесности „перемудрымъ“ царямъ Давыду Евсѣевичу и Володуміру Володуміровичу; но все крѣпче надѣется она услышать на нихъ отвѣтъ въ стѣнахъ школы, куда еще и теперь будущіе пахари Земли Русской вступаютъ впервые не иначе, какъ съ молитвою ко святому пророку Науму, по словамъ народа-сказателя—„наставляющему на умъ“.

Встарину повсемѣстно на Руси,—а теперь по тѣмъ округамъ, гдѣ деревня неизмѣнно придерживается дѣдовскихъ-прадѣдовскихъ обычаевъ, — еще накунунѣ

Наумова дня созывали старики-грамотники ребятъ-малышей, вступающихъ въ пору школьныхъ лѣтъ, и—помолясь апостолу Андрею—вели къ нимъ рѣчь объ ученьѣ-свѣтѣ. „Богъ разумъ далъ, Богъ въ наукъ звалъ!"—говорили они: „Много званыхъ, да мало избранныхъ! Кому ученье впрокъ—человѣкъ будетъ изо всѣхъ первозванный!" Не мало приговаривалось къ этимъ рѣчамъ всякихъ подходящихъ присловій, которыхъ деревенскому краснослову не занимать стать. Старухи при этомъ не преминутъ, бывало, и погадать о судьбѣ будущихъ грамотѣевъ. Съ этой цѣлью онѣ зачерпывали изъ закрома „пивную" чашку гороху и заставляли своихъ внучатъ, поручаемыхъ покровительству пророка Наума, взять изъ нея по горсти зеренъ. Четное число горошинъ говорило имъ о томъ, что „наумленье" принесетъ благія послѣдствія, ученье впрокъ пойдетъ; нечетное—предвѣщало противоположное. Но и тогда, по словамъ свѣдущихъ гадальщицъ, не все еще было потеряно для дѣтворы, стоящей на порогѣ школы: оставалось еще другое гаданье—по снѣгу. Для этого гадальщица захватывала изъ подворотни пригоршню снѣгу и смотрѣла, что въ него попало. Клокъ шерсти—къ добру, конскій волосъ—тоже не къ худу, щепка или пометъ не предвѣщали хорошаго.

Укладывая спать ребятъ, старухи молятся апостолу Андрею, чтобы онъ явился предстателемъ предъ пророкомъ Наумомъ за „малыхъ сихъ". Проснется будущій школьникъ до зари—признакъ, обѣщающій доброе; проспитъ зорьку — лѣнивъ будетъ и тугъ на ученье. Кстати, не лишнее замѣтить, что въ канунъ Наумова дня („въ ночь съ Андрея на Наума") гадаютъ не однѣ ребячьи печальницы, доживающія свой вѣкъ, а и молодыя дѣвушки красныя, думающія о женихахъ. Особенно распространенъ этотъ обычай въ Малороссіи и на Полѣсьѣ. Тамъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, заневѣстившіяся красавицы выходятъ

на крыльцо и раскидываютъ по снѣгу льняное сѣмя, приговаривая:

«Святый Андрію,
Я на тебе ленъ сію!
Дай мини узнаты,
Зъ кимъ буду сбираты!..»

Если послѣ этого приснится дѣвушкѣ-засѣвальщицѣ знакомый парень, — ему и быть ея суженымъ. Другія гадальщицы выдергиваютъ изъ крыши пучокъ соломы; если найдется въ немъ колосъ съ четнымъ количествомъ зеренъ, — суждено выйдти скоро замужъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ тою-же цѣлью принимаются дѣвушки считать колья въ тыну; четъ—къ свадьбѣ, нечетъ—къ сидѣнью въ дѣвкахъ. Сны подъ Наумовъ день считаются вѣщими какъ для дѣвушекъ, такъ и для будущихъ грамотѣевъ. Приснится первымъ соколъ-птица,—надо ждать засылки сватовъ; увидятъ ребята какую-ни-на-есть птицу—къ быстрому усваиванью „учобы“. Рѣчка для невѣстящихся гадальщицъ—къ скорой свадьбѣ снится, а дѣтворѣ нечего ждать отъ такого сна ничего добраго, если только не приключится какого-нибудь худа...

„Грамота—не соха, да умъ-разумъ пашетъ!“—говорится въ народѣ:—„Грамотѣ учиться—по гробъ пригодится!“, „Побольше грамотныхъ—меньше безпамятныхъ („дураковъ“ по другому разносказу)!“. Иные крѣпколобые противники всякихъ новшествъ оговариваютъ эти крылатыя слова обвѣянными упрямой темнотою поговорками въ-родѣ: „Грамотникъ—не пахарь!“, „Грамотницу взять — станетъ праздники разбирать!“, „Нынѣ много грамотныхъ, да мало сытыхъ!“, „Не будь грамотенъ—будь къ работѣ памятенъ!“. Но все это ворчливое брюзжаніе, что называется, сводится на нѣтъ старинными изреченіями: „Кто грамотѣ умѣетъ — Господу радѣетъ!“, „Кто грамотѣ гораздъ—себя въ обиду не дастъ!“, „Грамотѣй—поводырь деревнѣ всей!“ и т. п.

По слову простонародной мудрости, „пророкъ Наумъ наставитъ на умъ“. Если, — говоритъ народъ,— помолиться этому угоднику Божію съ вѣрою въ его помощь, то и „худой умокъ—найдетъ свой разумокъ“. По народному представленію, неразвитый природный умъ—что не видавшая плуга-сохи плодородная почва: „Какъ поле вспашешь — такъ и жизнь промаячишь; чѣмъ засѣешь—то и сжать успѣешь!“ Неродимая нива— чѣмъ ее ни удобряй, какъ глубоко ни паши, когда ни засѣвай—ничего не дастъ своему хозяину-работнику, если только Господь не придетъ на-помощь со Своимъ чудомъ. Съ этимъ взглядомъ народа-пахаря тождественно и воззрѣніе его на ниву ума-разума. „Недоумку-дурака хоть Наумомъ назови — все умнѣй не станетъ!“ — говоритъ онъ: — „Нашъ Наумъ себѣ на умѣ,—слушать слушаетъ, а знай щи хлебаетъ!“, „Другого какъ ни наумь — ничего изъ головы не вынаумишь!“

Встарину въ каждомъ богобоязненномъ-благочестивомъ семействѣ, гдѣ была входившая въ школьные годы дѣтвора, заведено было будить будущихъ грамотѣевъ на зорькѣ Наумова дня. „Просыпайтесь ранехонько, умывайтесь бѣлехонько,—приговаривалось при этомъ,—въ Божью церковь собирайтесь, за азбуку принимайтесь! Богу помолитесь—до всего дойдете: святой Наумъ наставитъ на умъ!“ Послѣ этого вся семья шла въ церковь, гдѣ служился молебенъ „празднику“,— причемъ черезъ наставляющаго на умъ пророка испрашивалось благословеніе Божіе на „чадо, приступающее ко храминѣ науки“. Потомъ всѣ возвращались домой съ непоколебимой надеждою на помощь небесную. Къ этому времени шелъ въ домъ и подговоренный-подряженный заранѣе учитель, обыкновенно дьячокъ или другой умудренный въ книжномъ дѣлѣ простецъ. Учителя встрѣчали всегда съ почетомъ, вели его въ горницу, усаживали въ красный (переднiй) уголъ съ покло-

нами. Дѣло обученія считалось тогда всѣми за подвижничество, угодное Богу. Отецъ семейства подводилъ сына къ избранному наставнику, и—какъ говорится — передавалъ его съ рукъ на руки, усердно прося „научить уму-разуму“, а за лѣность и нерадѣніе—„учащать побоями“. Услышавъ эту послѣднюю просьбу, мать ученика принималась плакать,—что непременно требовалось установившимся обычаемъ, — а затѣмъ приказывала сыну положить три земныхъ поклона передъ учителемъ. Послѣдній вынималъ изъ-подъ себя плетку, заранѣе положенную на это мѣсто родителями, и легонько ударялъ ею по спинѣ ученика послѣ каждаго поклона. Когда все это было выполнено, сердобольная матушка, посадивъ сына за столъ насупротивъ наставника, подавала ему въ руки указку. Учитель развертывалъ букварь и принимался за дѣло. „Азъ, земля, ерь—азъ!“—произносилъ онъ и заставлялъ ученика повторять. Обыкновенно это длилось довольно долго,—причемъ мать все время кланялась учителю и просила его „не морить сына за грамотой“. Внушивъ малышу „страхъ Божій“ и понятіе о первой буквѣ русскаго алфавита, наставникъ закрывалъ букварь, завертывалъ его въ предусмотрительно положенное по близости полотенце (даръ учителю), клалъ на божницу, за святыя иконы и, обращаясь къ своему будущему питомцу, провозглашалъ:

«Пророкъ Наумъ
Наставитъ на умъ!
Кто ученъ—тотъ уменъ,
Кто уменъ—тотъ силенъ!
Кто силенъ—тотъ богатъ,
Кто богатъ—*тороватъ!*»

Родители понимали намекъ, заключавшійся въ послѣднемъ словѣ, и начинали угощать желаннаго гостя чѣмъ Богъ послалъ, руководствуясь совѣтомъ хлѣбосольной старины: „Что есть въ печи—все на столъ

мечи!“ Послѣ угощенья, сопровождавшагося подобающими возліяніями, учителю подавался коровай ситнаго хлѣба и второе полотенце, расшитое цвѣтными узорами. Хлѣбъ вручалъ гостю хозяинъ, полотенце—хозяйка дома. Было въ обычаѣ завязывать въ узелокъ на концѣ полотенца какую-нибудь монету (смотря по достатку и связанной съ нимъ „тороватости“). Учитель благодарилъ хозяевъ и шелъ къ дверямъ. Его провожала вся семья до самыхъ воротъ,—причемъ мать снова упрашивала „не морить“ ея „сынка болѣзнаго“. На проводахъ „наставника добраго“, руководившагося „Домостроемъ“ и преподававшаго всю премудрость по букварю да по псалтири, и кончался установленный старыми людьми трогательно-наивный торжественный обиходъ Наумова дня, вспоминавшійся учениками впослѣдствіи—какъ одна изъ самыхъ важныхъ страницъ всей ихъ жизненной книги...

„Понаумленный“ мальчикъ цѣлый день чувствовалъ себя „праздничнымъ“: игралъ-шалилъ сколько хотѣлъ, ему давался самый лучшій кусокъ, и всѣ домашніе смотрѣли на него, какъ на дѣйствительно поумнѣвшаго сразу человѣка. Завтра нужно было уже снаряжаться въ настоящее ученье: „съ Наума — идти до Абакума“, какъ говорилось въ просторѣчьи. Наставало 2-е декабря (святъ-Абакумовъ день)—и мальчика посылали къ учителю. Будущій грамотникъ-начотчикъ несъ въ рукахъ букварь, оставленный на божницѣ наставникомъ, и указку. За нимъ шла сердобольная матушка съ горшкомъ нарочно для этого торжественнаго дня до́-красна упаренной, промасленной-зарумяненной гречневой каши. Болѣе зажиточные люди, кромѣ этого, посылали учителю еще гуся, или пѣтуха жаренаго. Каша, принесенная новымъ питомцемъ науки, съѣдалась всѣми учениками съ учителемъ во главѣ, а все, что было получше, пряталось впрокъ. Начиналась „учоба“ по всѣмъ правиламъ старины. Почи-

наясь букваремъ, она переходила къ письму и путемъ долгаго труда добиралась, наконецъ, и до „цыфирь-книги“ (ариѳметики). На этой хитрой наукѣ обыкновенно и заканчивались познанія самого учителя, которому числовѣдѣніе зачастую представлялось—какъ и русскому простолюдину — предѣломъ человѣческихъ знаній. Еще и теперь можно услышать изъ устъ народа, что „кто цыфирь произошелъ—до самой точки дошелъ.“ Былинное слово народное связываетъ (см. очеркъ „Символическія числа“) науку о числахъ даже съ обученіемъ правильной („праведной“) жизни.

Трудность „цыфирной науки“, по народному представленію, облегчается значительно, если, приступая къ ней, усердно помолиться все тому-же помощнику стремящихся къ свѣту знаній—пророку Науму. „Надоумитъ Наумъ—будешь считать наобумъ („наизусть“—по иному разносказу)!“, „Наумъ — сорокодумъ, всѣ думки знаетъ, счету-правилу обучаетъ!“, „Ведетъ пророкъ Наумъ отъ азовъ до счета—была-бы охота!“, „Понаумишь мальца—счетъ сведешь до конца!“, „Науму помолись—считать обучишься!“, „Кого Наумъ благословитъ—тотъ и писецъ и счетчикъ, и пѣвецъ, и начетчикъ!“... Помощь угодника Божія является, по представленію народа, всемогущею и въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ ознакомленіе съ „цыфирь-книгою“, казавшеюся и большинству грамотѣевъ допетровской старины чѣмъ-то въ-родѣ науки о бѣлой и черной магіи.

Въ Наумовъ день, такъ тѣсно связанный съ воззрѣніями народа-пахаря на грамотность, чаще, чѣмъ когда бы то ни было, можно услышать въ деревнѣ и крылатыя слова, подсказанныя этимъ насущнымъ вопросомъ жизненнаго обихода. Ярче всего высказалось это понятіе народа въ загадкахъ, едва-ли не самыхъ краснорѣчивыхъ образцахъ его изустной словесности. „Не кустъ, а съ листочками; не рубашка, а сшита; не человѣкъ, а разсказываетъ!“, „Одинъ заварилъ, другой

налилъ; сколь ни хлебай, а на любую артель еще станетъ!", „Подъ крыльцомъ, крыльцомъ яристомъ, кубаристомъ, лежитъ катокъ некатанный; кто покататъ— тотъ и отгадатъ!" Все это говорится-загадывается народомъ о книгѣ. „Носила меня мать, уронила меня мать, подняли меня люди, понесли въ торгъ торговать, отрѣзали мнѣ голову, сталъ я пить и ясно говорить!" Такъ опредѣляетъ народное слово главное орудіе письма—перо (гусиное). „Малъ малышокъ, а мудрые пути кажетъ!" — загадывается о карандашѣ. „Бѣлое поле, черное сѣмя; кто умѣетъ—тотъ и сѣетъ; сѣмя не всходитъ, а плодъ приноситъ!" — говорятъ про исписанную чернилами бумагу одни любители загадокъ. Другіе ведутъ о томъ-же предметѣ нѣсколько иную образную рѣчь: „Разстилается по двору сукно; конь его топчетъ, одинъ ходитъ, другой водитъ, черныя птицы на него садятся!", или: „Ни небо, ни земля, видѣніемъ бѣла, трое по ней ходятъ, одного водятъ, два соглядаютъ, одинъ повелѣваетъ!" Многое-множество другихъ загадокъ можно было-бы найти у русскаго народа среди его крылатыхъ словъ и словецъ, перелетающихъ отъ вѣка къ вѣку, изъ устъ въ уста... Но всѣ онѣ сводятся къ одному и тому-же „наставленью на умъ", окруженному всяческимъ почетомъ со стороны народа-сказателя, еще на зарѣ своего младенчества понявшаго ту истину, что „ученье—свѣтъ"...

Быстрое усваиваніе грамоты приравнивается народомъ къ богатырскимъ подвигамъ. Многіе былинные богатыри начинаютъ, по его слову, свои подвиги именно этимъ. То-же самое замѣчается и въ простонародныхъ сказкахъ. Есть слѣды этого и въ духовныхъ стихахъ каликъ-перехожихъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ многочисленныхъ разносказовъ стиха „Объ Алексѣѣ—человѣкѣ Божіемъ" говорится, между прочимъ,—почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какъ и о Васильѣ Буслаевичѣ новогородскомъ,—о томъ, какъ,

будучи семилѣткой, онъ былъ отданъ „государыней-матушкой“ въ науку: „великой грамотѣ научаться, разныхъ языковъ заниматься, всякихъ Господнихъ молитвовъ“... И вотъ,—продолжаетъ простодушный пѣсенный сказъ:

«Никто Лексѣюшки не научаетъ,
Самъ Лексѣюшка больше знаетъ,—
И перомъ-рукой-черниломъ чисто пишетъ,
И цыфирь по числамъ всю считаетъ...»

То-же самое, съ небольшими видоизмѣненіями, встрѣчается и въ сказаніяхъ о Егоріѣ Храбромъ (Георгіѣ Побѣдоносцѣ), о св. Ѳеодорѣ Тирянинѣ (順иронѣ) и во многихъ другихъ.

Все это какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ приведенныхъ примѣрахъ предъ вами—не случайная обмолвка, а вполнѣ опредѣлившійся и уравновѣшенный взглядъ народа-сказателя, твердо памятующаго и о томъ, что „Слово не воробей, вылетитъ — не поймаешь!“, „Что слово—то и дѣло!“, и о томъ, что „Слово—вѣка̀ живетъ!“...

Примѣты, связанныя съ Наумовымъ днемъ, уже не относятся ни къ грамотѣямъ, ни къ счетчикамъ. Всѣ онѣ тѣснятся вокругъ одной вѣковѣчной-неразстанной думы народа—объ урожаѣ.

Красная зорька, весело загорающаяся поутру на этотъ день, добрую вѣсточку объ озимяхъ несетъ: будутъ колосисты и умолисты. „Солнечный Наумъ“—къ хорошимъ овсамъ и доброй полбѣ. Снѣгъ идетъ на Наума, — будетъ на̀-диво зерниста гречиха. Оттепель „съ Наума на Абакума“ — горохи, того-и-гляди, будутъ червивы; морозитъ—къ непролазнымъ просамъ... Такимъ образомъ, пророкъ Наумъ, по народному представленію, наставляетъ на умъ не однихъ грамотѣевъ, но и смиренномудрыхъ пахарей, читающихъ великую книгу природы.

XVII. Святки.

Въ большихъ, охваченныхъ измѣнчивымъ теченіемъ жизни, городахъ съ каждымъ годомъ все явственнѣй и неумолимѣе сказывается на обычаяхъ вседневнаго житейскаго обихода безпощадная работа всесглаживающаго времени. Въ народной же Руси, на неоглядномъ просторѣ затонувшихъ въ поляхъ и лѣсахъ селъ-деревень, памятливыхъ къ завѣтамъ дѣдовской старины, еще до сихъ поръ живы стародавнія преданія суевѣрнаго прошлаго. На этихъ преданіяхъ, какъ на незыблемыхъ устояхъ, держится нерушимая преемственная связь поколѣній народа-пахаря. Причудливые цвѣты этихъ живучихъ преданій ярче всего расцвѣтаютъ на широкихъ поляхъ своеобразнаго крестьянскаго быта— во время рождественскихъ Святокъ. Приходятъ эти дни на свѣтло-русскій просторъ,—приводятъ за собою пестро-изукрашенную, шумливую свиту самобытныхъ сказаній: смотрятъ они въ жизнь современнаго крестьянина зоркимъ-проникновеннымъ взглядомъ былого-минувшаго. Идутъ, ведутъ привычную рѣчь Святки въ кругу своей свиты: слѣдомъ за ними спѣшатъ, забѣгаючи, пѣсни святочныя, подблюдныя, хоровыя, игорныя; о-бокъ съ пѣснями, подъ ихъ переливчатый серебряный звонъ, справляются игры веселыя-утѣшныя,—не перечесть, не перепѣть, не припомнить всѣхъ сразу! Но пѣсни—пѣснями, игры—играми; кромѣ нихъ, красны Святки тѣмъ, что словно воскресаетъ объ ихъ пору и вѣщая старина гаданій, обступающая эти праздничные дни призрачными тѣнями таинственнаго-невѣдомаго. Перекидывается пережитками древнеязыческаго славянскаго суевѣрія зыбкій мостъ съ пологихъ береговъ современности къ горнымъ отрогамъ затуманившагося былого позднихъ потомковъ богатыря, крестьянствовавшаго въ сѣдую старь на Святой Руси,

любимаго сына Матери-Сырой-Земли, Микулы-свѣта-Селяниновича. И любо стоять на этомъ мосту надъ темной бездною смѣняющихся одно другимъ временъ живущему жизнью природы прирожденному рабу потового страднаго труда: чуткое къ вѣщимъ голосамъ старины сердце пахаря бьется все тѣмъ-же стихійнымъ біеніемъ, что и тысячу лѣтъ тому назадъ — въ груди его отдаленнѣйшаго предка-пращура.

„Двѣнадцать денъ (отъ Рождества до Крещенья) святые вечера на Руси живутъ"—по народному изустному мѣсяцеслову,—„на тринадцатый — отданье Святокъ". „Придетъ", по словамъ святочной пѣсни-колядки, „Коляда наканунѣ Рождества", найдутъ молодые деревенскіе колядовщики ее на дворахъ у тороватыхъ хозяевъ, прославятъ Христа, почествуютъ и старинную, совершенно утратившую для нихъ одухотворенное значеніе, „Коляду", и хозяевъ съ хозяюшками, соберутъ съ нихъ посильную дань—про запасъ на „святые вечера". „Уродилась Коляда наканунѣ Рождества за горою за крутою, за рѣкою за быстрою",—идутъ-поютъ они по-подъ оконью:—„За горою за крутою, за рѣкою за быстрою стоятъ лѣса дремучіе, во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ, огни горятъ горючіе. Вокругъ огней люди стоятъ, люди стоятъ—колядуютъ..." Льется пѣсня, словно изъ далекихъ далей сѣдой старины всплываетъ по-надъ деревнею и вдругъ переходитъ въ другой, уже болѣе близкій къ современности, напѣвъ въ-родѣ:

«Коляда, Коляда!|
Ты подай пирога,
Или хлѣба ломтину,
Или денегъ полтину,
Или курочку съ хохломъ,
Пѣтушка съ гребешкомъ,
Или сѣна клокъ,
Или вилы въ бокъ!..»

И опять вливается колядный напѣвъ въ прежнее, величавою стариной прорытое, русло пѣсенное: „Еще ищутъ ребята государева двора",—звенятъ, переливами

*

плывутъ молодые голоса: „Государевъ-то дворецъ середи Москвы стоитъ, середи Москвы, середь ярманки. А вокругъ его двора стоитъ желѣзный тынъ, а на каждой тычинкѣ по маковкѣ,—что по маковкѣ и по золоту кресту. А самъ-то государь, какъ свѣтелъ мѣсяцъ, взошелъ, а сама-то государыня—какъ утрення заря, малы дѣточки—часты звѣздочки. Самъ-то государь на крылечко выходилъ, на крылечко выходилъ и по рублику дарилъ, а сама-то государыня по полтинѣ дарила, малы дѣточки — по копѣечкѣ...“ Одна пѣсня переливается въ другую, что волна въ волну, и плывутъплывутъ онѣ рѣка-рѣкой по простору свѣтло-русскому... Пройдетъ-минуетъ первый день праздника, а тамъ ужъ и пѣсенки подблюдныя запѣваются, зачинаются игрища затѣйныя. Не успѣютъ отдохнуть отъ предпраздничной суеты своей люди степенные-хозяйственные, какъ уже донесется до ихъ утомленнаго слуха молодая святочная запѣвка веселая:

«Какъ и нонче у насъ святые вечера пришли,
Святые вечера, Святки-игрища.
Ой, Святки мои, святые вечера!
    Ой, Дидъ! Ой, Лада моя!
    Ой, Дидъ! Ой, Лада моя!..
Всѣ мои подружки на игрища пошли,
На игрища пошли—на святые вечера,
А меня, молоду, свекоръ не пустилъ,
Заставляетъ меня дѣло дѣлати,
Дѣло дѣлати—овинъ молотить;
Овинъ молотить, другой посадить.
Я овинъ молочу и другой посажу,
Другой посажу, цѣпы въ печь помечу,
Цѣпы въ печь помечу да на улицу пойду...
Ой, Святки мои, святые вечера!
    Ой, Дидъ! Ой, Лада моя!
    Ой, Дидъ! Ой, Лада моя!..»

„Дѣлу время, потѣхѣ—часъ!“ — говоритъ русскій народъ-краснословъ. Но не ради одного краснаго, мѣткаго образностью, словца связалъ онъ въ приведенной

запѣвкѣ пѣсенъ святочныхъ праздничное веселье съ подневольнымъ трудомъ, да еще въ такомъ непривѣтно-суровомъ сопоставленіи: подсказала всё это угрюмая трудовая жизнь, отъ впечатлѣній которой не такъ-то легко освободиться-оторваться даже и въ красные весельемъ праздничные „святые вечера". Въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, эта любопытная въ бытовомъ отношеніи, знакомая и многимъ другимъ мѣстамъ необъятной родины народа-пѣснотворца, пѣсня записана въ совершенно иномъ разнопѣвѣ-разносказѣ,— хотя внутренній смыслъ ея остается неизмѣннымъ. „Мимо нашего села, мимо свекрова двора, что ни въ гусельки играютъ, ни въ свирѣль говорятъ, говорятъ—мои подруженьки на игрища пошли, что на игрища пошли, на святые вечера",—заводится-запѣвается она тамъ и продолжается на тотъ-же ладъ: „а меня, младу-младешеньку, свекоръ не пускаетъ. Какъ заставилъ свекоръ-батюшка гумно грести, какъ гумно грести, все метлой мести..." Какъ и въ предыдущемъ разносказѣ, не приходится такое праздничное занятіе по-сердцу молодушкѣ. „Ужъ я въ сердце войду, — говоритъ она, — разсердитоваюсь, ужъ гумно-то я стопчу, я метлу-то изломлю, а сама, млада-младешенька, на игрища пойду"... Во второй половинѣ пѣсни ведется разсказъ о томъ, какъ не пускаетъ молодушку „свекровь-матушка"—заставляетъ „кросна дотыкать". И къ тканью не лежитъ душа красавицы, слуху сердца которой такъ приманчиво „гусельки играютъ, свирѣль говоритъ"... „Ужъ я въ сердце-то войду, разсердитоваюсь: я кросна-то изорву, я челнокъ-то залукну, а сама, млада-младешенька, на игрища пойду!"—вырывается изъ жаждущей веселья-радости груди, вдосталь натруженной всякою работой въ предпраздничную пору буднюю.

Этимъ и заключается пѣсня — запѣвка святочная, ведущая по своимъ слѣдамъ длинный рядъ другихъ, уже не затуманиваемыхъ тяжелой памятью будничнаго

быта крестьянскаго, не смущаемыхъ никакими призраками невеселаго житья-бытья. Полны эти пѣсни самаго жизнерадостнаго чувства, дышатъ онѣ волей-удалью, говорятъ о такомъ подъемѣ духа, которому нипочемъ никакая память тяжкая-угрюмая. Ой, выду я, выду я на широкую улицу!"—слышится этотъ высокій, захватывающій народную душу, подъемъ въ записанной Вс. Ѳ. Миллеромъ курской-фатежской святочной пѣснѣ.—„Стану я, стану я подъ Царь-городъ каменный; скину я, скину я съ руки перстень золотой, вдарю я, вдарю я золотымъ кольцомъ объ стѣну. Ой, разобью, разобью Царевъ городъ каменный; ой, выпущу, выпущу три щеголя молодыхъ—ой, щеголекъ, щеголекъ! Щеголенокъ Васильюшка! Бѣленькій, хорошенькій Василій Ивановичъ!" Затѣмъ, если рѣчь пѣсенная ведется къ дѣвушкѣ красной, то конецъ допѣвается такъ: „Ой, выпущу, выпущу три щеголки молодыхъ. Щеголка, щеголка — щеголка Прасковьюшка (или—иное имя), бѣлая, хорошая, Парасковья Андреевна!" Въ заключеніе договаривается къ этому: „Хорошо деревцо—Васильюшка женится, беретъ себѣ дѣвушку, беретъ себѣ красную (имя ея)"... Такимъ образомъ, какъ и въ огромномъ большинствѣ другихъ пѣсенъ, все дѣло сводится къ свадьбѣ — судьбѣ молодыхъ поколѣній народной Руси. Святочныя пѣсни едва-ли не болѣе всякихъ иныхъ близки къ свадебному строю образцовъ русскаго пѣснотворчества. Они являются какъ-бы запѣвкой къ тѣмъ, но только запѣвкою, не дающей и тѣни понятія о глубоко скорбной драмѣ, которая звучитъ въ свадебныхъ пѣсняхъ. Это—полное жизнерадостныхъ надеждъ, воспѣвающее цвѣтъ жизни—красоту и молодость, праздничное предисловіе къ житейскимъ буднямъ. Изъ заколдованнаго круга послѣднихъ нѣтъ пути-дороги посельщинѣ-деревеньщинѣ, поставленной условіями своего быта въ неизбѣжную необходимость жить вѣковѣчной думою о трудно достающемся

хлѣбѣ насущномъ, который для пахаря-хлѣбороба солонъ и безъ соли—по его-же крылатому, переживающему вѣкъ за вѣкомъ, слову.

„Суженый-ряженый“—главное звено цѣпи святочныхъ пѣсенъ,—безъ мысли о немъ ни на шагъ онѣ. Сходятся на первое святочное игрище-сборище люди добрые, первымъ-на-перво заводятъ степенныя пѣсни „подблюдныя“—вокругъ опрокинутаго блюда съ положенными подъ нимъ кусочками хлѣба, узелками съ солью, землею, угольками и разными мелкими вещицами—въ-родѣ колецъ, ключей и т. д. Вслѣдъ за каждой пѣснею вынимаютъ что-нибудь красныя дѣвицы и парни-молодцы изъ-подъ блюда: „что вынется—не минется“, по народному изреченію. Кольцо вынется—къ скорой свадьбѣ, земля—къ смерти, уголёкъ—къ пожару, соль—къ раздорамъ, ключи—къ доброму хозяйству и т. п. Первая подблюдная пѣсня хлѣбу поется—„добрымъ людямъ на услышаніе, старымъ людямъ на потѣшеніе“; въ ней еще нѣтъ рѣчи о суженыхъ-ряженыхъ. Второю, обыкновенно, запѣвается:

«Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще-ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Слава!»

Въ слѣдующихъ—пѣсенное народное слово то обращается къ идущему изъ кузницы, несущему три молота, кузнецу: „Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ! Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ, и новъ, изъ остаточковъ золотъ перстень, изъ обрѣзочковъ булавочку. Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися, мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися, мнѣ тою булавочкой убрусъ притыкать!..“ То оно

воспѣваетъ „сокола“ съ „голубушкой“, летящихъ изъ разныхъ улицъ: „...слеталися, цѣловалися, сизыми крыльями обнималися“,—ведетъ оно свой сказъ и заканчиваетъ: „ужъ и мнѣ добрые люди дивовалися, слава! Какъ соколъ съ голубушкой уживалися, слава!“ Не только изъ вольнаго царства крылатаго беретъ свои сравненія святочная-подблюдная пѣсня, но—словно вторя сказкѣ—даже изъ растительной лѣсной пὸнизи. Такъ, напримѣръ, поется о Святкахъ и такая пѣсня немногословная, но многозначительная—для своихъ исполнителей и слушателей:

«Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку;
Не груздочекъ скачетъ, а боярскій сынъ,
Не бѣляночку ищетъ, а боярышню»...

Не чуждаются сидящіе вокругъ блюда святочные пѣсенники и любезнаго русскому сердцу безобиднаго смѣха. „Лѣнивая лѣнивица, слава!“—можно и теперь услышать записанную еще въ первой половинѣ минувшаго столѣтія пѣсню: „Лѣнилася она, слава! Часто пὸ-воду ходить, слава! Она таяла снѣгъ, слава! На печномъ столбу, слава! Она вытаяла, слава! Золотъ перстень, слава! Золотъ перстень, слава! О трехъ ставочкахъ, слава!“ Въ заключеніе, въ пѣснѣ задается столь обычный въ святочномъ пѣснословіи вопросъ: „Да кому тѣмъ перстнемъ обручатися?“ Не замедляетъ народъ-пѣснотворецъ и съ надлежащимъ, не подверженнымъ никакому сомнѣнію, отвѣтомъ: „Обручаться отроку съ отрочицею, 'слава! Еще молодцу со дѣвицею, слава!“ Въ другой, тоже святочной-подблюдной, пѣснѣ „золотъ перстень“ не дѣвица-лѣнивица вытаиваетъ изъ снѣга на печномъ столбу, а выкапываетъ „курочка-погребушечка“ изъ заваленки. Гораздо болѣе смѣлыми словами говорятъ такія, по всей вѣроятности—позднѣйшаго, сравнительно, происхожденія, пѣсни, какъ, напримѣръ: „Покачу я колечко кругомъ города,

слава! А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду, слава! Я сама пойду, суженаго найду, слава!“ или: „Пойду, млада, къ вереюшкѣ; брякну, млада, во колечушко. Какъ колечко скажется, такъ и миленькій откликнется!“ и т. п. Въ нихъ уже слышится до извѣстной степени самостоятельный голосъ русской женщины, сбрасывающей съ себя вѣковое ярмо неумолимаго закона-обычая безпрекословнаго подчиненія произволу родительской власти, встарину обрекавшей красную дѣвицу на житье-бытье горемычное съ невѣдомымъ ей чужаниномъ. Она хотя открыто и не противится родительской власти, хотя и не можетъ обойтись въ столь важномъ дѣлѣ безъ родительскаго благословеньица, но стремится уже *сама* найти своего суженаго, словно наученная горькимъ опытомъ предшественницъ. Та-же самая мысль повторяется и въ слѣдующей, связанной съ гаданьемъ, пѣснѣ:

«За столомъ сижу, слава!
Я на чашу гляжу, слава!
Я пятернею вожу, слава!
Золото кольцо ищу, слава!
Я еще посижу, слава!
Я еще повожу, слава!
Я суженаго найду, слава!»

Какъ не похожъ эти пѣсни на тѣ, что слышатся, ручьемъ текутъ, рѣкою слезной разливаются на свадебныхъ сговорахъ! Нѣтъ сходства у нихъ и съ тѣми, что „семейными“ прозываются, горегорькимъ бѣдованьемъ на чужедальней сторонѣ, во немилой семьѣ самой жизнью-мачехой подсказаны. Въ тѣхъ стонетъ-плачетъ темное горе, въ этихъ—откликается чуткимъ сердцамъ радость свѣтлая-веселая, по самому имени которой и прозвали наши предки свадьбу „весельемъ-радостью“. Пѣсенное слово народное допускаетъ о Святкахъ и такое яркое сопоставленіе, какъ, напримѣръ: „Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги, а у богатаго

мужика двѣ радости; что первая-то радость—сына женитъ, что другая-то радость—дочь замужъ отдаетъ. Ужъ какъ за сыномъ-то корабли бѣгутъ, слава! А за дочерью сундуки везутъ, слава!“

Отъ подблюдныхъ пѣсенъ степенныхъ собирающіеся на святыхъ вечерахъ переходятъ къ „игорнымъ“, разсыпающимся болѣе частой дробью, переливающимся болѣе быстрой волною. Сопровождаются эти пѣсни играми, а съ этими послѣдними почти всегда неразлучна и пляска—исконная утѣха сердца народнаго. Вездѣ, гдѣ бы ни собрались на святочную вечеринку-бесѣдку дѣвушки красныя съ добрыми молодцами—всюду первѣе-раньше всѣхъ другихъ игорныхъ заводится-запѣвается завѣтная пѣсня, которую слышали въ своихъ стѣнахъ еще терема первыхъ царей московскихъ, куда она проникла изъ народной Руси черезъ нянюшекъ-мамушекъ да сѣнныхъ дѣвушекъ:

«Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
Палъ, палъ перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину...
Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадывай, красная,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ персыпаючи...» и т. д.

Во время исполненія этой пѣсни, по рукамъ у сидящихъ въ горницѣ дѣвушекъ передается колечко, которое и должна найти,—угадать, у кого оно,—та, на чью долю придется ходить передъ поющими подружками. Угадаетъ—садиться ей на мѣсто той, въ чьихъ рукахъ застанетъ ея отгадку „золото“, а той—ходить вмѣсто нея. „Ахъ вы, кумушки, вы, голубушки!“—

упрашиваетъ новая искательница золотого перстенька, дѣвица красная: „Вы скажите, не утайте, мое золото отдайте; меня мати хочетъ бити, по три утра, по четыре, по три прута золотые, четвертымъ жемчужнымъ!“—„Еще дѣвицы гадали, еще красныя гадали, да не отгадали!“—отвѣчаетъ ей молодой хоръ звонкихъ-заливныхъ голосовъ и подхватываетъ съ новой силою: „Палъ, палъ перстень въ калину, въ малину, въ черную смородину!“,—но только добавляя на этотъ разъ, что „очутился перстень да у боярина, да у молодого, на правой на ручкѣ, на маломъ мизинцѣ!..“ Пѣсня повторяется до тѣхъ поръ, пока не надоскучитъ молодежи и не смѣнится другою, за которою недалеко ходить чуткимъ пѣсенникамъ съ пѣсенницами въ эти веселые святые вечера.

Пѣсня за пѣсней, игра за игрой; а подъ окошкомъ уже слышенъ скрипъ снѣга, раздаются веселые голоса, звенитъ смѣхъ, тренькаетъ балалайка. Идутъ ряженые — желанные гости святыхъ вечеровъ: не обходится безъ нихъ веселье святочное.

Когда завелся на Руси этотъ, несомнѣнно, занесенный изъ чужихъ земель, обычай,—въ точности неизвѣстно. Но еще въ XV вѣкѣ справлялся онъ въ народѣ, а въ XVI—XVII возставали противъ него церковные проповѣдники. О распространенности святочнаго ряженья въ русскомъ народѣ оставили свои свидѣтельства и старинные заѣзжіе описатели Московіи—Герберштейнъ и Адамъ Олеарій. Послѣдній, повѣствуя о своихъ московскихъ впечатлѣніяхъ, разсказываетъ, между прочимъ, и про то, какъ по улицамъ Бѣлокаменной бѣгали ряженые. Благочестивымъ старымъ людямъ, суровымъ блюстителямъ буквы закона христіанскаго, обычай этотъ казался „бѣсовской потѣхою“. Да и сами справлявшіе его не были чужды послѣдняго мнѣнія и считали непремѣннымъ долгомъ „смывать грѣхъ“ въ освященныхъ водахъ крещенской

іордани-проруби. Еще и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ необъятнаго простора свѣтлорусскаго можно видѣть въ день Крещенія Господня купающихся въ этой проруби совершающихъ „отданіе Святокъ“, несмотря ни на какой морозъ: это—все тѣ, кто, поддаваясь веселому соблазну, „тѣшилъ бѣса“ о Святкахъ— т. е. надѣвалъ маску-личину („харю поганую“—по выраженію стариковъ, позабывшихъ о своей молодости). Ряженье святочное къ настоящему времени до такой степени слилось съ понятіемъ о присущихъ этимъ веселымъ днямъ обычаяхъ, что даже самое слово переряживаться зачастую замѣняется въ народѣ какъ-бы тождественнымъ съ нимъ по своему значенію словомъ „святошничать“.

Деревенскіе „святошники“—не то, что участники городскихъ маскарадовъ, хотя и тѣ, и другіе—порожденіе одного и того-же обычая. Пережившая нѣсколько вѣковъ, привившаяся къ сердцу народной Руси, переродившаяся на свой-русскій ладъ, старина словно воскресаетъ въ деревнѣ передъ постороннимъ наблюдателемъ, попавшимъ на любую вечеринку о Святкахъ... Простодушное веселье неприхотливаго трудового люда переноситъ зрителя за нѣсколько столѣтій назадъ, въ точности воспроизводя передъ его глазами самобытную картину былого-стародавняго, сохранившуюся внѣ всякихъ вліяній времени, вмѣстѣ съ пѣснями, сказаньями и повѣрьями народной старины, „старымъ людямъ на потѣшеніе, молодымъ на услышаніе“... Ряженые современной деревни—прямые наслѣдники древнерусскихъ скомороховъ, являвшихся въ однихъ глазахъ „глумотворцами бѣсовскими, блазнями погаными“, а въ другихъ слывшими за „людей вѣжливыхъ, очестливыхъ“.

Появляются на святочной вечеринкѣ „святошники“— и оживленье веселое развертывается во всю свою ширь, не сдерживаясь никакими условными границами, не

оскорбляя въ то-же самое время никого изъ присутствующихъ своей первобытно-наивной грубостью. Непремѣнно долженъ быть въ числѣ ряженыхъ ражій мужикъ, одѣтый въ вывороченный мѣхомъ вверхъ черный бараній тулупъ, въ надвинутой на самые глаза шапкѣ: это—медвѣдь, лѣсной воевода. Его ведетъ на веревкѣ поводырь-„медвѣжатникъ“, заставляющій „Михайлу Иваныча Таптыгина“ продѣлывать передъ зрителями все то, что когда-то входило въ обязанности настоящихъ медвѣдей, обученныхъ потѣшному искусству опытными вожаками кормившимися „медвѣжьей наукою“—отъ щедротъ простодушныхъ зрителей. Изощряется на всѣ свои, медвѣжьи, лады парень-медвѣдь—показываетъ, какъ малые ребята горохъ воровали, какъ пьяные мужики по канавамъ валяются, какъ старыя старухи ходятъ, какъ молодыя молодушки съ парнями гуляютъ. На смѣну ему выступаетъ новая потѣха—„коза въ сарафанѣ“, за нею—„скоморохи“ въ-перемежку со „слѣпенькими Лазарями“, за тѣми—дѣвицы красныя, парнями переодѣтыя, парни—въ дѣвичьемъ нарядѣ. И всѣ-то, всѣ стараются, что называется, не ударить въ грязь лицомъ. А незатѣйливая музыка деревенская гремитъ-звенитъ на всѣ лады, кто во что гораздъ. Выступаютъ изъ толпы ряженыхъ плясуны искусные, и святочное веселье доходитъ до высшей степени своего проявленія, захватывая собою всѣхъ и каждаго изъ присутствующихъ. Напляшутся ряженые, угостятся всѣмъ, что есть на столѣ,—а на столѣ все, что было въ печи и запасено къ празднику,—и, откланявшись съ хозяевами и гостями, направляются дальше—на другой веселый огонекъ, выдающій собою вечеринку-пирушку. Вмѣстѣ съ ряжеными обыкновенно удаляется и большая часть гостей-парней, присоединяющихся къ нимъ. Остающіяся въ хатѣ дѣвушки принимаются за гаданія, платя этимъ дань не только завѣщанной отошедшими поколѣніями старинѣ старо-

давней, но и своему собственному суевѣрію. Какъ и въ пѣсняхъ святочныхъ, все сводится въ этихъ гаданьяхъ къ тому-же „суженому-ряженому“.

Святки, по народному повѣрью, время, когда вообще всѣмъ, кто хочетъ заглянуть въ грядущія судьбы свои, дается скорѣйшая возможность достигнуть желанной цѣли. Это — пора, объединяющая въ себѣ веселый разгулъ съ проникновеніемъ въ міръ таинственнаго-загадочнаго. „Когда-жъ и погадать, какъ не о Святкахъ!“ — говорятъ старыя старушки, вспоминаючи, глядя на молодежь, свои весенніе годы свѣтлые. А краснымъ дѣвушкамъ, задумывающимся надъ своей судьбою, — это и на руку. „Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай красная!“ — звенитъ у нихъ въ ушахъ напѣвъ святочный, словно напоминающій имъ, что и гаданью — какъ и всему иному — свое время, свой часъ. Отъ пѣсенъ до гаданій — рукой подать; тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ первыхъ даже сами сливаются съ послѣдними, — какъ упоминалось уже объ этомъ, когда велась рѣчь о „подблюдныхъ“ пѣсняхъ.

Многое-множество гаданій дошло до нашихъ дней отъ сѣдой старины, когда жизнь русскаго суевѣрнаго люда была ближе къ природѣ и сама-собою становилась лицомъ къ лицу съ тѣмъ таинственнымъ-невѣдомымъ, что̀ придавали послѣдней правнуки нѣкогда обожествлявшихъ ее пращуровъ. Отношеніе къ этимъ гаданіямъ съ теченіемъ времени стало болѣе легкомысленнымъ, но внѣшніе признаки ихъ почти совсѣмъ не видоизмѣнились, сохранивъ въ себѣ и главную сущность своего внутренняго смысла. Какъ и въ стародавніе годы, готовы дѣвицы красныя обратиться въ „святые вечера“ къ блестящей надъ деревнею звѣздной розсыпи съ причитаньемъ въ-родѣ:

«Ай, звѣзды, звѣзды,
Звѣздочки!
Всѣ вы, звѣзды,
Одной матушки!
Бѣлорумяны вы
И дородливы!

Засылайте сватей
По міру крещоному,
Состряпайте свадебку
Для міра крещонаго,
Для пира гостинаго,
Для красной дѣвицы!..»

По расположенію звѣздъ узнаютъ деревенскія гадальщицы и о томъ, сбудутся-ли вообще ихъ святочныя гаданья, или сойдутъ на нѣтъ. Выходятъ онѣ передъ гаданьемъ на дворъ, смотрятъ на небо: если „Сажары“ („Стожары“) окажутся у нихъ съ правой руки—благопріятный признакъ, съ лѣвой—хоть и не загадывай совсѣмъ. То-же самое и съ „Дѣвичьими зорями“ (Млечнымъ путемъ). Этотъ старинный обычай въ настоящее время соблюдается только въ немногихъ, наособицу памятливыхъ ко всякой прадѣдовщинѣ, захолустныхъ уголкахъ народной Руси, въ большинствѣ случаевъ уступая мѣсто другимъ—болѣе позднѣйшаго происхожденія, тѣснѣе связаннымъ съ обиходной жизнью крестьянской семьи.

На деревенской святочной вечеринкѣ гаданье начинается обыкновенно прежде всего тѣмъ, что бѣгутъ въ куриный хлѣвъ, снимаютъ съ насѣста пѣтуха и пускаютъ его въ избу, гдѣ уже разложены на полу всѣ принадлежности гаданія — хлѣбъ, соль, деньги, поставлены чашка съ водой, зеркальце и т. д. Смотря по тому, за что примется еле опомнившійся отъ испуга пѣтухъ, и угадывается судьба гадающей, т. е. таковъ будетъ суженый, если ей суждено. въ предстоящемъ году стоять подъ вѣнцомъ: станетъ пѣтухъ пить воду — мужъ будетъ пьяница горькій, примется за хлѣбъ—бѣднякъ, деньги клевать начнетъ—богачъ, въ зеркало глянетъ — щеголь. Вынесутъ пѣтуха въ хлѣвъ, принесутъ охабку дровъ, начнутъ полѣнья считать: четное число—къ благополучію, нечетъ—сидѣть принесшей еще годъ въ дѣвкахъ. Поставятъ гадальщицы на столъ хлѣбную чашку со снѣгомъ, примутся воскъ топить надъ нею: что кому вытопится, по тому судьба станется. Кому церковь выйдетъ—къ

скорой свадьбѣ, кому гробъ — къ смерти и т. д. Гдѣ есть свинецъ, тамъ топятъ его вмѣсто воска—съ тѣмъже самымъ значеніемъ для гадающихъ, истолковываемымъ, впрочемъ, довольно различно — зачастую по произвольному усмотрѣнію отгадчицы.

Нагадавшись вдоволь въ хатѣ, переносятъ гадальщицы мѣсто дѣйствія на улицу. Здѣсь онѣ обращаются ко встрѣчнымъ - поперечнымъ съ вопросомъ объ имени—въ томъ разсчетѣ, что, какъ зовутъ отвѣтившаго, такъ будетъ зваться и суженый. Больше всего производится эта „окличка“ подъ Новый Годъ. Останавливаясь подъ окнами чужихъ домовъ, дѣвушки прислушиваются къ разговорамъ и стараются — судя по тому, о чемъ и какъ говорятъ,—узнать нравъ-обычай будущаго мужа. Отъ оконъ гадальщицы бѣгутъ на середину улицы—къ амбарамъ: если здѣсь заслышатъ онѣ шуршанье мышей въ житѣ, то мужъ будетъ съ достаткомъ; тишина же, наоборотъ, служитъ предвѣщаніемъ бѣдной жизни въ замужествѣ. Болѣе смѣлыя дѣвицы красныя около полуночи идутъ къ церковной паперти, гдѣ, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, вслушиваются въ то, что творится въ церкви. Бывалые люди увѣряютъ, что иныя слышатъ пѣніе „Исаіе, ликуй!“ (къ свадьбѣ), другія же—„Со святыми упокой!“ (къ смерти). Немного, однако, находится такихъ безстрашныхъ гадальщицъ; большинство же предпочитаютъ обойтись безъ хожденія къ церкви,—тѣмъ болѣе, что ходятъ въ народѣ и такія рѣчи, что-де стережетъ пути-дороги туда въ эти таинственныя ночи нечистая сила. Гораздо безопаснѣе выходить на улицу и прислушиваться — не залаетъ-ли гдѣ собака. „Залай, залай, собаченька, залай, сѣренькой волчокъ!“—приговариваютъ дѣвицы красныя. Гдѣ раздастся собачій лай, тамъ, по ихъ мнѣнію, и живетъ „миленькій дружокъ“ гадальщицы. Если собака залаетъ близко, это означаетъ, что суженаго не за горами искать; если

же лай прозвучитъ издалека, суженый-ряженый — на чужедальней сторонѣ, придется дѣвушкѣ выдти замужъ за чужанина. Выходятъ дѣвушки - гадальщицы на дворъ, бросаютъ съ правой ноги башмаки черезъ ворота на улицу: въ которую сторону упадетъ башмакъ, въ той сторонѣ и живетъ суженый - ряженый. Если башмакъ ляжетъ носкомъ къ воротамъ, то значитъ, что сбросившей его съ ноги еще не придется выйдти въ предстоящемъ году замужъ. Ходятъ молодыя гадальщицы во время ужина смотрѣть въ окна къ сосѣдямъ: увидятъ всѣхъ сидящихъ съ головами—значитъ, всѣ родные будутъ живы; если же въ глазахъ будетъ „блазнить“ такъ, что всѣ сидящіе покажутся безъ головъ, это означаетъ, что роднѣ суждено вымереть въ самомъ непродолжительномъ времени.

Наступаетъ полночь, и одни гаданья дѣвичьи смѣняются другими. „Суженый-ряженый, проѣзжай мимо окна!“ — приговариваютъ дѣвушки красныя, садясь подъ окномъ. Старые люди говорятъ, что вскорѣ послѣ этого суженый, дѣйствительно, проѣзжаетъ. Если заслышитъ сидящая гадальщица шумливый поѣздъ со свистомъ да съ гикомъ, это предвѣщаетъ, что ей предстоитъ веселая-счастливая жизнь въ замужествѣ; если же тихо поѣздъ проѣдетъ, то и жить ей въ тихости да въ бѣдности. Другія гадальщицы ставятъ подъ полночь на столъ чашку съ водою, пускаютъ на воду скорлупки отъ грецкихъ орѣховъ съ прилѣпленными къ нимъ восковыми огарками и зажигаютъ послѣдніе, загадывая о своей судьбѣ. Которая свѣчка раньше погаснетъ-потонетъ, той дѣвушкѣ-гадальщицѣ и умереть раньше другихъ. Если-же свѣчка сгоритъ, не потонувъ, это означаетъ, что зажегшая ее скорѣе всѣхъ другихъ выйдетъ замужъ.

Выискиваются между гадальщицами и такія смѣлыя дѣвушки, которыя остаются наединѣ со своей

мечтою о суженомъ, накрываютъ столъ, становятъ на него два прибора и произносятъ, обращаясь въ пространство: „Суженый-ряженый! Приходи ко мнѣ ужинать!“ Сидитъ, ждетъ молодая гадальщица, поджидаетъ за столомъ гостя нездѣшняго, несущаго ей вѣсть о судьбѣ. Приближеніе его ознаменовывается свистомъ вѣтра подъ окномъ, стукомъ въ двери и тому подобными признаками. Вдругъ, по словамъ опытныхъ людей, сама-собою распахивается замкнутая на крюкъ дверь, и входитъ добрый молодецъ,—входитъ, пріосанивается, садится за столъ браный, про него приготовленный. Сядетъ—начнетъ угощаться всѣмъ, что припасено гадальщицей. Первѣе всего должна спросить его дѣвица красная объ имени-прозвищѣ, а потомъ просить оставить что-нибудь на вспоминъ о немъ. Сниметъ гость кольцо, положитъ его на столъ передъ нею,—тутъ и должна зачураться гадальщица, оградясь на-ряду съ этимъ крестомъ православнымъ. И воочію совершится диво великое: исчезнетъ нездѣшній гость, разсѣется въ воздухѣ дымнымъ облакомъ, а кольцо, данное имъ гадальщицѣ, такъ и останется ей на память. Запомнитъ она обликъ привидѣвшагося молодца—распознаетъ и при встрѣчѣ въ жизни по нему своего суженаго-ряженаго. Случается, что гадаютъ о суженомъ и надъ прорубью: смотрятъ въ воду при лунномъ свѣтѣ. Ходятъ рѣчи, что это гаданье — одно изъ самыхъ опасныхъ,—бываютъ-де и такія незадачи, что очутится гадальщица, подъ несчастливую руку, въ проруби: нечистая сила затянетъ...

Съ незапамятныхъ поръ — и въ бѣдныхъ хатахъ, и въ богатыхъ хоромахъ—справляется о Святкахъ гаданье въ зеркалѣ. Для этого гадальщица уединяется въ особую горницу и садится передъ столомъ, на которомъ ставитъ два зеркала—большое противъ маленькаго. Передъ зеркаломъ помѣщаются двѣ зажженныхъ свѣчи. Смотритъ гадальщица, являются передъ нею

въ большомъ зеркалѣ цѣлыхъ двѣнадцать зеркалъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ обрисовывается, по словамъ знающихъ людей, обликъ суженаго-ряженаго дѣвушки. „Чуръ меня!“ — должна воскликнуть красавица при видѣ его, во избѣжаніе всякихъ ухищреній нежити-нечисти, которой суевѣрнымъ воображеніемъ народа-сказателя предоставлена вольная воля на эти святые вечера.

Ложась спать, кладутъ дѣвушки подъ подушки мостикъ изъ прутиковъ. „Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ!“—произносятъ онѣ при этомъ. Сонъ является отгадчикомъ этого гаданья. „Суженый, ряженый, причеши мнѣ голову!“—приговариваютъ другія красавицы въ ожиданіи появленія желаннаго добра-молодца во снѣ. „Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ пить мнѣ подастъ!“—говорятъ третьи, выпивая на сонъ грядущій воды съ солью. Многое-множество иныхъ гаданій-загадываній сохранилось до нашихъ дней въ народной Руси, справляется о Святкахъ въ память былого-минувшаго.

Встарину, еще когда Русь была языческой, Святки были временемъ, посвященнымъ Святовиту—богу свѣтлыхъ стихій природы. Зимній поворотъ солнца, знаменующій собою грядущее возрожденіе силъ дремлющей подъ снѣговымъ покровомъ природы, открывалъ, по мнѣнію славянина-язычника, широкій торный путь свѣтлому богу, объединявшему въ себѣ и божество свѣта, и божество плодородія. Двѣнадцать святочныхъ дней-вечеровъ, явившихся въ представленіи христіанской Руси праздникомъ въ честь пресвѣтлаго Рождества Христова, воплотили въ себѣ и пережитки стародавняго чествованія языческаго Святовита, — хотя и самое понятіе объ этомъ божествѣ уже утратилось безслѣдно въ русскомъ народѣ, навсегда ставшемъ вѣрнымъ сыномъ любвеобильной матери-Церкви, открывшей ему свои всепрощающія-всепримиряющія объятія.

*

Русскія простонародныя примѣты, связанныя со Святками, ограничиваются очень немногимъ. Такъ, не совѣтуютъ во время нихъ старые люди гнуть обручи и полозья, увѣряя, что—изъ-за этого—приплода скота не будетъ. Сумрачная погода о Святкахъ сулитъ бабамъ „большіе удои“ молока у коровъ; свѣтлые святочные дни обѣщаютъ сельско-хозяйственному опыту „носкихъ куръ“. Не къ добру—по отношенію къ будущему потомству—въ эту пору плести лапти („уродится кривой“), не къ добру и шить что бы то ни было („уродится слѣпой“)...

Вѣковѣчная дума пахаря о хлѣбѣ насущномъ не могла не сказаться и въ его святочномъ—веселомъ да затѣйливомъ—словѣ, являющемся отраженіемъ его отдыхающей отъ своихъ заботъ стихійной души. Такъ, напримѣръ, нѣтъ-нѣтъ да и прорываются у него въ пѣсняхъ-колядкахъ, какъ-будто даже и не имѣющихъ ничего общаго съ его подсказанннными страднымъ трудомъ тревогами, такія пожеланія, какъ: „А дай Богъ тому, кто въ этомъ дому, ему рожь густа, рожь ужиниста: ему съ колосу осьмина, изъ зерна ему коврига, изъ полузерна пирогъ. Надѣлилъ-бы васъ Господь и житьемъ, и бытьемъ, и богачествомъ!“, или:

«Ужъ дай тебѣ Богъ,
Зароди тебѣ Господь,
Чтобы рожь родилась,
На гумно свалилась!»...

Въ этихъ пожеланіяхъ, отступающихъ отъ прямого содержанія пѣсенъ, возстаетъ передъ слушателями въ народѣ-пѣснотворцѣ народъ-пахарь. И въ веселые-разгульные, повитые дымкой нездѣшнихъ тайнъ, „святые вечера“ мысль его возвращается къ благословляемому Богомъ источнику жизни, и онъ, самъ того не замѣчая:

«Хлѣбу пѣснь поетъ,
Хлѣбу честь воздаетъ».

Всегда и во всемъ остается онъ вѣрнымъ сыномъ Матери-Сырой-Земли, любовью которой живъ на бѣломъ свѣтѣ, а вмѣстѣ съ нимъ живы и силы души его, могучей своею дѣтской простотою.

XVIII. Зеленò вино.

„Вино веселитъ сердце человѣку!"—изрекла въ стародавніе-незапамятные годы простодушная мудрость народная. „Руси есть веселіе пити!"—обмолвился, въ ладъ съ этимъ изреченіемъ, излюбленный русскимъ былиннымъ пѣснословіемъ Владиміръ Красно-Солнышко, отвѣчая, по свидѣтельству лѣтописи, на предложеніе пословъ камскихъ болгаръ принять воспрещающую употребленіе вина вѣру магометанскую. Этимъ ставшимъ пословицею отвѣтомъ ласковый князь стольно-кіевскій отнюдь не высказывалъ поощренія пьянству, а только обнаружилъ въ себѣ кровнаго русскаго человѣка, которому—въ его суровомъ быту—и веселье на умъ не пойдетъ безъ доброй чары „зелена вина". А *доброй* можетъ считаться эта послѣдняя, по народному слову, только въ томъ случаѣ, если выпита въ мѣру. „Выпьешь въ мѣру—сердцу сугрѣвъ",—гласитъ старинная поговорка,—„перепьешь черезъ край—съ умомъ-разумомъ простишься!" Какъ ни широка душа нашего, порождавшаго богатырей, народа-пахаря, о которой сказано, что она сама „мѣру знаетъ", но изъ нея-же вышло-вылетѣло умудренное жизненнымъ опытомъ крылатое слово: „Пей, да ума не пропей!", „На радостяхъ запьешь—съ горемъ объ руку пойдешь!" „Пьяницѣ—вѣры нѣтъ!", „Нынче пьянъ, завтра пьянъ, а послѣзавтра и умъ потерялъ!" и т. д. Хотя какъ-бы противорѣчатъ такимъ поговоркамъ изреченія въ-родѣ: „Пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ!", „Пьяный проспится, дуракъ—никогда!",—но не молкнетъ и не замолкало въ народной Руси громкое слово осужденія

неумѣренному пьянству, являющемуся, по мнѣнію житейскаго благоразумія, однимъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, тяжелымъ камнемъ ложащихся на душу человѣческую, жаждущую исхода на свѣтъ изъ своей темноты. Тише и рѣже звучало это благомысленное слово въ тѣ отдаленныя времена, когда слагались въ нашемъ народѣ пѣсни-былины, посвященныя прославленію подвиговъ богатырской дружины, окружающей въ народной памяти хлѣбосольнаго князя, озарявшаго-согрѣвавшаго своей „лаской“, что лучами солнечными, Святую Русь, и въ тѣ стародавніе дни уже великую въ своей могучей простотѣ.

Но то были дни богатырей, которымъ по плечу приходилось многое, совершенно непосильное позднѣйшимъ потомкамъ раннихъ предковъ, отдѣленнымъ отъ послѣднихъ длиннымъ рядомъ вѣковъ непрестанной борьбы за существованіе на бѣломъ свѣтѣ—борьбы съ угрюмой, скупой на ласки, природою, борьбы съ невсегда благопріятными условіями подвижнически-трудовой жизни. Отошедшая въ далекія дали былого, старина, какъ видно изъ сохранившихся живучихъ образцовъ ея неумирающаго слова, не подавала и поводовъ къ особенному осужденію любимаго Русью „веселія“,—хотя, въ свою очередь, не находила и похвалъ отребью общества, которое слыло на ея грубоватомъ языкѣ „голью кабацкою“.

Русскія былины, являющіяся древнѣйшими памятниками нашего изустнаго народнаго творчества, сплошь-да-рядомъ ведутъ рѣчь про веселящее душу, согрѣвающее сердца, зелено вино. Безъ него не только не обходится ни одного почестнаго пира въ свѣтлой гридницѣ Владиміровой, но даже какъ-будто не совершается ни одного богатырскаго состязанія,—словно оно развязываетъ могучія руки родной удали, точно окрыляетъ не знающій ни въ чемъ себѣ преграды-укороты духъ богатырскій. Такъ, напримѣръ, посылая

богатыря Дуная Ивановича своимъ сватомъ „въ Золоту Орду къ грозному королю Етмануйлу Етмануйловичу“, Владиміръ—по словамъ былины—подноситъ Дунаю „чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра“. И вотъ:

«Выпиваетъ онъ, Дунай, чару тоя зелена вина
И турій рогъ меду сладкаго;
Разгоралася утроба богатырская
И могучія плечи расходилися;
Какъ у молода Дуная Ивановича»...

Послѣ этого „возвеселившемуся-распотѣшившемуся“ богатырю нипочемъ исполнить желаніе „ласкова сударь-князя“—привезти ему изъ вражескаго царства-королевства въ невѣсты любимую дочь короля—„честну Афросинью (Апраксію) королевишну“. Имя послѣдней вслѣдъ затѣмъ не сходитъ съ устъ былинныхъ сказателей, отводящихъ на каждомъ княженецкомъ столованьи почетное мѣсто и высватанной Дунаемъ Ивановичемъ супругѣ Красна-Солнышка—„свѣтъ-Апраксіи“ („княгинѣ Апраксѣевнѣ“—по иному разнопѣву), являющейся воплощеніемъ величавой русской женской красоты, еще не знававшей заведенныхъ впослѣдствіи теремовъ.

Въ пору богатырей, изумляющихъ міръ своими непосильными человѣческому разуму подвигами, и „мѣра“ которую „знаетъ душа“ по отношенію къ „веселію“, была поистинѣ богатырскою. Для хороброй дружины Владиміровой словно и чары иной за его княженецкимъ столомъ нѣтъ, кромѣ той, какую выпиваетъ Дунай Ивановичъ. Всѣ богатыри, начиная съ матерого казака Ильи Муромца и кончая младшими побратимами стараго, не поморщась, опоражниваютъ полутораведерныя „чарки“ зелена вина, за единъ духъ осушаютъ по турьему рогу сладкаго меда крѣпкаго. Веселитъ сердце княжеское богатырская повадка. Глядючи на своихъ дружинниковъ, еще во „полустолѣ“,

бывало, онъ распотѣшится: „по свѣтлой гриднѣ похаживаетъ, черныя кудри расчесываетъ, ласковы слова поговариваетъ“, вызываетъ на новую удаль силу-мочь богатырскую, что по жилочкамъ вмѣстѣ съ кровью переливается, бродитъ—дѣла себѣ проситъ.

Не любятъ хвастаться-бахвалиться своею силой богоданною могучіе русскіе богатыри древнекіевскіе,—показываютъ они лицомъ свой некупленный-непродажный товаръ; нѣтъ у нихъ особой склонности и къ бахвальству тѣмъ, кто больше выпить зелена вина можетъ,—хотя послѣднее обстоятельство и является въ устахъ былинныхъ сказателей какъ-бы нѣкоторымъ мѣриломъ силы. Такъ, напримѣръ, Идолище при встрѣчѣ съ Ильей Муромцемъ, не узнавъ его въ подорожной одежинѣ, обращается къ нему съ вопросомъ:

«Ты скажи мнѣ, калика перехожая,
Перехожая калика бродимая!
У васъ есть сильный богатырь Илья Муромецъ.
Онъ много-ли хлѣба-соли кушаетъ,
А и много-ли пьетъ зелена вина?»

Въ записанномъ А. Ѳ. Гильфердингомъ на олонецкомъ Кенозерьѣ разнопѣвѣ былины могущій похвалиться и своей силою надъ зеленымъ виномъ матерой казакъ скромно отвѣчаетъ, что онъ пьетъ „по три рюмочки“.—„Это нѣтъ богатыря Ильи Муромца!—бахвалится Идолище:—Какъ я хлѣба-то ѣмъ вѣдь по три печи, а напитокъ-то пью по три ведра!“ Эти слова вызываютъ смѣшливую отповѣдь богатыря: „У моего-то родителя батюшка, у его есть-то корова обжиранная. Она сѣна-то ѣла по три воза, а напитокъ-то пила по три чану. Ей съ этихъ напитокъ всю прирвало, а тебя разорветъ, погано Идолище!“

Существуетъ нѣсколько разносказовъ былины: „Илья Муромецъ и голи кабацкіе“. Въ одномъ изъ нихъ любимый богатырь русскаго народа является въ видѣ „калики-перехожаго“, идущаго въ Кіевѣ по дорогѣ

отъ Галича. „Балахонишко (на немъ) одѣто—веретномъ тряхнуть, веревкою онъ подпоясался, лапотци на ножкахъ ево липовы, бородушка у стараго сѣдехонька, головушка у стара на убѣлъ бѣла...“—гласитъ былинное слово. Идетъ онъ Кіевомъ, „захотѣлось зайти стару на царевъ кабакъ да выпить стару зелена вина“. И вотъ,—любовно продолжаетъ народъ-сказатель, „идетъ-то старой потихохонько да ступаетъ старой полегошенько, ёнъ молитву творитъ воисусову, ёнъ крестъ кладетъ по писаному, клонится на всѣ четыре на стороны: Да здравствуйте, чумаки вы цѣловальники, и здравствуйте, бурмистры ларечные! Ай вы, чумаки-цѣловальники! И налейте вина мнѣ полтора ведра, да опохмѣльте калику-перехожаго!“ Не соглашаются „чумаки-цѣловальники“—не вѣрятъ каликѣ-перехожему, у котораго „сорочишка одежда исприношена“, у котораго единственное сокровище крестъ на старой груди: „въ долину крестъ онъ и двѣ четверти, поперекъ-то крестъ и въ цѣлу четверть, въ толщину ту крестъ былъ онъ и двухъ верховъ, онъ стараго червоннаго золота“. Выручаютъ изъ бѣды усталаго путника-богатыря „тѣ-ли бѣдны голи кабацкіе да тѣ-ли мужики деревенскіе“, бывшіе во царевомъ кабакѣ: „склали мужики оны по денежки, да побольше тово по копѣечки, и купили вина полтора ведра“. Взялъ-поднялъ матерой казакъ посудину одной рукой, выпилъ „на единъ на духъ“, держитъ слово къ мужикамъ сердобольнымъ: „Вамъ спасибо, голи кабацкіе, да спасибо, мужики деревенскіе! Напоили стара меня до-пьяна, не напоили, только стара раззадорили! И теперь у насъ дѣло поздное, приходите поутру ко мнѣ ранешенько, и напою я виномъ всѣхъ васъ до-пьяна!“

Выспался на печкѣ богатырь, поутру ранешенько—„до восходу тепла-краснаго солнышка“—сталъ онъ у цѣловальниковъ ключи отъ погребовъ просить-спрашивать. Не даютъ—самъ плечомъ отворилъ двери ду-

бовыя: „беретъ бочку сороковую подъ пазуху, да другу сороковку подъ другую, ёнъ и третью ногой катитъ, да выкатываетъ старой на зеленой лугъ, но на ту-ли площадь торговую, да скрычалъ да старой громкимъ голосомъ“, сталъ созывать гостей званыхъ: „Эй-же вы, голи кабацкіе! Ступайте вы ко стару на почестной пиръ!“ Собрались „мужики деревенскіе“; собрались толпой и цѣловальники—„отбивать-ли у стара зелена вина“, ничего не могли подѣлать, пошли съ жалобой на калику-перехожаго къ самому ко князю Владиміру: „Ты, Владиміръ князь столенъ-кіевской! Да у насъ-то было во вчерашній день невѣдома калика появилосе: борода у калики сѣдехонька, голова у калики на убѣлъ бѣла, сорочинская одежда вся истаскана, лапотци на ножкахъ ево липовы. Да зашелъ въ подвалы къ намъ во винные, бочку сороковку бралъ подъ пазуху и другую сороковку бралъ подъ другую, да третью сороковку ногой катилъ. Да выкатывалъ старой на зеленой лугъ, на ту-ли площадь торговую, да собралъ мужиковъ деревенскіе и собралъ голей онъ и кабацкіе, и роспилъ вино да и безденежно. И гдѣ мы эту суму, сударь, будемъ взыскивать?..“

Обѣщалъ князь „посмотрѣть“ калику-перехожаго. А тотъ, распоивъ зелено-вино своимъ званымъ гостямъ, прощаясь съ ними, посылалъ ихъ „по своимъ мѣстамъ по своимъ домамъ къ молодымъ женамъ, къ своимъ женамъ, къ малымъ дѣточкамъ“; самъ же собирается вернуться „на царевъ кабакъ“: „Да пойду вѣдь я на печку кирпичную, и буду я, старой, просыпатисе!“ Рано утромъ будятъ богатыря княжьи слуги, кличутъ калику идти ко князю ко Владиміру. „Ай-же вы, братцы-товарищи!“—отговаривается тотъ:—„Напрасно меня, стара, безпокоите, не даете мнѣ, старому, проспатися!“ Слѣзъ старикъ съ печки, пошелъ по Кіеву, идетъ калика мимо княженецкихъ палатъ, а самъ держитъ слово богатырское: „Ай ты, Владиміръ, князь столенъ-кіевской! Получай-ко

за зелено вино ты съ донского казака-ли, съ Ильи Муромца. Я пойду теперь, старикъ, во чисто поле и на ту пойду дорогу Латынскую, и на ту пойду заставу богатырскую!..“

Въ другомъ, болѣе краткомъ, разносказѣ былины ведется рѣчь о томъ, какъ престарѣлый Илья, вырядившись каликою, шелъ „изъ Волынъ-земли невѣрные, изъ тоя Корелы изъ упрямые“ и нашелъ на заставу великую: на „сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ-сорокъ ночныхъ подорожниковъ“. „Вы, ой-же, воры, разбойники, вы, ой-же, ночны подорожнички!—говоритъ имъ Муромецъ:—Чего вамъ у стара захотѣлосе, денегъ у мня теперь не было, только есть одинъ крестъ полтора пуда, изъ самаго червонаво золота!“ — „Намъ неча со старымъ разговаривать! Принимайтесь, ребята, за старова!“ Обступили разбойники калику, но у того „сила богатырская, ухватка была молодецкая“: ухватилъ онъ разбойника за ноги, началъ разбойникомъ помахивать, „разбойникъ онъ гнется—не ломится, на жильяхъ проклятой не сорвется, куда махнетъ—туда улица, куда отмахнетъ—переулочекъ. Прибилъ сорокъ воровъ онъ разбойниковъ и всѣхъ онъ ночныхъ подорожниковъ, и самъ онъ, калика, впередъ пошелъ, приходитъ ко погребамъ питейнымъ“... Здѣсь вдоволь наработавшійся богатырь самъ обращается къ „нагольнимъ горькимъ пьяницамъ“ съ просьбою, чтобы они сложились—опохмѣлили его, стараго. „Заутра напою васъ безденежно!“—обѣщаетъ онъ имъ. Выпилъ калика за единый духъ поднесенные полтора ведра, опохмѣлился отъ богатырской устали. А утромъ пила кабацкая голь взятое имъ безденежно изъ „погребовъ питейныхъ“ вино. „Пейте, голи, сколько надобно!—угощалъ всѣхъ богатырь:—споминайте калику, Илью Муромца!“

Третій разносказъ ближе къ первому по началу, но кончается совсѣмъ на новый ладъ. Князь Владиміръ приказываетъ посадить калику-самовола „въ по-

гребъ глубокіе, въ глубокъ погребъ да сорока саженъ. Не дать ему не пить, не ѣсть да ровно сорокъ дней, да пусть онъ помретъ, собака, и съ голоду!“ Княгиня Апраксія узнала, что въ погребъ посаженъ не кто иной, какъ богатырь Илья Муромецъ, и пожалѣла его: „она сдѣлала подкопь тайную да во тотъ-ли погребъ глубокіе, кормила-поила Илью ровно сорокъ дней“... Между тѣмъ, прошелъ слухъ „по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ“—о томъ, что „не стало во Кіевѣ во городи славнаго богатыря Ильи Муромца“; и вотъ къ стольному городу подступилъ „со своею силой-арміей собака Галинъ (Калинъ) царь...“ Пишетъ онъ Владиміру грозное слово—сдать Кіевъ „безъ бою-то драки великіе“, грозится въ противномъ случаѣ взять силою: „я князей (говоритъ), бояръ твоихъ всѣхъ повырублю да и княгины боярыней живыхъ въ полонъ возьму, а тебя, князя Владиміра, предамъ смерти скорые!“ Спохватился князь: „Какъ бы былъ у мня живъ несудимый богатырь Илья Муромецъ, да я не слышалъ-бы этой угрозы великіе!“ Созналась княгиня Апраксія, что живъ богатырь; пришелъ князь къ погребу, челомъ бьетъ: „Ты прости, сударь Ильюшенка, во первой вины, этому дѣлу были виновны цѣловальники!“ Проситъ Илью и княгиня,—сдался на ея просьбы Муромецъ: „Ай-же ты, честная княгиня Апраксія! Я иду служить за вѣру христіянскую и за землю россійскую, да и за стольніе Кіевъ градъ, за вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей!..“ Вышелъ богатырь изъ погреба, сѣлъ на своего коня добраго, взялъ стопудовую шалыгу дорожную, поѣхалъ къ стану „собаки царя Галина“. Истребилъ онъ всю силу-армію, взялъ во полонъ самого царя...

Въ семьѣ богатырей древнекіевскихъ есть одинъ съ довольно-таки неочестливымъ прозвищемъ: Василій Игнатьевичъ Пьяница. Не мимо слово молвилось, подѣло́мъ слылъ подъ такою кличкою молодой богатырь.

Но и на его долю выпалъ жребій сослужить великую службу родной землѣ святорусской. Былина о немъ начинается весьма поэтическимъ вступленіемъ. „Изъ-подъ бѣлые березки кудревастенькіе, изъ-подъ чуднаго креста Деванделидова („Леванидова“—по иному разносказу) шли туто четыре гнѣдые туры, гнѣдые туры, олени златорогіе. Они шли-де, бѣжали мимо Кіевъ-градъ, они видѣли надъ Кіевомъ-городомъ чудо-ли чудное, диво-ли дивное: да на той-ли стѣнѣ городовые да стоитъ-то дѣвица душа красная, держитъ она въ бѣлыхъ-де рукахъ да святую книгу-де Евангелье, сколько читаетъ, вдвоё плакала“. Подивились туры видѣнному, побѣжали дальше, встрѣтили на пути златорогую турицу, разсказали ей. „А вы глупые туры, олени златорогіе!—молвила она имъ.—Да не дѣвица тутъ стояла душа красная, да стѣна-та-де ограда городовая. Она плакала о вдовахъ, о сиротахъ, о бѣдныхъ о головахъ!“

Вступленіе ведетъ свою рѣчь къ тому, что какъ-разъ въ это время подступалъ-де къ Кіеву съ могучей ратью царь Батыга Батыговичъ, прослышавшій, что въ ту пору „во славномъ во Кіеви во городѣ сильныхъ славныхъ тѣхъ богатырей не случилосе“, всѣ были въ отъѣздѣ, всѣ, кромѣ одного кабацкаго завсегдатая молодого Василія Игнатьевича. „Да, въ младые лѣта онъ во двѣнадцать лѣтъ, да онъ пропилъ житье-бытье, отеческо богачество“, — повѣствуетъ о немъ былинный сказъ... Но пьянство еще не сгубило въ немъ удали молодецкой: темной ночью вышелъ онъ изъ города, пробрался въ шатеръ Батыги-царя, убилъ трехъ любимцевъ его—сына, зятя и „большого дьяка-де, большого-то дьяка ево здумщика“. Шлетъ Батыга гонца въ Кіевъ съ требованіемъ выдать виноватаго въ ихъ смерти. Собираетъ Владиміръ свою дружину, допросъ держитъ къ дружинникамъ: „Кто ли убилъ у Батыги-царя у Батыговича три головы, которыя головушки

нилушенькія?“ Никто не отзывается, не винится. Всталъ „изъ-за меньшаго стола“ караульный сторожъ—выдалъ Василья Игнатьевича. Послалъ князь за нимъ; пришелъ Пьяница, кланяется: „Ай ты, Солнышко, Владиміръ-де князь! Да не достоинъ я придти къ тебѣ на почестенъ пиръ!“ Держитъ Владиміръ рѣчь къ нему, посылаетъ „къ Батыгѣ со отвѣтами“.—„Ай ты, Солнышко, Владиміръ-де князь стольне-кіевскіе! Не могу я нынѣ идти ко Батыгѣ со отвѣтамъ!“ — возражаетъ Василій: „Какъ болитъ у меня съ похмѣлья буйна голова, да дрожа у меня съ похмѣлья всѣ жилья подколѣнныя. Да налей-ка ты мнѣ чарочку похмѣльную, да опохмѣли-ко мою буйну голову похмѣльною чарочкой зеленаго вина, этого вина полтора-де ведра, а другу налей пива-то пьянаго, а третью ты налей меду сладкаго!“ Слили все это „въ единое мѣсто“, вышло питья „полпята ведра“; взялъ Василій, выпилъ, а самъ приговариваетъ: „Да топерече Васильюшко поправился, да спасибо тѣ, царь Батыга Батыговичъ, что пріѣхалъ ко нашему Кіеву городу, да привезъ ко мнѣ-ка чарочку похмѣльную. Не видать бы мнѣ-ка чарочки похмѣльныя да отъ ласкова князя Владиміра!“ Пошелъ опохмѣлившійся Пьяница къ Батыгину шатру; укоряетъ его царь за смерть троихъ любимцевъ. „Да помилуй-де, царь Батыга Батыговичъ! — возражаетъ Василій. — Да мое-то вѣдь дѣло подневольное, да мое-то вѣдь дѣло подначальное! Да прости ты, сударь, во первой вины, да пожалуй мнѣ силы-де арміи триста тысячъ, а пойду-те подъ стольніе Кіевъ градъ, да я скоро-де градъ въ полонъ безъ труда возьму. Да я знаю, гдѣ-ка тонкая стѣна городовая, да я знаю, гдѣ-ка пола ворота-ты не заложеные!“ Далъ Батыга подъ началъ Игнатьевичу триста тысячъ войска, вывелъ тотъ силу-рать въ поле чистое, а тамъ и принялся за свою службу Святой Руси: взялъ одного татарина за ноги, перебилъ имъ

всѣхъ—до единаго, самъ пошелъ назадъ къ Батыгѣ-царю. А тотъ, завидѣвъ Василья, сѣлъ на коня да и поѣхалъ въ свою сторону, ѣдетъ — приговариваетъ: „Да унеси-тко, Господь, буйну голову да отъ стольнего города отъ Кіева, да отъ молодца Василья отъ Игнатьевича! Да не дай болѣ Богъ бывать подъ Кіевомъ, да не дѣтямъ моимъ-де, не внучатамъ, да не роду моему не племени!“.

Новгородская былина про Василія Буслаевича, повторяющаяся во многомъ множествѣ разносказовъ чуть-ли не по всѣмъ уголкамъ свѣтлорусскаго простора, является прославленіемъ буйной воли-удали. Въ этой былинѣ не малое мѣсто отводится и зелену вину. Какъ началъ Василій въ возрастъ входить, сталъ Буслаевичъ водиться „со пьяницы, съ безумницы, съ веселыми удалыми добрыми молодцы, дó-пьяна сталъ напиватися,— гласитъ былинное слово. — А и ходя въ городѣ уродуетъ: котораго возьметъ онъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ, котораго задѣнетъ за ногу—ногу выломитъ, котораго хватитъ поперекъ хребта—тотъ кричитъ, реветъ, окарачь ползетъ...“ Стала мать, по жалобѣ мужиковъ новгородскихъ, журить-бранить сына; не пришлась ему по нраву эта журьба. Разослалъ онъ по городу ярлыки: „Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго—вались къ Васькѣ на широкой дворъ!“ А самъ поставилъ посреди своего двора чанъ съ зеленымъ виномъ, опустилъ туда чашу въ полтора ведра. Собралась у Василія дружина „въ тридцать человѣкъ безъ единаго, онъ самъ, Василій, тридцатый сталъ“,— начали они пуще прежняго обижать новогородскій людъ. Много-ли, мало-ли времени прошло, называется Буслаевичъ биться противъ цѣлаго Новгорода. Подписали обѣ стороны договоръ; и не возрадовались новгородцы, увидѣвъ, какъ Василій съ дружиною сталъ устилать улицы тѣлами ихъ братіи. Дѣло кончилось тѣмъ, что взмолились мужики о пощадѣ, покорилися,

бьютъ челомъ Буслаевичу, несутъ ему подарки драгоцѣнные. Олонецкій разносказъ этой былины кончается смертью Василія. Получилъ онъ съ побѣжденныхъ „золоту казну“, сталъ пировать съ дружиною. Ровно семь дней длился пиръ. „Да отъ той-де великой отъ радости, послѣ этого пиру великаго, вышли на гору высокую, не могли никакъ у себя силы извѣдати...—ведется былинный сказъ.—Увидали—на горѣ лежитъ сѣрый горючій камешокъ, въ долину камень до сорока саженъ, въ ширину камень до двадцати саженъ, въ толщину камень до десяти саженъ. Брали они въ руки копья долгомѣрныя, скакали они поперекъ сѣра горючаго камешка. Да захотѣлося скакать вдоль сѣра угрюмаго камешка. Да мало того Василью показалося, говорилъ-то своей дружинѣ хороброй: „Ай же вы, моя дружина хоробрая! Вы скачите вдоль камешка напередъ лицомъ, а я буду скакать назадъ лицомъ!“ И вотъ—„какъ скочилъ-де Василій назадъ лицомъ, вдоль сѣра горючаго камешка, какъ перенесъ ножку правую, а задѣлъ ножкой лѣвою, да упалъ-де Василій о сыру землю, только-де Васильюшка тутъ живъ бывалъ, получилъ тутъ Васильюшка скору смерть“... Похмѣлье послѣ семидневнаго пира богатырскаго оказалось болѣе тяжелымъ, чѣмъ могъ ожидать богатырь-своевольникъ.

„Любо пить, да каково опохмѣляться!“—говоритъ пахарь-хлѣборобъ, въ крови чуть не каждаго изъ сыновъ котораго есть хоть одна капля Буслаевичевой. „Хорошо пить тому, кого хмѣль не беретъ!“—приговариваетъ трудовой людъ. А хмѣль—по его-же крылатому слову—„и богатырей побораетъ“, хоть и ходитъ по народной Руси поговорка о немъ, что-де „высока (у него) голова, да ногами жидокъ“. Про эту же траву гласитъ красная молвь стародавняя: „Кабы на хмѣль не морозъ, онъ бы и тынъ переросъ!“ „Однолѣтня трава, да повыше двора!“, „Хмѣлекъ—щего-

лекъ, поводитъ и безъ сапогъ!“ и т. д. Хотя хмѣль и не кладется теперь въ вино—осталось ему колобродить только въ пивѣ, но отъ чего бы ни случилось опьяненье, всегда говорится, что человѣкъ „охмѣлѣлъ“: такую память оставила эта „золотая трава“, или „не горюй голова“, въ народѣ русскомъ. Пѣсенное слово народное придаетъ ей чуть-ли не первенствующее значеніе въ обиходѣ свадебномъ. „Ходили дѣвушки по Волгѣ-рѣкѣ, добрые молодчики другою стороной. Сѣяли дѣвушки ярый хмѣль, сѣяли онѣ, приговаривали: Расти, хмѣль, по тычинкѣ вверхъ! Безъ тебя, безъ хмѣлинушки, не водится: добрые молодцы не женятся, красныя дѣвушки замужъ нейдутъ“... Съ послѣднимъ совершенно согласуется идущій изъ глубокой старины обычай осыпать хмѣлемъ новобрачныхъ при встрѣчѣ ихъ въ домѣ изъ-подъ вѣнца. „Яръ-Хмѣль“—одно изъ именъ Свѣтлояра (Ярилы), слывшаго на языческой Руси богомъ всякаго земного плодородія. Еще до сихъ поръ жива въ деревенскомъ захолустьи память объ этомъ наслѣдникѣ Перуна-громовника, воспріявшемъ отъ низвергнутаго бога боговъ славянскихъ все доброе и свѣтлое, все идущее на усладу земной жизни.

„Пиво зелену вину — братъ родной, бражка — сестрица!“—вылетѣло изъ народныхъ устъ слово крылатое. „Безъ пива, безъ вина—и праздникъ не живетъ!“—приговариваетъ деревня:—„Безъ бражки хмѣльной свадьба не играется!“ Эти поговорки почерпнуты прямо изъ житейскаго обихода деревенскаго. Русское хлѣбосольство неразлучно съ ними,—недаромъ говорится, что: „Безъ пивца, безъ винца и пиръ—не въ пиръ, а въ безчестье!“, „Гостей зовешь, такъ и пиво вари!“, „Глядя на вино, хорошо и плясать; сколько пива—столько и пѣсенъ!“, „Безъ, зелена вина и бесѣда—впразелень!“

Не только веселья, но и забвенія, ищетъ русскій

народъ въ зеленомъ винѣ. „Охъ, въ горѣ жить—некручинну быть! А и горе, горе-гореваньице!“—льется, волною плыветъ по неоглядному приволью-раздольицу пѣсня проголосная: „Охъ, въ горѣ жить—некручинну быть! Нагому ходитъ—не стыдитися, а и денегъ нѣтъ—передъ деньгами, появилась гривна—передъ злыми дни. Не бывать плѣшаку кудрявому, не бывать гулякѣ богатому, не утѣшить дитя безъ матери... Ай, горе, горе-гореваньице! А и лыкомъ горе подпоясалось, мочалами ноги изопутаны! А я отъ горя въ темные лѣса, а горе прежде въ лѣсъ зашелъ; а я отъ горя въ почестной пиръ, а горе зашелъ—впереди сидитъ; а я отъ горя на царевъ кабакъ, а горе встрѣчаетъ, зелено вино тащитъ!..“ И вотъ, словно примиряясь съ такой насмѣшкою судьбы,—„Ой, спасибо тебѣ, синему кувшину, разогналъ-размыкалъ ты тоску-кручину!“—поетъ народная Русь съ давнихъ дней въ невеселый-забвенный часъ, заливая свою грусть-тоску неминучую. Но жизнь-мачиха подсказала-нашептала ей и совсѣмъ другія пѣсни. „Что это хмѣлинушка зародилася? Зародилась хмѣлинушка отъ сырой мати-земли, отъ сырой земли, отъ соложенки!“—зачинается-запѣвается одна изъ нихъ. Вслѣдъ за такой запѣвкою идутъ слова обличенія:

«Кто съ хмѣлинушкой поводится,
Тотъ недобрый человѣкъ.
Поводился, подружился молоденькій паренекъ,
Молоденькій паренекъ, его глупый разумокъ...»

За этими обличительными словами—живая картина простодушнаго народа-художника: „У кабакъ идетъ дѣтинка—словно маковка цвѣтеть; изъ кабака идетъ дѣтинушка—что лутошечка гола, что гола, гола, гола—въ чемъ матушка родила, въ чемъ матушка родила, а бабушка повила. У пьяницы у воротъ молода жена стоитъ, молода жена стоитъ, про пьяницу говоритъ.

Приди, пьяница, домой, пропойца, домой, ты пропилъ: промоталъ все житье-бытье свое, все житье-бытье свое, все житье-бытье свое и приданое мое!“.. Самарскіе пѣвуны съ пѣвуньями запѣваютъ родственную этой по содержанію пѣсню на нѣсколько иной ладъ‘ „Ахъ, ты, душенька молодой ямщикъ, ты къ чему такъ упиваешься? Въ кабакъ идешь—самъ шатаешься‘ изъ кабака идешь—самъ валяешься, возлѣ стѣнкв пробираешься, за вереюшку самъ хватаешься!“.. Кончается пѣсня словами: „Кабы знала, млада, вѣдала—вѣкъ сидѣла-бы во дѣвушкахъ!“, слишкомъ краснорѣчиво говорящими о разыгрывающемся на полотнѣ обрисованной пѣснею картины разладѣ семейной жизни, загубленной все тѣмъ-же веселящимъ сердца зеленымъ виномъ, о которомъ-такъ заманчиво „чарочки по столику позванивають, рюмочки пóходя поговариваютъ“.

Вино и пиво зачастую сравниваются въ народныхъ сказаніяхъ съ кровью. Битва—тотъ-же почестный пиръ; но только на этомъ пиру всѣ упиваются кровью. Такъ, напримѣръ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ безвѣстный пѣснотворецъ-баянъ называетъ бой свадебнымъ пиромъ, на которомъ „...кроваваго вина не достало“, пиромъ, который „докончили храбрые русичи: сватовъ напоили, а сами полегли за Землю Русскую“... Въ аѳанасьевскихъ „Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу“ приводится отрывокъ малорусской пѣсни, въ которой изъ устъ собирающагося на войну казака вылетаютъ такія слова: „Иду я туды, де роблятъ на диво червонее пиво зъ крови супостатъ“... У Сахарова въ его „Сказаніяхъ русскаго народа“, встрѣчается любопытная, проникнутая непосредственнымъ одушевленіемъ, казацкая пѣсня о раненомъ, возвращающемся съ кроваваго поля подъ родимый кровъ. „Не травушка, не ковылушка въ полѣ шаталася,— запѣвается она,—какъ шатался, волочился удалъ-добрый молодецъ, въ одной

тоненькой въ полотняной во рубашечкѣ, что во той-то было во кармазинной черкесочкѣ; у черкесочки рукавчики назадъ закинуты и камчатны его полочки назадъ застегнуты, бусурманскою онѣ кровію позабрызганы: онъ идетъ удалъ-добрый молодецъ, самъ шатается, горючей онъ слезою обливается, онъ тугимъ-то своимъ лукомъ опирается; позолотушка съ туга лука долой летитъ...“ Не попадается казаку никого на всей дорогѣ, — попалась-встрѣтилась по близости отъ дому его матушка родимая. Приняла она сынка за пьянаго. „Ахъ, ты, чадо мое, чадушко, чадо милое мое!—восклицаетъ она при встрѣчѣ съ нимъ. — Ты зачѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешься? До сырой земли все приклоняешься и за травушку, за ковылушку, все хватаешься?“ Вслѣдъ за этимъ вопросомъ идетъ въ пѣснѣ отвѣтъ удала-добра молодца:

«Я не самъ такъ, добрый молодецъ, напиваюся,
Напоилъ то меня турецкой царь тремя пойлами:
Какъ и первое-то его пойло—сабля острая,
А другое его пойло—копье мѣткое было,
Его третье-то пойло—пуля свинчатая»...

Древнеславянскія преданія, до извѣстной степени отразившіяся и въ русскомъ народномъ пѣснотворчествѣ, объясняютъ появленіе на землѣ вина, пива и другихъ охмѣляющихъ напитковъ небеснымъ происхожденіемъ. Они гласятъ, что впервые пролило ихъ на земныя поля небо, разверзшееся во время битвы двухъ поколѣній боговъ, смѣнявшихъ другъ друга. Нашлись такіе люди, что собрали этотъ случайный даръ небесъ въ чаши, попробовали невиданнаго напитка, и осѣнила ихъ нашептанная Чернобогомъ мысль сдѣлать самимъ нѣчто подобное изъ воды, хмѣля и хлѣба. Современное простонародное суевѣріе, давно позабывшее о Чернобогѣ, устами суровыхъ приверженцевъ „древляго благочестія“, приписываетъ науку винокуренія діаволу, врагу

рода христіанскаго, —невольно сходясь на этотъ разъ во мнѣніяхъ съ незапамятною языческой древностью, видѣвшей во всякомъ явленіи плодъ непрестанной борьбы двухъ враждебныхъ, обожествленныхъ міромъ, стихій — свѣта и мрака, воплощавшихся въ обликахъ Бѣлъбога и Чернобога. У многихъ древнихъ народовъ арійскаго корня дождю придавалось значеніе небеснаго вина, напояющаго жаждущую охмѣленія землю. Сохранились и преданія, уподобляющія грозу шумному небесному пиршеству, заканчивающемуся ссорой пирующихъ боговъ.

Пословицы, поговорки съ прибаутками расходятся на-двое во мнѣніяхъ о зеленомъ винѣ, его братьяхъ-сестрахъ и ихъ вліяніи на человѣка: однѣ видятъ во всемъ этомъ только веселую потѣху сердца, другія— рѣзко осуждаютъ послѣднюю, руководясь трезвымъ, незатуманеннымъ взглядомъ на жизнь. Народъ-краснословъ вообще не поскупился на красныя, мѣткія своею живучей образностью, рѣчи, по столь богатому для его впечатлительнаго воображенія поводу. „Гуляка“, по его словамъ, „только и ждетъ праздничка“, „Праздникъ приходитъ съ виномъ да съ пивомъ—такъ и непьющему выпить не диво!“, „У пьяницы—что ни день, то и праздникъ: то Саввы, то Варвары („сегодня не Савва, такъ завтра Варвара!“—по иному разносказу)!“ Глядючи на пропившихся сосѣдей, знающій-помнящій мѣру благосмысленный людъ поговариваетъ: „Просаввились, проварварились, закузьмили-задемьянили, николить зачнутъ—буйну голову пропьютъ!“ Гуляки всегда готовы отвѣтить на это вошедшею въ ихъ обиходъ отповѣдью—въ-родѣ: „У пьяницы домъ тянется!“, „Не смотри на то, что пьянъ,—гляди, что уменъ!“, „Гулять—не устать, а дней у Бога впереди много!“ и т. д.

Невесело глядѣть на пропоицъ благоразумному, трудящемуся сосѣдству, особенно тогда, когда на

глазахъ у него „вино достатокъ ѣстъ, хмѣль хозяйство зоритъ". По крылатымъ словамъ, перенятымъ отъ дѣдовъ-прадѣдовъ: „И безъ вина горе, а съ виномъ—старое одно да новыхъ два!", „Работа денежку копитъ, хмѣль денежку топитъ!", „Хмѣль-хмѣлекъ сведетъ и богатый домокъ въ одинъ уголокъ!", „Гулять съ молоду—помирать подъ старость съ голоду!", „Пуститься во всѣ нелегкія—попасть въ бѣды тяжкія!" Но, несмотря на все это, какъ свидѣтельствуетъ окрыленная вѣковой мудростью народная молвь, „разгулъ всегда найдетъ гулякъ!", „Запьютъ тряпички, загуляютъ и лоскутки!" Иной и отъ работы не бѣгаетъ, напротивъ—даже, что называется, „рубитъ въ два топора", а „все работа не спора!", „Что было, то спустилъ, что будетъ—и на то угостилъ!" Запьетъ-„закрутитъ"-загуляетъ рабочій человѣкъ, ему—по народному слову — „въ харчевняхъ первый почетъ", „пойдетъ у него изба по горницѣ, сѣни по палатямъ", въ головѣ все перепутается-затуманится до тѣхъ поръ, покуда не наступитъ тяжкій часъ похмѣлья неопохмѣлимаго, пока не изведется послѣдній грошъ. Счастливъ еще тотъ, кого „Богъ не забылъ", кто переможется да и опять за работу примется; не мало и совсѣмъ „спиваются съ круга", становятся „пропащими" для трудовой жизни людьми. Объ этихъ горюнахъ и сложились въ народной-хозяйственной Руси поговорки: „Ни въ городѣ порука, ни въ дорогѣ товарищъ, ни въ деревнѣ сосѣдъ!", „Ни въ городѣ Богданъ, ни въ деревнѣ Селифанъ!", „У Бога небо коптитъ, у Царя землю топчетъ!" и т. п. Даже и посмертная память объ этихъ загубленныхъ зеленымъ виномъ „ни Богданахъ—не Селифанахъ",—несмотря на все благоговѣніе русскаго народа передъ святостью загробнаго покоя,—идетъ по-свѣту недобрымъ словомъ. „Слава Богу, пожили на свѣтѣ—посрамили добрыхъ людей!"—вспоминаютъ о нихъ въ народѣ:

„Жилъ не крестьянинъ, умеръ — не родитель!“, „Жилъ не сосѣдъ, померъ—не покойникъ!“

На запой не смотритъ русскій народъ, какъ на порокъ,—видитъ онъ въ этой бѣдѣ тяжкій недугъ. Простодушное суевѣріе подаетъ совѣтъ обращаться въ подобныхъ случаяхъ къ вѣдунамъ-знахарямъ съ просьбой-докукою. Всякое наговорное „слово“ имъ, спознавшимся съ нездѣшней силою, вѣдомо; есть у нихъ заговоръ и про такихъ болящихъ, злою лихостью одержимыхъ. Древнерусское чернокнижіе сохранило до нашихъ дней не малое число заклятій противъ запоя.

Въ своемъ приговорѣ, опредѣляющемъ загробную юдоль пьяницъ, изъ-за зелена вина позабывавшихъ о Богѣ и о спасеніи души, русскій сказатель-пѣснотворецъ суровъ и неумолимъ. Стихъ о Страшномъ Судѣ Божіемъ такъ гласитъ объ уготованномъ для ихъ пребыванія мѣстѣ среди нераскаянныхъ грѣшниковъ:

«Тати пойдутъ во великій страхъ;
Разбойники пойдутъ въ грозы въ лютыя;
А чародѣи всѣ изыдутъ въ дьявольскій смрадъ;
А убійцамъ-то будетъ скрежетъ зубный;
Сребролюбцамъ-то будетъ несыпляющая червь,
Смѣхотворцамъ-груботворцамъ вѣчная плачь,
А пьяницамъ — смола горючая»...

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ.